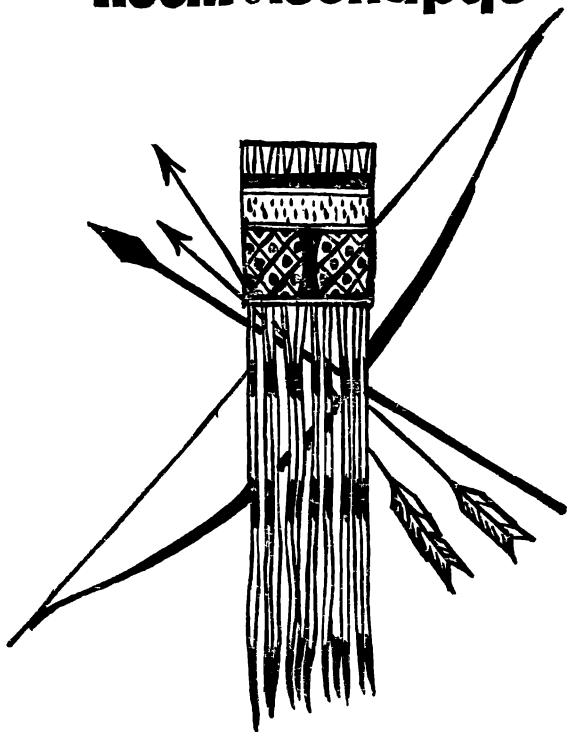

ИГОРЬ ФЕСУНЕНКО

Пост Леонардо

ИГОРЬ ФЕСУНЕНКО
Пост Леонардо

МОСКВА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». 1975

91 (И7)
Ф44

Scan+DjVu: AlVaKo
15/10/2024

© Издательство «Молодая гвардия», 1975 г.

Ф $\frac{70302-064}{078(02)-75}$ БЗ-48-021-74

ЧАСТЬ I

ПО ТУ СТОРОНУ РЕКИ СМЕРТЕЙ

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ АСФАЛЬТ

*Жители этой страны весьма кротки, им доставляет удовольствие видеть чужеземцев, угождать им и поддерживать с ними хорошие отношения.
Французский путешественник монах
Андре Теве, XVI век*

Мы не обманываем себя: мы понимаем, что эти люди, к несчастью, исчезнут. Мы только стремимся оттянуть, насколько это возможно, их исчезновение.

*Орландо Вилас-Боас, интервью журналу
«Вежа», 20 января 1971 года*

Арналдо, пилот крошечного «баркрайфта» — воздушного такси, которое я нанял в Белу-Оризонте, чтобы добраться до цели моего путешествия, рассеянно поглядывает на карту автомобильных дорог. Мне кажется, она развернута для солидности. Потому что ориентироваться по ней — по этой туристской карте, купленной в газетном киоске в Белу-Оризонте, — ориентироваться по ней в краю, где нет не только автомобильных дорог, но даже пешеходных троп, можно только интуитивно. Только на базе воображения.

Заметив мой беспокойный взгляд, пилот снисходительно улыбается:

— Не волнуйся: я знаю этот маршрут, как дорогу из спальни в гостиную в моей квартире. Не обращай

внимания на карту. Тем более что и я не обращаю на нее внимания.

Вероятно, он прав. К чему терзаться неизвестностью? Положившись на опыт и интуицию Арналдо, я решаю рассматривать наше прибытие в пункт назначения не как гипотетическую вероятность, а как осознанную необходимость. Так спокойнее. Тем более что лететь остается не так уж много. Судя по часам, укрепленным на приборной доске, примерно через полчаса мы увидим речку Туатуари. Пора браться за магнитофон и начинать запись первых метров репортажа, ради которого я и рискнул отправиться в этот глухой угол нашей планеты.

Самолет снижается метров до двухсот. Теперь уже можно различить кроны отдельных деревьев. Кое-где лес прореживается, образуя проплешины. Это следы пожара или большие «серрадос», луга, заросшие колючим кустарником и высокой травой. Амазонская сельва под нами еще не набрала свою полную силу. Это южная граница знаменитых джунглей, простирающихся в северной половине Южноамериканского континента. Вскоре внизу блеснула узенькая речушка.

— Туатуари! — кричит Арналдо.

Я хватаюсь за сумку с фотокамерами, и в этот момент под правым крылом проплывают две овальные хижины, похожие на гигантские стога сена.

— Это чикао! — говорит пилот.

Я ловлю хижины в глазок видоискателя. Арналдо закладывает глубокий вираж, лес подымается на дыбы, оказываясь на том месте, где только что дремали сонные, разморенные жарой барашки облаков. В груди что-то обрывается, захватывает дух, но через несколько секунд лес послушно возвращается на свое место — под крыло. Самолет ныряет вниз, вздрагивает, коснув-

шись земли, подпрыгивает и катится, вздымая клубы красной пыли.

Все-таки Арналдо знает свое дело: с убогой туристской картой, без радиомаяков и служб наведения он безошибочно вышел на узкую посадочную полосу, выжженную в сельве! Раздраженно чихнув, моторы останавливаются. Теперь можно оглядеться.

Первые впечатления сумбурные, невнятные, в основном какие-то «цветовые»: красная земля, красная пыль на плоскостях самолета. Ослепительное голубое небо. И густо-зеленая стена леса со всех сторон «аэродрома». Справа от нас торчит высокий шест, на нем безжизненно повис дырявый полосатый сачок, который должен был бы показывать нам направление ветра. Около него гордо возвышается, приветствуя путников, триумфальная арка: сучковатая доска, соединяющая два столба. На доске надпись: «Пост имени Леонардо. Национальный парк Шингу». Рядом с аркой тропинка, по которой к самолету бегут ребятишки. От деревянного барака в нашу сторону катит серый «джип». Итак, мы прибыли...

Главное сооружение поста Леонардо, именуемое «конторой», представляло собой довольно большой прямоугольный деревянный сарай, крытый черепицей, с небольшим внутренним двориком. Там размещалось все бюрократическое имущество Национального парка: темный, грубо сколоченный шкаф, крошечный заржавленный сейф, несколько табуреток, поломанный радиоприемник, «каптерка» с бельем, одеждой, посудой и прочим имуществом, предназначенным для индейцев. За тонкой деревянной перегородкой находилось помещение, напоминавшее солдатскую казарму: ряд железных коск с голыми матрацами. Справа от входа в «казарму» сиротливо приютилась на покосившейся тумбочке пишущая машинка. Судя по ее состоянию, она слу-

жила для составления финотчетов если не самому Христову Колумбу, то одному из его современников. На небольшом столике у окна возвышалась неуклюжая темно-зеленая армейская рация, очевидно определенная сюда после списания по акту из какой-нибудь воинской части.

Манипулируя переключателями, погружившись в истеричный хаос эфира, у радиации сидел хозяин всего этого маленького мира. «Директор» парка. Человек-легенда. Орlando Вилас-Боас.

Человек-легенда был обут в стертые шлепанцы. Его необъятный голый живот угрожающе нависал над шортами, состояние которых красноречиво свидетельствовало о превратностях жизни в сельве и о решимости Орlando примириться с отсутствием на посту Леонардо исправного утюга. Его одутловатое лицо у уголков толстого рта прорезали глубокие морщины, чуть прикрытые посевшими усами. Еще больше поседела растрепанная борода. Из-под шапочки — гибрида флотской бескозырки и арестантского картуза — на шею падали пряди нечесаных косм. Благодаря этой шапочке и этим космам он удивительно напоминал какого-нибудь провинциального дьякона. И лишь одна деталь его облика заставляла вспомнить о том, что мы имеем дело с легендарным покорителем джунглей: угрожающе болтавшийся на широком поясе чехол для ножа. В чехле хранились очки.

Вокруг нас суетились голозадые мальчишки с чемоданами и сумками. «С улицы» заглядывали в окна любопытствующие женские лица. Пахло сеном и краской. По дощатому полу неторопливо следовал исполинский таракан.

Спустя несколько мгновений Орlando прокричал в трубку: «У меня — все! Привет. Кончаю!» Встал, огляделся по сторонам и закричал одному из мальчишек:

«Кокоти! Возьми у меня в тумбочке ключи и сбегай за чистым бельем для гостей. Да не забудь полотенца!»

Потом он повернулся к нам и, вонзившись в меня широко расставленными цепкими глазами, протянул руку:

— Так это вы — советский журналист?

— Да. Меня зовут Игорь.

— Знаю, знаю. Меня уже предупредили по радио. А где же ваша бригада?

— Какая бригада?

— Ну, эти самые... операторы, осветители и все такое прочее.

Я объяснил, что никакой «бригады» у меня нет, и в своем собственном лице я совмещаю оператора, осветителя, фотографа, звукорежиссера, руководителя делегации и ее главного бухгалтера. Орlando засмеялся, хлопнул меня по плечу, заключая:

— Итак, ты у себя дома. Располагайся, делай что хочешь. Кокоти, если надо, поможет. А я всегда к твоим услугам. Что надо, спрашивай. Чем могу, помогу.

Еще через мгновение он отвернулся и зашагал прочь.

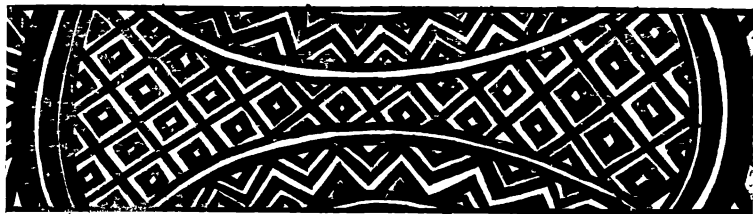
Когда утихла суматоха встречи и багаж был размещен на полу между койками, я вышел из «конторы», чтобы оглядеться. Весь пост Леонардо можно было окинуть одним взглядом, не рискуя при этом сломать себе шею. Вот почему уже через пару минут я разобрался в его нехитрой топографии. Прямо против входа в «контору» размещалась «поликлиника» — буро-коричневый каменный домик. Справа от «конторы» стояли два других домика. В одном из них жил пилот крошечного самолета «теко-теко» Гарсия, в другом — «завхоз» поста индеец Пиуни с женой и двумя детишками. На противоположной стороне поляны виднелся домик медсестер Марины и Марии, чуть дальше — деревянный склад и кухня, к которой примыкала столовая. Все эти камен-

ные и деревянные сооружения были окружены несколькими хижинами — «малоками». В них размещались индейцы — те, кто постоянно живет на посту, и те, кто навещает Орландо по разным своим делам: за лекарствами или за леской для рыбной ловли, просто поболтать о своем житье-бытье или сообщить какие-то важные новости.

Возле хижины стоял «теко-теко», привязанный, чтобы не опрокинуло ветром, канатами к столбам. Позади «штаб-квартиры» разместилось несколько барачков и сараев «техслужб»: склад стройматериалов, бензиновый «движок», высокая мачта радиостанции, курятник и кухня. Геометрическим центром лагеря служила «пекизейра» — громадное дерево с темно-зелеными плодами «пеки», напоминавшими по внешнему виду манго. «Пекизейра» высилась в самом центре поляны как раз против входа в «штаб-квартиру». Здесь постоянно копошились голые детишки. Время от времени с грозным шуршанием сквозь листья прорывался и гулко бухался на землю созревший плод. Сорванцы с торжествующими воплями кидались к нему, стремясь опередить друг друга. Если поблизости проходил Орландо, он грозно кричал: «Это — мне!», и мальчишка, схвативший «пеки», послушно трусил к «дедушке», вручая ему свою добычу.

«Контора» и все прочие сооружения поста были построены на кособоге. Речка Туатуари, протекавшая внизу, затопляла в период дождей другой берег на несколько километров. А здесь, на левом берегу, пост Леонардо всегда находился в безопасности: вода подымалась только до середины высокого обрывистого берега. Обо всем этом мне сообщил Луис Галон — старый друг Орландо, режиссер телевидения из Сан-Пауло, проводивший здесь, на посту Леонардо, свой отпуск. Он был весьма рад моему появлению и немедленно взял на себя роль гида в первые дни моего пребывания.

ЧТО ТАКОЕ «ШИНГУ»

...Было бы целесообразно исследовать вопрос о влиянии, оказанном индейцами на более поздние общественные формации, в частности, об их влиянии на колонизаторов наших земель.

...В развитии земледелия, в исследовании страны индейцы были деятельными помощниками, без которых колонизаторы никогда не смогли бы добиться того, что было ими сделано. Ни одно отражение атаки пиратов или корсаров, ни одна война против чужеземцев, ни одна экспедиция для исследования континента не обходились без индейцев как главных участников, как людей неопределимых достоинств, обеспечивающих успех. Славными подвигами индейцев богата история страны.

Наконец, еще более красноречиво то величие, с которым они выражали свой героический протест, сражаясь против насилия завоевателей. Восстания и войны против насилий ярко свидетельствуют о том, что этот народ обладал большой моральной стойкостью, которая делала его самым активным и достойным участником жизни нашего континента.

Бразильский историк Роша Помбу

Вечером 22 апреля 1500 года один из вахтенных моряков экспедиции португальского мореплавателя Педро Алвареса Кабрала, вышедшей полтора месяца назад из Лиссабона на поиски кратчайшего пути в Индию, разглядел в пламени заката далекую гору, словно поднимающуюся из пучин океана. Утром следующего дня первая группа португальцев высадилась на берегу маленькой бухты у подножия этой горы, получившей впоследствии имя «Паскоал». Их встретила группа туземцев. В руках у них были луки и стрелы. Но, отвечая на миролюбивые жесты португальцев, туземцы дружелюбно опустили оружие. Николау Коэльо, старый моряк, ходивший с Васко да Гама в Азию, приблизился к ним,

протягивая хозяевам новой, только что открытой земли свой красный берет и черную бархатную шапочку. Навстречу ему вышел индеец, в руках которого было ожерелье из ракушек и красивый венок из красных и серых птичьих перьев. Они обменялись подарками, поглядели друг на друга и разошлись. Так произошла первая в истории встреча португальцев с индейцами.

На следующий день Кабрал принял на своей каравелле двух первых представителей коренного населения этой земли. Писарь экспедиции монах Перо Вас де Каминья охарактеризовал их следующим образом: «Они были смуглые, красноватые, с красивыми лицами и прямыми носами. Голые, без какой бы то ни было одежды, они не стремились покрыть свои тела чем-либо, не высказывали каких-либо признаков стыда... Оба они имели в нижней губе отверстие, куда были продеты кости, шириной с веретено, длиной в пядь. Вставленные в нижнюю губу, они загибались в виде шахматной ладьи на том конце, что находился между губой и зубами. И так они носят эти кости торчащими в губе, но не чувствуется, что они мешают им говорить, кушать или пить...»

Кабрал приказал угостить индейцев. Им принесли хлеб, жареную рыбу, конфеты, мед и сушеные фиги. Они попробовали яства, но выплюнули их с отвращением. Вино чуть не вызвало у них тошноту.

Тогда Кабрал решил поразить и утратить туземцев: нарядившись в праздничный бархатный камзол, нацепив на себя все свои золотые драгоценности и бусы, он — словно король на трон — взгромоздился на высокое кресло резного дерева, установленное в центре палубы на толстом дорогом ковре, и повелел представить туземцев пред свои светлые очи. Для большей торжественности он приказал своим офицерам собраться перед «треном».

Вечерело. Ослепительно блестели офицерские шпаги и золото галунов. Зажгли факелы, в их мерцающем свете драгоценности и оружие засверкали еще ярче.

Увы, поразиться пришлось самому Кабралу и его свите. Они были изумлены спокойствием своих гостей, их полнейшим безразличием к происходящему. Не обращая внимания на всю эту пышную церемонию, на угрожающий блеск оружия и мундиров, они зевнули и улеглись на дорогой ковер, намереваясь мирно отойти ко сну. Что было делать, скажите, в этой ситуации полномочному представителю португальского короля Мануэла Первого Счастливого?.. Кабрал поступил мудро: он велел принести подушки и покрывала. Индейцы и эти диковинки встретили как должное.

Они спали до утра, потом встали и отправились на землю, которая с нынешнего дня переставала быть их землей. Впрочем, этого индейцы еще не знали. Доверчиво снабдили они корабли дровами и питьевой водой в обмен на несколько старых рубаш, ночных колпаков да несколько пар чехол, которые они, сочтя украшением, намотали на руки.

Так свершилась первая торговая операция между далекой Португалией и ее новой колонией, получившей впоследствии имя «Бразилия». Индейцы, надо полагать, не задумывались над историческим значением этого акта. Они доверчиво глядели вслед уходящим кораблям, не зная, что спустя несколько десятилетий их гости, столь доверчиво и радушно принятые на этой земле, вновь вернутся сюда, неся с собой порабощение и смерть. Они не могли глядеть в будущее, эти наивные, добродушные индейцы. Откуда им было знать, что спустя четыре с половиной столетия — 20 апреля 1970 года — газета «Жорнал до Бразил» опубликует следующую заметку, рассказывающую о судьбе их потомков: «Последние триста индейцев паташос — того самого

племени, которое некогда гостеприимно встретило Педро Алвареса Кабрала, — находятся под угрозой быть изгнанными с побережья близ Порту-Сегуру по требованию Бразильского института лесоразведения, который обвиняет паташос в том, что их посевы причиняют ущерб находящемуся здесь лесному массиву. ...Паташос из Порту-Сегуру находятся сегодня в состоянии крайней деградации, — писала «Жорнал до Бразил». — Они пытаются зарабатывать на жизнь, помогая рыбакам, которые уступают им небольшую часть улова. Считая индейцев ленивыми, жители Порту-Сегуру выгнали их с занимаемых ими земель и не позволяют найти какую-то работу в поселке».

Когда корабли Кабрала покинули бразильский берег, они оставили здесь двух португальцев. Их-то и можно считать первыми официальными представителями португальской короны в новой колонии: эти двое были преступниками, осужденными Лиссабоном на вечную ссылку.

Первое португальское поселение появилось в Бразилии тридцать лет спустя. А в 1549 году в колонию прибыл генерал-губернатор Томе де Соуза и с ним — группа иезуитов, которые впоследствии основали первую из бесчисленного множества миссий, целью которых было обращение «невежественных туземцев» в католическую веру. Новая колония заинтересовала Португалию как неисчерпаемый источник редких пород дерева и гигантская плантация сахарного тростника. Однако для снабжения Португалии деревом и сахаром кто-то должен был работать на плантациях сахарного тростника, рубить жакаранду и пау-бразил, обеспечивать колонистов провизией. И в поисках рабочих рук колонисты обратились к индейцам. Точнее говоря, не «обратились»: они стали превращать туземцев в рабов, игнорируя лицемерные папские буллы и королевские декреты, запре-

щавшие насильственное порабощение местного населения и фарисейски взывавшие к милосердию колонизаторов. Начался необратимый процесс закабаления и физического уничтожения индейского народа.

Колонизаторы вырезали целые племена, выжигали деревни, обращали в рабство мужчин, женщин и детей. В погоню за рабами начали снаряжать «бандейрас» — экспедиции, отправлявшиеся во внутренние районы страны. Каждая из них, возвращаясь, приводила по несколько тысяч рабов, тех, кто остался в живых после кровавых набегов на индейские деревни.

Однако индейцы не подходили на роль рабочего скота. Очень часто, захваченные в плен и обращенные в рабство, они погибали уже через несколько недель. Это была странная смерть: индеец ложился на землю и лежал, глядя в небо. Лежал час, другой, а потом умирал. Умирал, потому что не мог жить в неволе. Взбешенные португальцы били невольников бичами, пытали, но ничего не могли с ними поделать. Индейцы продолжали умирать. И тогда португальцы обратились к другому источнику дешевой рабочей силы, лежащему на противоположном берегу Атлантики, — к Африке. Тысячи кораблей работорговцев потянулись сюда, в Бразилию, с трюмами, забитыми чернокожими невольниками. Но это уже другая история, а мы вернемся к индейцам.

Они не покорялись без боя. До сих пор помнят в Бразилии имя легендарного Аурикабы, вождя племени манау, боровшегося с конкистадорами не на жизнь, а на смерть. Он бросился, чтобы не быть пленным, в реку Рио-Негро. До сих пор вспоминают правнуки имя Сапе Тиарау, вождя гуарани, сражавшегося с испанцами. Бразильские летописцы рассказывают об удивительном мужестве вождя Пиражибе, который в бою с голландцами (кто только не заявлялся в те бурные годы к бе-

регам Бразилии!), лишившись глаза, выбитого пулей, бился до тех пор, пока не упал замертво.

Чем стремительнее продвигалась «цивилизация», тем тяжелее приходилось аборигенам. Колонизаторы постепенно оттесняли их все дальше и дальше в глубь страны. Открытие золота в конце XVII века вызвало новый поток авантюристов, мечтавших о сказочном «Эльдорадо». Чтобы получить представление о масштабах безумия, охватившего в то время Бразилию, достаточно вспомнить, что в XVIII веке 35 процентов золота, добытого в мире, было извлечено из бразильских недр.

Затем пришла эпоха новой «лихорадки» — кофейной. Покорив сердце губернаторши острова Мартиника, молодой бразильский офицер Пальета, возвращаясь на родину, получил от нее букет цветов, в который вопреки строжайшему запрету была вложена горсть кофейных семян. Жена губернатора во имя любви совершила тягчайшее преступление: спустя несколько лет кофейные плантации заполнили все прибрежные районы Бразилии и вытеснили с мировых рынков мартиникский кофе. Кофейные деревца шагали все дальше и дальше от побережья, тесня племена гуарани, ботокудов, трумаи, камаюра. И именно здесь — в верховьях Шингу, в районе, где этот приток Амазонки рождается от слияния рек Кулуэне и Кулизеу, — они нашли идеальное убежище, самой природой защищенное от вторжения кровавых бандейрас. С юга доступ к плато блокировался отрогами хребта Ронкадор. С запада — рекой Сан-Мануэл. С севера — река Шингу, служившая, казалось, естественной дорогой в этот район из Амазонки, была почти непреодолимой из-за множества водопадов и порогов. Ну а с востока, откуда и надвигалась волна «белой цивилизации», верховья Шингу были надежно защищены реками Арагуая и Рио-дас-Мортес, полноводными, широкими, кишачими грозными пираньями, обросшие по бе-

регам непроходимой сельвой, которая даже простую высадку с лодки на берег превращала в акт героизма и смертельного риска. Рио-дас-Мортес — что в переводе означает «Река Смертей» — не случайно получила это мрачное имя. Вплоть до XX века она оставалась крайним рубежом проникновения белого человека в верховья Шингу. Многие экспедиции доходили до нее и... либо поворачивали назад, либо бесследно исчезали в зеленой пучине сельвы.

Первым прорубил окно в Шингу немецкий путешественник Карл фон ден Штейнен. В 1884 и 1887 годах он дважды побывал в этих краях, пройдя на лодках по Шингу и ее притокам до Амазонки. Две книги путевых записей отважного исследователя читаются сегодня с таким же захватывающим интересом, как романы Жюль Верна или фантастические новеллы Эдгара По. Скупые и бесстрастные дневники служат уникальным источником ценнейших сведений для этнографов, историков, биологов, искусствоведов, одним словом, для всех, кто изучает мир индейцев: ведь хотя со времени путешествий Штейнена в Шингу не прошло и ста лет, многие из встреченных им племен давно уже вымерли, и их жизнь, их облик, культура, язык известны нам только по записям немецкого путешественника.

Вслед за ним в Шингу попытались проникнуть и другие экспедиции. Самой известной и, может быть, самой трагической из них стала маленькая экспедиция неисправимого романтика и авантюриста английского полковника Перси Гаррисона Фосетта, исчезнувшая в джунглях Шингу в 1925 году. Как и многие другие ученые, Фосетт был убежден, что где-то здесь, в верховьях Шингу, обитали некогда предки инков, а может быть, и таинственная цивилизация, родившаяся на поглощенной океаном Атлантиде и нашедшая спасение в сердце Южной Америки. Между реками Сан-Мануэл и Рио-дас-Мортес пол-

ковник пытался искать следы этой цивилизации: таинственные «города», в существование которых он верил до самой своей гибели.

И уже совсем недавно — в 1934 году — на берегах Рио-дас-Мортес погибли два миссионера Жоао Фукс и Педро Сасилотти, нарушившие покой племени каражá. А спустя еще семь лет, в 1941 году — индейцы шавантес были атакованы пришедшими на берега Рио-дас-Мортес гаримпейрос — белыми авантюристами, разыскивающими в сельве золото и драгоценные камни. Направленная для улаживания конфликта экспедиция Пиментела Барбоза была разбита: хозяева этой земли не собирались отдавать без боя последний редут, последнюю крепость и убежище, оставшееся им в многовековой неравной борьбе с неумолимо наступавшей «цивилизацией» белых.

Кажется невероятным, но это факт: к началу сороковых годов нашего века, когда самолеты уже летали через Северный полюс, а ученые работали над расщеплением атома, плоскогорье Шингу оставалось единственной столь большой по площади (кроме Антарктиды, разумеется) неисследованной областью нашей планеты. Столь долгая изоляция от внешнего мира помогла образованию у племен, собравшихся в этом районе, общей культуры, которую ученые называли «культура Шингу». Разумеется, этот процесс взаимовлияния был далеко не мирным. Племена ожесточенно воевали друг с другом и с белыми «цивилизато», пытавшимися проникнуть сюда. Война была привычным делом для каждого племени, всегда ожидавшего нападения со стороны соседей и готового нанести ответный удар. Бывало и так, что некоторые племена заключали нечто вроде «пактов о ненападении» или объединялись в «военные союзы» против наиболее воинственных и грозных племен, таких, как чукарамае или чикао. Некоторые племена погибали в войнах и битвах с более сильными или вымирали вследствие эпи-

демий, вызванных контактами с белыми. Веками складывался этот своеобразный, удивительный, дразнящий воображение мир. Мир, который по-настоящему был разбужен лишь в 1943 году, когда сюда, на берега Шингу, пришли три брата Вилас-Боас: Орландо, Клаудио и Леонардо.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ, ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ, ПЕРВЫЕ ВОПРОСЫ

Кокоти, видимо, отлично справляется со своими обязанностями: уже через десять минут после прибытия мы с Арналдо обеспечены всем необходимым: полотенцем, скрипучей койкой и даже сменой чистого постельного белья. Я бросаю в тумбочку грязную рубаху, надеваю старенькие, выдавшие виды шорты и обуваю новые кеды, купленные три дня назад в Рио. Отличные кеды, марки «Адидас». Потом заряжаю фотоаппараты. Потом закладываю в магнитофон «Филипс» свежие батарейки и новую кассету с пленкой. И чувствую, что теперь я готов к любым приключениям и подвигам.

За дощатой перегородкой раздается хриплый раздраженный голос Орландо: «Кокоти! Кокоти! Куда, черт побери, исчез этот постреленок?» — «Я здесь, сеньор Орландо», — раздается в ответ из каптерки. «Где мои очки?» — «Сейчас найду, сеньор Орландо!»

За окном, близ которого стоит моя койка, слышится тихий горестный вздох. Выглянув наружу, я вижу старую овцу Ракель, глядящую на меня своими печальными глазами.

«Я ухожу на дорогу, — говорит кому-то Орландо. — Скажи Марине, чтобы не опаздывала к обеду».

Жизнь на посту идет своим чередом, и, чтобы побольше узнать и увидеть за неделю, которую я намереваюсь пробыть здесь, нужно не терять ни секунды. Схватив фотоаппараты, я выскакиваю из «конторы». Легче всего

войти в этот мир, следуя по пятам за Орландо. Сопровождая его повсюду. Наблюдая за ним и за теми, кто его окружает.

«Дорога», на которую он отправляется, еще не существует. Орландо назвал этим романтическим термином будущую тропу, которую он решил провести для «джи-па» от посадочной полосы к «конторе». Около часа Орландо с Пиуни и еще тремя индейцами бродит по кустарнику, втыкая шесты, намечающие ее маршрут. Вдоль этих шестов впоследствии придется корчевать пни, выжигать сушняк и выравнивать землю, срезая кочки и засыпая ямы.

Прокладка трассы вскоре заканчивается. Не прошло и часа, как Орландо, бросив очередной шест, семенит, припадая на левую ногу, обратно к «конторе»: приближается время сеанса связи с Сан-Пауло, где находится канцелярия Национального парка Шингу. Разговор по радио краток, но эмоционален: из Сан-Пауло сообщают, что караван грузовиков с продовольствием для поста Леонардо застрял где-то в районе хребта Ронкадор. Он не сумел преодолеть полторы сотни километров до того пункта, где идущие в «Парк» грузы обычно перегружают на лодки. Сан-Пауло запрашивает совета у Орландо, Орландо беспомощно и зло ругается, напоминая, что до начала дождей остается всего несколько дней, и если грузовики не вытащить сейчас, то они застрянут там на полгода. Сан-Пауло оправдывается, ссылаясь на устаревшую матчасть и отсутствие запчастей. Орландо кричит в микрофон нечто, не поддающееся цитированию. На этом сеанс связи заканчивается.

Вытерев пот со лба, Орландо вдруг веселеет, хлопает меня по плечу и тащит за руку. Мы спешим почти бегом на берег Туатуари, где, оказывается, все уже готово к началу самой торжественной и радостной операции дня: спуску на воду «Арки» — громадного челна, выдолблен-

ного из цельного ствола гигантского дерева. Орlando занимает на косогоре стратегическую позицию. Его лицо горит вдохновением и решимостью. Он похож на полководца, готовящегося двинуть своих гренадеров в атаку, и на грoссмейстера, обдумывающего ход в сеансе одновременной игры. Рядом с ним застыл худенький спокойный Пиуни, ожидая команды. Собравшиеся из окрестных селений индейцы — человек пятьдесят, не меньше — подложив под корявое днище два бревна, ожидают команды. Орlando машет рукой, я хватаю фотоаппарат. Под единодушные, хотя и разноязычные вопли — нечто вроде «раз-два, взяли! Еще-е-е-е взяли-и-и!..» — «Арка» грузно ползет с глинистого берега и грузно плюхается на воду. Бутылки шампанского под руками не имеютсЯ. Крещение корабля осуществляется куда более веселым образом: судостроители и ликующие не менее их зрителиницы прыгают в этот гигантский дреднот и с энтузиазмом раскачивают его, взбаламутив прозрачную Туатуари.

Убедившись, что лодка в полном порядке, Орlando радостно шлепает какого-то подвернувшегося под руку малыша и шагает обратно по косогору, намереваясь посмотреть, как идут дела с прокладкой «дороги». Неожиданно из-за леса выплывает туча, и спустя несколько минут разражается свирепый ливень. Мы едва-едва успеваем добежать до «конторы». Ветер смерчем бушует по лагерю. С тяжелым вздохом падает пальма. Рушится прямо на птичник, прибав зазевавшуюся курицу. Потом валится еще одно дерево, оборвав провода, связывавшие движок с рацией. За серой стеной воды исчезает даже черная пекизейра, высящаяся всего-то метрах в двадцати от «конторы».

Орlando вдруг срывается с места, ныряет в водоворот и исчезает, придерживая свою академическую шапочку. Минут через пять он возвращается, словно вы-

нырнув из бассейна, злой, взъерошенный и возбужденный.

— Марина! Где Марина? — кричит он, выжимая бороду. — Педро чуть не задохнулся!

Кто-то из мальчишек бежит за Мариной. Она появляется из-за стены дождя и сердито спрашивает, в чем дело, пытаясь отжать воду из волос.

— Педро чуть не погиб! — кричит ей Орlando. — Ты его бросила одного, форточка была открыта, и он чуть не захлебнулся!

Согнувшись, я шепотом спрашиваю у Кокоти, кто такой этот бедный Педро, которого спас Орlando.

— Это наш попугай, — говорит Кокоти. — Он сидел на форточке, привязанный к окну цепочкой, ливень опрокинул его навзничь, и бедняга чуть не захлебнулся в потоках воды.

Снова грохочет гром, испуганно вздрагивает Ракель. Мутные потоки воды несутся от посадочной полосы вниз, к реке, где одиноко маячит брошенная всеми и уже наполовину заполненная дождевой водой «Арка». А потом вдруг все неожиданно кончается, так же неожиданно, как началось. Тучи исчезают, уносимые ветром, солнце снова заливает нас жаром, становится душно и влажно. И тут я вижу, до какого совершенства доведена организация труда на посту Леонардо: без просьб и команд каждый из его обитателей, словно матросы на военном корабле, занимает свое «рабочее место». Кокоти с группой мальчишек начинает выметать воду из «конторы». Пиуни лезет на столб, пытаясь привести в порядок электропроводку. Водитель «джипа» Мейраван идет ремонтировать движок. Орlando отправляется в обход — проверить состояние барачков и складов.

Выясняется, что самый большой ущерб нанесен движку: навес, укрывавший его от дождя и ветра, рухнул.

— Один только ремонт навеса будет стоить нам четы-

реста крузейро, — сердито говорит Орlando. — При нашем бюджете это катастрофа!

Он качает головой и идет прочь. Я бреду за ним по пятам и вдруг чуть не утыкаюсь носом в его спину. Орlando неожиданно останавливается и пронзительно кричит:

— Арари! Где Арари?! Он знает, что происходит с его птичником? Да где же он, черт возьми? Вечно где-то болтается!

Кто-то бежит за Арари. Орlando нетерпеливо перемывается с ноги на ногу и продолжает кричать:

— Почему его никогда нет на месте, этого разгильдяя? Почему он всегда узнает последним, что происходит на его участке?

Появляется Арари — сонный, всклокоченный, худой индеец с неподвижным лицом. Придерживая рукой сползавшие штаны, он подходит к своему птичнику, глядит на разрушенную ограду, на громадный пальмовый ствол, раздавивший курицу и переломавший кормушки. Ни один мускул не вздрагивает на его лице.

— Возьми мачете, — говорит ему Орlando, — разрубь ствол и очисти курятник. Потом сделай новую загородку. Да не забудь выпустить кур из клетки. Иначе они подохнут от жажды.

Пиуни укоризненно качает головой, Кокоти хихикает за спиной Орlando, Арари невозмутимо берет мачете и, не обращая ни на кого внимания, принимается за дело.

Вздыхнув и даже замурлыкав себе под нос какую-то песенку, Орlando идет в медпункт к Марине. Здесь настоящий поток. Как острова, высятся стулья, операционный стол, покрытый белой простыней, и тумбочки, на которых сиротливо жмутся друг к другу склянки с лекарствами. Марина воркует над бедным Педро, чистящим перья на своем подоконнике. Из окна виднеется громадная туча, уходящая на юг, к Шавантине —

ближайшему населенному пункту, километрах в трехстах отсюда. Провожая тучу взглядом, Орlando качает головой:

— Скоро начнется. Числа с первого зарядит до марта. Зальет все... А грузовики-то наши застряли? Беда... Тут в это время — в сентябре — октябре нужно держать ухо востро: людей у нас много, чуть запоздаем с заготовкой продовольствия — до марта придется голодать. А ведь трудно даже поверить, что совсем недавно стояла такая сушь, спичкой страшно было чиркнуть: казалось, так и пойдет все полыхать от случайной искры.

Быстро стемнело. На пост опускается мрачный — без света и радио — вечер. Вдалеке, где-то над Шавантиной, мелькают зарницы, и изредка доползает недовольное ворчание грома. В маленьком и уютном домике Марины при бледном свете керосиновой лампы, о которую остервенело бьются черные жуки и москиты, мы ужинаем рисом, фасолью в соусе, приготовленном из сушеного мяса.

— Пошли проведем Униранью, — предлагает мне Марина, вставая из-за стола.

Я беру фонарик и, светя ей под ноги, шагаю следом. Унираней зовут девочку лет десяти, привезенную из какого-то дальнего селения. Она больна. Больна давно. Одинокaя, не знающая ни слова по-португальски, — а этот язык служит тут, на посту Леонардо, чем-то вроде эсперанто, — оторванная от семьи и детей своего племени, лежит эта девочка здесь, в изоляторе, уже несколько дней. Лежит тихо, не плача, не жалуясь. В глазах ее застыли страх, удивление и боль.

Матрешка, которую я сунул ей в руку, не произвела на нее никакого впечатления. Тогда я высыпал на одеяло горсть конфет. Девочка берет одну из них, разворачивает и кладет в рот, равнодушно глядя — на меня или сквозь меня? Марина ставит ей градусник, гладит по головке.

— По всей видимости, у нее что-то с почками, — говорит она, когда мы идем обратно в «контору». — Если завтра утром наладят движок, придется снова разговаривать с врачом из Сан-Пауло. Мы уже беседовали с ним несколько раз, но он не может поставить диагноз заочно. Позавчера он сообщил, что получено разрешение на его вылет сюда. И если погода не испортится, то завтра или послезавтра он, может быть, будет здесь.

В пустой темной «конторе» сидит Орландо. Под размеренный храп спящего за стенкой Арналдо он щелкает на счетах.

— Это ты, Игорь? — спрашивает он, не оборачиваясь. — Ну как дела? Как впечатления первого дня?

— Все нормально, — отвечаю я будничным тоном, словно поездка в Шингу является для меня таким же заурядным делом, как чтение утренних газет в удобном и спокойном кабинете корпункта в Рио.

— Ну, ну... — бурчит себе под нос Орландо, отставляя счеты и делая какие-то пометки в толстой канцелярской книге.

— Проверяете состояние финансов? — спрашиваю я.

— Пытаюсь, — отвечает он со вздохом. — Только проверять-то особенно нечего: денег нет. Да еще эта крыша, как назло, свалилась...

Мы молчим, думая каждый о своем. За дверью слышится шлепанье босых ног, и из мрака появляется Кокоти:

— Сеньор Орландо, я вам больше не нужен?

— Иди спать, детка, — говорит Орландо. — Постой! А где мои очки?

— Да вон они, под книжкой.

— А, ну ладно, тогда иди отдыхай.

— Спокойной ночи, Орландо, — говорит Кокоти. И, повернувшись ко мне, добавляет: — Спокойной ночи, сеньор.

Мы снова молчим. Трещат цикады. С листьев падают тяжелые капли. Потом Орlando спрашивает:

— Ну как тебе показалось наше хозяйство? Разобрался во всем? Похоже оно на этот ваш — как его? — колхоз?

— Не очень.

— Что «не очень»: не похоже? — улыбается он.

— Да нет, я не очень разобрался во всем этом.

— Ну так спрашивай, объясню, если смогу. Хозяйство у нас простое.

— Для начала один вопрос: что это такое — Национальный парк Шингу? Для чего он создан, как существует, кем и каким образом управляется?

— Ничего себе «один вопрос»! — ухмыляется Орlando. Он потягивается, достает из пачки и сует себе в рот вонючую сигаретку, глотает горький дымок и вдруг начинает скороговоркой, словно читая лекцию в университете:

— Национальный парк Шингу основан в 1961 году, когда президентом страны был Жанио Куадрос. Предполагалось, что парк этот станет не только убежищем для индейского населения Центральной Бразилии, но и национальным природным заповедником, который должен сберечь для наших потомков Бразилию прошлого, Бразилию времен Кабрала со всей ее удивительной природой, со всем ее разнообразным животным и растительным миром, которые сохранились здесь в неприкосновенности благодаря трудностям доступа в эти места.

Первоначально мы, то есть администрация Парка, были подчинены непосредственно канцелярии президента страны. Вскоре, однако, нас передали в ведение министерства внутренних районов, и это «понижение в ранге» отразилось на нашем положении не лучшим образом.

Географически наш заповедник располагается на границе Центрального бразильского плоскогорья и Южной

Амазонии, занимая территорию в тридцать тысяч квадратных километров на севере штата Мату-Гроссу, вдоль рек Кулуэне, Ронуро и Батови, сливающихся в Шингу. «Столицей» Парка является наш пост Леонардо. Здесь у нас сосредоточено руководство всей жизнью Шингу. Километрах в ста двадцати к северу расположен другой пост — Диауарум, где работает мой брат Клаудио. Мы с ним наблюдаем за жизнью племен, обитающих на территории Парка, оказываем им посильную помощь. Охраняем от «благотворного влияния цивилизации».

— Я успел заметить, что многие работы тут у вас выполняются индейцами. Легко их было обучить этому?

— А почему бы и нет? Индейцы очень восприимчивы, их можно обучить чему угодно. Мы сознательно поручаем им самые сложные работы, потому что задались целью не просто оградить их от нежелательных контактов с белыми, но и доказать, что они не хуже нас могут выполнять нашу работу, осваивать наши профессии.

— Ну и как? Получается?

— Да. Считаю, что наш опыт полностью удался. Даже за один сегодняшний день ты, Игорь, уже обратил внимание, что все основные работы на посту Леонардо выполняют индейцы. С самого начала я выбрал самых смысленных и распределил между ними обязанности, создав нечто вроде «кабинета министров». Старший у меня — Пиуни из племени кайаби. Он заведует техникой: движком, лодочными моторами и «джипом». У Пиуни имеется четверо помощников. Мегарон из племени чукарамае, Мейраван — тупи, Катинго — суйа и Аруйари — трумаи. «Пищеблок» обеспечивают Сабино и его жена Акау. Они, как и Пиуни, из племени кайаби. Обязанности птичника возложены на Арари — трумаи.

Помимо этого «кабинета министров», у меня имеется «секретариат» для выполнения всяких мелких поручений, двенадцатилетний Кокоти, который готовил вам с

Арналдо постели, тринадцатилетний Арарапа (эти двое — трумаи), одиннадцатилетний чукарамае Такрери и Табата, которому четырнадцать лет.

Кроме «кабинета министров» и «секретариата», мы имеем здесь, на Посту, еще шестнадцать индейцев, которые выполняют осгальные работы: ремонтируют постройки и хижины, выжигают лес под плантации и засевают их рисом и фасолью. Недавно мы собрали очередной урожай: четыреста мешков риса и двадцать — фасоли. А сейчас снова подготовились к севу, ожидаем только подходящего момента.

Разумеется, эти продукты идут не только для нашего, так сказать, внутреннего потребления на Посту. Значительную часть урожая мы передаем племенам, живущим на территории Парка. Они, разумеется, получают от нас продукты не «бесплатно», не «за спасибо», а помогают персоналу Поста в выполнении различных работ, в первую очередь по посеву и уборке урожая.

— Продукты вы производите сами. Во всяком случае, их основную часть. А кто обеспечивает Леонардо и Диануарум лекарствами, стройматериалами, бензином, запасными частями для лодочных моторов, батарейками для фонарей и прочими предметами, которые вы здесь не можете производить?

— Мы имеем специальную контору в Сан-Пауло, связь с которой, как ты уже наблюдал, поддерживается по радио. Она производит для нас закупки всех этих вещей за счет средств, ассигнуемых министерством на содержание Парка.

— А как это все сюда доставляется?

— О, это целая одиссея, — засмеялся Орландо. — Кое-что приходит к нам с самолетами ФАБ — бразильских военно-воздушных сил. Дело в том, что ФАБ имеет в Амазонии несколько своих баз, и, летая туда, самолеты по пути иногда садятся и у нас, оставляя почту, медика-

менты да и некоторые срочные, но не очень тяжелые грузы. Основная же масса нашего «импорта» идет с «Большой земли» очень сложным путем: сначала товары грузятся в Сан-Пауло на грузовики, которые идут до Шавантины. Там машины проходят специальный техосмотр. Покинув Шавантину, они преодолевают горный хребет Ронкадор с его непроходимыми дорогами, где машинам приходится идти по горным карнизам, размываемым ливнями, и по тропам, прорубленным в сельве. На восьмые сутки, если все обстоит благополучно, караван доходит до верховьев реки Сете-де-Сетембро, где груз переваливается на высылаемые нами заранее лодки. Кстати, завтра туда пойдет «Арка», которую мы сегодня спускали на воду. Она присоединится к остальной «флотилии», которая уже ждет грузовики.

От места перевалки лодки возвращаются сюда по рекам Сете-де-Сетембро, Кулуэне, Туатуари, преодолевая пороги, подводные камни и мели. На этот отрезок пути затрачивается около десяти суток. Таким образом, груз, отправленный из Сан-Пауло, прибывает к нам недели через три. Если, повторяю, все обстоит благополучно, а не так, как сейчас, — он устало кивнул головой в сторону рации, напоминая о дневном разговоре с Сан-Пауло.

— А сколько всего индейцев обитает на территории Парка?

— Полтора десятка племен, объединяющих около тысячи человек.

— А всего в Бразилии сколько сейчас индейцев?

— Об этом, как ни странно, никто не имеет точного представления. Генерал Рондон, возглавивший в начале века первую экспедицию в Амазонию, полагал, что в стране к тому времени насчитывалось около восьмисот тысяч индейцев. Сейчас, как мне кажется, их численность не должна превышать ста пятидесяти тысяч. Из них около восьмидесяти или девяноста тысяч уже

вступили в контакт с белым человеком и получают время от времени некоторую помощь от ФУНАИ — Национального фонда индейцев. Остальные продолжают пребывать в состоянии изоляции.

— Племена, населяющие территорию Парка, этнически близки между собой? Они говорят на одном языке или на разных?

— Нет, они делятся на несколько групп. Дело в том, что все племена, обитающие на территории Бразилии, или, если уж говорить точно, почти все, делятся на четыре большие языковые группы: в одну входят племена, говорящие на языках семейства тупи, в другую — на языках карибе, в третью — араваке, в четвертую — же. Та же самая картина наблюдается и у нас в Парке. В северной части Парка — вокруг Диауарума живут, например, племена суйа, чукарамае, кайаби и журуна. Первые двое принадлежат к языковому семейству же. Кайаби говорят на языке, относящемся к группе тупи, а журуна — на одном из так называемых «изолированных» языков, выходящих за рамки четырех основных семейств.

На юге Парка — вокруг нашего поста — живут одиннадцать племен: камаюра, ауэти, говорящие на языках семейства тупи; куйкуру, калапало, матипу и нахуква — их языки относятся к группе карибе; ваура, мехинаку и иолапити, говорящие на языках араваке; а также трумай — изолированная языковая группа.

Все это отдельные, обособленные сообщества людей, говорящие на разных языках. Однако по образу жизни, по уровню развития они почти не отличаются друг от друга. И поэтому мы относим их к одной этнической группе, к одной культурной ветви, именуя ее «культура Шингу». Хотя, конечно, тут имеются и особенности, о которых не следует забывать. Племена южной зоны Парка раньше, чем живущие на севере, перешли к оседлому образу жизни, к возделыванию маниоки

и других культур. И поэтому добились бóльшего прогресса в области организации домашнего хозяйства. Их пример постепенно заражает племена кочевников. Чукарамае, например, вплоть до самого недавнего времени кочевали. Жили сбором плодов, рыбной ловлей и охотой. Вынуждены были в поисках рыбы и плодов проходить гигантские расстояния. А теперь они начали соображать, глядя на своих соседей — иолапити, камаюра и других, что оседлая жизнь проще и безопаснее...

Орландо сладко зевает и чуть было не проглатывает какое-то летающее чудовище. Отплевавшись с остервенением, он сует в рот потухшую сигарету и протирает глаза руками. Я вижу, что он смертельно устал. Я чувствую, что после всей этой сегодняшней суматохи, после этого ливня, умолкнувшей рации, захлебнувшегося Педро, застрявших где-то грузовиков, рухнувшего сарая и прочих неприятностей, свалившихся ему на голову, он с громадным удовольствием послал бы меня, любознательного, со всеми моими вопросами куда-нибудь очень далеко.

Да, он прав. В конце концов впереди у меня еще много времени. Нужно осмотреться, разобраться, что к чему, а потом уже допрашивать Орландо.

«НЕТ ЛИ У ВАС БАТАРЕЙКИ?»

В жизни каждого человека бывают, вероятно, мгновения, когда он вдруг чувствует, что очутился на берегу своего Рубикона. Подошел к рубежу, за которым начинается какой-то новый этап жизни.

В своей хотя и не слишком долгой, но весьма богатой приключениями жизни мне довелось пересекать экватор, блуждать по руинам легендарной инкской крепости Мачу-Пикчу, пить воду Ориноко, интервьюировать космонавтов, фотографировать тысячный гол Пеле, бродить

по серым подземельям средневековых фортов в Картахене и объясняться с шефом политической полиции Гуаякиля, заподозрившим во мне «коммунистического шпиона». Но, по-моему, впервые я почувствовал себя на берегу моего Рубикона в тот жаркий октябрьский полдень, когда Кокоти, выведя меня узкой бугристой тропкой из леса, махнул рукой в сторону большой поляны и спокойно сказал: «Иолапити...»

Метрах в ста прямо перед нами виднелись четыре громадные серо-желтые хижины, скрывавшие этот таинственный и загадочный мир — йолапити. Сто метров отделяли меня от каменного века, от костров, зажигаемых трением деревянных палочек, от грозного рокота барабанов, возвещающих о войне и мире, от тихого свиста стрел и глухих ударов боевых дубинок. Сто метров, которые должны были перевернуть еще одну, может быть самую интересную, страницу моей жизни. И кто может осудить меня за то, что в душу мою вдруг закрались сомнения? Кокоти равнодушно ждал, пока я, делая вид, что подтягиваю ослабевший ремень сумки с магнитофоном и фотоаппаратами, пытался привести в порядок растрепанные мысли и чувства. Возясь с сумкой, я не заметил, как из ближайшей к нам хижины вышел индеец и зашагал прямо на нас. Я увидел его, когда он уже подходил к нам. Высокий, статный, лет двадцати на вид, он шел прямо на меня и глядел мне в лицо спокойно и холодно. В его взгляде не чувствовалось вражды, но и не было заметно дружелюбия. Он подошел к нам вплотную и остановился.

Я собираюсь протянуть ему подарки, а он улыбается и спокойно, на отличном португальском языке спрашивает меня:

— Добрый день, сеньор! У вас случайно не найдется полудюжины батареек для магнитофона «Филипс»?

Я выпрямляюсь и растерянно гляжу на своего себе-

седника. Потом протягиваю ему руку и пытаюсь мямлить, что очень рад его видеть, что, надеюсь, мое присутствие не удивляет его, что батарейки у меня, конечно же, найдутся, но я, право же, никак не мог предположить, что здесь, вдали от... короче говоря...

Еще через пять минут мы уже хлопаем друг друга по плечам, и мой новый друг сует себе в рот сигарету «Континенталь», которую я предлагаю ему за отсутствием трубки мира.

Я узнаю, что его зовут Аритана, что он уже побывал несколько лет назад в Сан-Пауло, откуда вернулся в свою деревню с магнитофоном, подаренным кем-то из тамошних репортеров. Батарейки вскоре «скисли», и магнитофон замолк. То, что именно он встретил нас с Кокоти, оказалось случайностью. Но случайностью счастливой: Аритана, как выяснилось, сын вождя племени. Гостеприимно сойдя с тропинки, он приглашает меня следовать за ним в деревню. И мы гуськом двигаемся к центру поляны. Впереди — Аритана, за ним — я, в арьергарде — Кокоти.

В центре поляны я вижу маленькую хижину. Точнее говоря, грубый соломенный навес, покоящийся на четырех столбах. Я догадываюсь, что это «дом флейты», о котором упоминают все побывавшие в Шингу путешественники. Нечто вроде «мужского клуба», куда женщинам вход строжайше запрещен. В шалаше сидят несколько индейцев и ведут неторопливую беседу.

Как и полагается по освещенному веками дипломатическому протоколу, первым делом меня представляют «главе государства» — отцу Аританы, Канато. Кокоти чинно здоровается с вождем и говорит, что увешанный фотоаппаратами «караиба» является другом Орlando и испытывает желание познакомиться с жизнью замечательного племени иолапити, весть о котором дошла даже до племени караиба, расположенного так далеко, что

понадобилось бы три-четыре «луны», чтобы добраться до него на большой-большой лодке.

Канато, отложив в сторону зубило, которым он тесал какую-то толстенную палку, протягивает мне руку и снисходительно отвечает, что друзья Орlando — его друзья, и караиба может чувствовать себя во владениях иолапити как в своем собственном доме.

Несмотря на отсутствие каких бы то ни было признаков одежды, он выглядит весьма импозантно. Выкрашенные красной краской и постриженные «под горшок» волосы аккуратно причесаны. Бицепсы рук туго перехвачены серой тесемкой. Из-под припухлых век он разглядывает меня сосредоточенно, но дружелюбно. Вслед за вождем мне протягивают мозолистые негнущиеся ладони и окружающие его индейцы. Каждый из них считает своим долгом продемонстрировать некоторое знакомство с португальским языком, учтиво осведомившись «комо шяма?» — «как тебя зовут?». В мгновение ока опустошается вынутая визитером пачка сигарет, и к низкой кровле шалаша уютно подымается голубой дымок, располагающий к дружеской беседе.

При ближайшем рассмотрении палка, которую Канато вновь принимается сосредоточенно обтесывать, оказалась волшебной флейтой «жакуй». Как и весь этот «мужской клуб», «жакуи» тоже табу для женщин: они не могли не только видеть, но даже слышать ее звук. Я спрашиваю, можно ли мне услышать «жакуи». Канато великодушно соглашается. Тут же из-под вороха соломы в углу шалаша извлекается такая же флейта, и вождь, отложив свое зубило в сторону и спокойно облизав губы, подносит музыкальный инструмент ко рту. Да, это действительно флейта! Тихие протяжные звуки, льющиеся из «жакуи», складываются в бесхитростную музыкальную тему, навевающую какие-то спокойные, я бы даже сказал, лирические ассоциации. Если бы не столь экзотиче-

ская обстановка, я был бы готов, закрыв глаза, представить себе раннее утро, солнце, показавшееся из-за черного дальнего леса, и настойчивый пастуший рожок, созывающий стадо... Потом в эту идиллическую тему вкрались какие-то тревожные нотки, раздались зловещие вскрикивания, предупреждавшие, видимо, об опасности, флейта пронзительно взвизгнула и замолкла.

Я тут же хочу выразить охватившие меня чувства искренней благодарности, но Канато глядит на меня весьма равнодушно. Он не ждет восторженных отзывов и явно не интересуется моим мнением. Он знал, что сделал доброе дело, позволив караибу приобщиться к великому искусству иолапити. И все же я пытаюсь выразить свое восхищение и интересуюсь темой исполненного произведения. Канато снисходительно разъясняет, что это была мелодия песни о ловле рыбы. Потом он говорит, что в репертуаре племени имеются и другие, так сказать, «функциональные» мелодии, исполняющиеся, например, при отъезде кого-то из соплеменников в дальний путь или при его возвращении. Мелодии, сопровождающие трудовые процессы, строительство хижин, например, или посев маниоки. Или церемониальные песни, которыми отмечают рождение и смерть. Я старательно киваю головой, и Канато, растроганный, наконец, моим интересом к духовной культуре иолапити, иллюстрирует свои объяснения исполнением «похоронного марша» своего племени. На сей раз мелодия звучит в исполнении дуэта: к Канато подключился Аритана. Отец ведет основную тему, вероятно, «мужскую»: протяжную, мрачную, заунывную. Флейта сына вскрикивает, имитируя рыдания женщин над телом погибшего сына, мужа или отца.

Потом флейты откладываются в сторону, и мы начинаем осмотр деревни с малоки, где обитает семья самого Канато.

Из всех известных человечеству жилищ индейская

малока является, пожалуй, одним из самых остроумных и любопытных. Вычерчивается на земле овал метров пятнадцати-двадцати длиной и метров семи-десяти шириной. Затем по границе овала вкапывают длинные жерди, сходящиеся вверху, метрах в семи от земли. Для прочности они переплетаются горизонтальными жердями, после чего этот каркас оплетается «сапе» — соломой из пальмы. Два отверстия — двери, расположенные по короткому диаметру овала, одна против другой, создают сквознячок. Дом готов!

В каждой малоке живет несколько семей. У каждой семьи есть своя территория, свои гамаки, свои миски и прочая утварь. И никто в эти миски не сует любопытного носа. Все это я узнал впоследствии от Орландо. Потому что, тогда, в самый первый момент, когда, охваченный трепетным нетерпением, я ступил в малоку Канато, мне было не до обобщений и не до рассуждений. Я стремился глядеть во все глаза...

Впрочем, в первую минуту я ничего не увидел: слишком резким был контраст между ярким солнечным светом снаружи и густым полумраком внутри малоки. Потом глаза освоились, и, как на проявляющемся в полутемной фотолаборатории негативе, начали прорезаться первые детали: в центре горит костер, вокруг него сидят на корточках несколько женщин. Одна скребет громадную глиняную сковороду. Другая размешивает рукой нечто напоминающее жидкое белое тесто. Третья сосредоточенно смотрит на первых двух. Рядом с ней лежат разморенные нестерпимой духотой три собаки, лениво поглядывающие на незнакомца, и тощая кошка, вытянувшаяся близ огня. Вверху раздается какой-то пронзительный крик. Это пискнул, реагируя на визитеров, а может, просто укушенный блохой, маленький зеленый попугай «арара».

Два толстых столба, расположенных по обе стороны

входного отверстия, служат опорами всего каркаса малоки. От них к боковым жердям протянуты гамаки. В одном из них сейчас лежит супруга вождя Канато — мать Аританы. По ее животу ползает малыш. Женщина не говорит по-португальски, поэтому Аритана, объяснив ей, кто я такой, берет на себя обязанности переводчика.

Я спрашиваю женщину, как ее зовут. Она отвечает: «Дэбори». Однако уже второй вопрос ставит ее в тупик: не может сказать, сколько у нее детей, ибо не умеет считать. Аритана поясняет, что его мать, как и большинство соплеменников, считает до шести. А все, что идет, так сказать, «сверх этого», именуется словом «много». Поэтому Дебори, пытаясь ответить на мой вопрос о количестве детей, идет по более простому пути: она перечисляет имена всех своих детей.

Далее я выясняю у нее, что все дети здоровы, что кормит она их лепешками из маниоки, кукурузой, рыбой и мясом макак — крошечных обезьянок, единственных животных, употребляемых иногда, но весьма редко, индейцами Шингу в пищу.

Впоследствии я узнал романтическую историю этого семейства. Лет двадцать назад Канато, бывший тогда, кстати сказать, чемпионом иолапити по борьбе «ука-ука», познакомился с Дебори. Она была дочерью вождя камаюра и женой одного из самых уважаемых своих соплеменников. Как известно, любовь не знает границ, и Канато в один прекрасный день взял свою возлюбленную за руку и сбежал с ней. Разгневанные супруг и отец беглянки вымазались черной краской «женипапо», поклявшись убить обидчика. Погоня, однако, была безуспешной: Канато слишком хорошо знал окрестности и надежно упрятал свою красавицу.

Прошло несколько лет, и тоска по дочери убила гнев в сердце старого отца. Он торжественно объявил, что согласен признать Канато мужем своей дочери, после че-

го Канато смог приступить к спокойному созиданию своего семейного очага. Этот брак был столь идиллическим, что растроганный отец решил отдать Канато свою вторую дочку — младшую сестру Дебори. Так у вождя иолапити стало две жены. Совсем недавно он обзавелся и третьей супругой — молоденькой иолапити. Все три жены отлично уживаются друг с другом, деля между собой под мудрым руководством Дебори свои домашние обязанности.

Мне рассказали, что, когда Аритана было четырнадцать лет, он прожил в Сан-Пауло (в доме Орландо) семь месяцев. Злые языки утверждали, что Аритана даже успел завести там, на земле караибов, подружку. Прослышав об этом, взволнованная Дебори вынуждена была срочно подыскивать блудному сыну невесту. После бурных семейных советов и споров в качестве кандидатки была утверждена дочка вождя соседнего племени калапáло. Правда, ей не было тогда и двенадцати лет, но это не имело значения. В конце концов Аритана мог и подождать, пока невеста подрастет и пройдет обязательный для всех подростков период добровольного заточения в специальном домашнем карцере. Я увидел этот карцер неподалеку от гамака Дебори: какой-то странный шалаш, напоминавший громадный шкаф, сплетенный из соломы и сухих пальмовых листьев.

Около года подросток сидит в этом карцере, совершенно изолированный от внешнего мира. Лишь по ночам тайком, чтобы никто не видел, он выходит оттуда, спешит к речке, купается и потом бегом возвращается в эту добровольную тюрьму. Считается, что таким образом девочки становятся приготовленными к замужеству, а мальчики обретают силу, мужество, выносливость. По окончании «карантина» устраивается праздник: будущий мужчина посвящается в «воины». Он борется со своими сверстниками, демонстрируя силу и ловкость. Окру-

женные толпой «болельщиков», борцы становятся друг против друга, наклоняются и начинают угрожающе рычать, стремясь «запугать» противника. Потом они принимают медленно ходить вокруг какой-то воображаемой точки, лежащей между ними, затем падают на колени и начинают ерзать на четвереньках, продолжая вращательное движение. Их головы сближаются, они хватают одной рукой соперника за шею, другой за руку, поднимаются на ноги, и тут начинается собственно борьба, продолжающаяся до тех пор, пока кто-то из двоих не окажется на земле.

Девочка во время заточения перевязывает ноги тесемками на щиколотках и чуть ниже колен. От этого мышцы икр опухают и вздуваются. Девочка вместе с тем все эти месяцы не имеет права стричь волосы, и ее выход на свободу знаменуется обрядом «пострижения», который обычно выполняет ее жених. Но главным символом приобщения к миру взрослых является для девушки одевание — сразу же после «карантина» — «улури». Так называется тонкий пояс из бечевки, который женщины Шингу (именно женщины, а не девушки!) носят на бедрах и который служит им обычно единственной «одеждой». «Улури» является характерной приметой этого района, некоторые исследователи даже склонны подчеркивать единство племен Шингу термином «культура улури». Но прекратим эти абстрактные рассуждения, вернемся в малоку Канато.

Поблагодарив Дебори за благосклонное внимание, которое она мне уделила, и одарив ее и детишек горстью «карамело», я продолжаю осмотр хижины.

Помимо гамаков, в ней немало иной любопытной утвари: на полу стоят глиняные миски серо-бурого цвета. На жердях, являющихся каркасом малоки, висят луки, стрелы, деревянные дубинки и корзины. Некоторые из них, отделанные разноцветными волокнами, сплетен-

ными в строгий геометрический орнамент, поражают тонкостью и красотой. Аритана, удовлетворенный впечатлением, которое производят на меня эти корзины, показывает мне несколько предметов домашнего обихода, выполненных с еще большим мастерством: гребень, сделанный из длинных твердых колючек, оплетенных синими и белыми волокнами. Головной убор, нечто вроде короны, из разноцветных перьев. Браслеты и бусы — из перьев, высушенных ягод, орехов и семян.

Под каждым гамаком виднеются кучки пепла и головешки. «У нас же нет одеял, как у Орlando или у других белых, — говорит, заметив мое удивление, Аритана, — поэтому мы на ночь, когда холодает, разводим под гамаками огонь».

— Трудно, наверное, бывает, когда идут дожди? — спрашиваю я.

— Да, дожди — это не очень хорошо. Лучше, когда солнце, — соглашается он.

— Твоя мать сказала, что она кормит вас рыбой. Как вы ее ловите?

— Сейчас у нас стали появляться крючки и лески: Орlando дает. Но вообще-то мы стреляем рыбу из луков.

— Из луков?!

Я потрясен. Но совершенно напрасно. Уже на другой день я увидел этот экзотический, но не менее увлекательный и куда более продуктивный по сравнению с традиционным закидыванием удочки рыболовецкий процесс. Его главный производственный секрет заключается в том, что он проходит на мелководье. Стоя на носу лодки, а иногда и на песчаной отмели, индеец внимательно следит за тем, что происходит под водой. Как только у него под ногами окажется подходящая по размеру рыба, тетива бесшумно натягивается и... через мгновение, прошив рыбу насквозь, стрела впивается в дно так, что над

поверхностью воды торчит, подрагивая, ее хвостовое оперение. Все в порядке, можно готовить уху.

Я столь сильно увлекся беседой с Аритана, что забыл о времени. Впрочем, об этом не забыл Кокоти. Он тихо подходит сзади, выжидает момент, когда можно будет обратиться к нам, не перебивая нашей беседы, и напоминает, что Орlando просил нас не опаздывать к обеду. Я пожимаю руку Аритана, прощаюсь еще раз с его матерью и отправляюсь в «мужской клуб» для прощания с Канато. Я дарю ему на прощание остаток конфет, а он достает из-под бревна кусок маниоковой лепешки — «бижу» и сует мне. Я растроганно благодарю Канато за угощение и говорю, что уношу с собой самые приятные воспоминания о племени иолапити и о его достойном вожде.

Мы хлопаем друг друга по плечам и поглаживаем по спине с той же неистовой нежностью, с какой этот обряд совершается двумя старожилками Рио-де-Жанейро.

На обратном пути Кокоти сообщает мне, что Канато считается одним из самых умных вождей Шингу. Почему? В ответ на этот вопрос Кокоти рассказывает о том, как обошелся однажды Канато с одним из важных караибов, посетивших несколько лет назад иолапити. Считая себя слишком хитрым, караиба этот решил убить одним ударом двух макак: самому особенно не тратить, но подарки от иолапити раздобыть. У него был всего один кусок мыла, но он разрезал его на несколько мелких кусочков, роздал индейцам, а потом потребовал взамен лук и стрелы, да еще в придачу бусы из перьев! Услышав эту просьбу, Канато спокойно протянул руку, взял одну стрелу, разломал ее на несколько частей и протянул их белому со словами:

— За каждый кусок мыла ты получишь кусок стрелы.

Закончив рассказ, Кокоти заливается звонким смехом и беззаботно продолжает шлепать босыми ногами по

узенькой тропке, которая мне кажется вымощенной динамитом. Я осторожно ставлю свои обутые в кеды ноги, ожидая под каждым сухим листом пронзительный укус кобры, тарантула или еще какого-нибудь гада.

Уже на подходе к посту Леонардо мы слышим тихое гудение мотора.

— Авион! — в восторге кричит Кокоти и бросается, сверкая черными пятками, вперед.

Это действительно был самолет ФАБ, совершающий рейс из Сан-Пауло в Манаус. Проревев над самыми верхушками деревьев, он разворачивается и заходит на посадку, грузный, неуклюжий «дуглас» времен второй мировой войны.

— Вчера прилетел ты, сегодня этот ФАБ, скоро нам придется заводить диспетчера с радиолокатором и девочку в мини-юбке, чтобы продавала билеты, — смеется Орlando, глядя, как самолет бежит по полосе, переваливаясь на ухабах, вздымая красную пыль. Потом наступает тишина, к самолету спешит на «джипе» Мейрован, бегут мальчишки. Еще через несколько минут в «контру» дружной гурьбой вваливается экипаж. Пока идет разгрузка каких-то ящиков, летчики пьют кофе, рассказывают пару свежих столичных анекдотов, подмигивают смуглым красавицам чикао, сгрудившимся у окон, и прощаются. Пора лететь дальше: в Жакареакангу. На посту остается прилетевший с ними долгожданный доктор, вызванный Мариной для осмотра Унираньи. Им оказывается совсем юный курсант сан-паульской военно-медицинской школы Нельсон, блондин с тонкими рыжими усиками над пухлой губой.

— Хэлло! — кивает он мне, бросая чемодан на соседнюю койку. — У вас есть закурить? О, американские? Отлично.

Он пускает к потолку клубы ароматного дыма и падает на постель с таким стоном, как будто весь путь от Сан-Пауло до поста Леонардо он прошагал в своих модных замшевых полуботиночках. В этот момент появляется Марина и спрашивает, не хочет ли доктор пройти к больной.

— Как, уже? — изумляется Нельсон, вздымая куда-то почти к затылку свои пшеничные брови. — А я думал, что вы меня сначала хотя бы покормите.

Глаза у Марины стекленеют, и доктор тут же спохватывается:

— Впрочем, вы правы. Да, да! Сейчас, pardon...

Он вскакивает и берется за воротничок своей белоснежной, но уже припорошенной красной пылью рубахи.

— Pardon, мадам, я должен переодеться. Уж очень здесь у вас жарко.

Марина, усмехнувшись, выходит. Нельсон, расстегнув все пуговицы, аккуратно снимает крахмаленную рубаху, затем снова застегивает верхнюю пуговицу, чтобы не мялся воротничок, и аккуратно кладет рубаху на койку. Он благоухает лавандой и ментолом. Мягкое тело выглядит таким матово-белым, словно он всю жизнь питался одним только зефиром, запивая его сбитыми сливками.

Появляется Марина и говорит, что девочку лучше посмотреть до обеда, так как потом она должна спать. Услышав об обеде, Нельсон оживляется и, схватив свой саквояж с инструментами, спешит к изолятору.

Он долго выслушивает Униранью, подымая брови и глубокомысленно закатывая глаза. Потом считает ее пульс, несколько раз заставляет вытянуть язык, оттягивает веки и щупает живот. Наконец вздыхает и чисто-сердечно признается:

— Ничего не понимаю. Похоже, у нее действительно

непорядок с почками. Но чтобы сказать наверняка, нужны хорошие анализы.

— Если бы вы посмотрели ее сразу же, пока самолет был здесь, мы успели бы с летчиками послать анализы в Манаус, — заметила Марина.

Униранья, ничего не понимавшая в странном языке караибов, с испугом смотрела на этого нового белого, появившегося у ее постели. Марина погладила ее по голове и сунула в руку кусок белой лепешки. Девочка откусила и тихо зашевелила челюстями, не сводя с нас насмотренных глаз.

— Кокоти! Где мои очки? — раздалось за окном. — Кокоти! Где Кокоти?..

Орландо ввалился, пыхтя и отдуваясь. В темной комнате сразу стало тесно и беспокойно.

— Ну что с девочкой? — спросил он, обращаясь почему-то к Марине.

— Я должен понаблюдать за ней немногое, — пробормотал Нельсон. — Жалко, что здесь у вас нет возможности сделать анализы.

— Ну что же, наблюдайте. Время есть: ваш самолет пойдет обратно из Манауса примерно через неделю, — согласился Орландо. — А сейчас пошли обедать! Мария грозила чем-то нас удивить сегодня по случаю такого съезда гостей.

За крошечным столом в домике, где жили Марина с Марией, мы с трудом разместились на табуретках и скамьях: на самом почетном месте — близ двери на кухню — Орландо, по правую и левую руки от него — Галон, Мария, Марина, Нельсон, пилот Арналдо и я. Обещанный Марией сюрприз был действительно сенсационен: суп из черепахи, которую выловил вчера вечером Кокоти. На второе было подано самое традиционное блюдо поста Леонардо, которое Орландо ежедневно поглощал всю эту четверть века утром, днем и вечером:

вареный рис с фасолью. Знаменитый «рис-фасоль», как называют его в бразильском «интерьоре» — провинции.

— Ну как там живут иолапити? — спросил Арналдо. — Все в порядке?

Я молча кивнул головой: рот мой был заполнен нежным и сочным черепашьям мясом. Арналдо пригубил из стаканчика горькую «пингу» — крепкую настойку из сахарного тростника, облизнулся, зажмурился от наслаждения и сказал:

— А завтра, если хочешь, можем слетать в Диауарум. Я уже договорился с Орландо.

«ВАС ВЫЗЫВАЕТ ДИАУАРУМ»

Нет, пост Леонардо был еще далеко не «краем света»! Настоящий «край света» мы нашли в Диауаруме, километрах примерно в ста двадцати к северу. Если бы мы пролетели еще столько же, может быть, даже чуть меньше, мы оказались бы над совсем уж экзотической, таинственной, дразнящей воображение точкой, именуемой «географический центр Бразилии». Галон объяснил мне, что если наклеить карту страны на плотный картон, затем вырезать ее по границе и проткнуть в «географическом центре», посадив на перо ученической ручки, то она станет вращаться вокруг этой самой точки.

Бензина у Арналдо было в обрез. Он не знал, как будет добираться обратно, ибо расположенные к югу от Шингу военные авиационные базы далеко не всегда продавали бензин «воздушным извозчикам». Поэтому мы были вынуждены экономить горючее и не решились на экскурсию к «географическому центру», ограничившись посадкой в Диауаруме.

Что же это такое — Диауарум? С точки зрения Национального фонда индейцев, это второй после Леонар-

до пост Национального парка Шингу, обеспечивающий работу в северной зоне Парка. С точки зрения картографов, Диауарум — это самая крохотная точка на самой крупномасштабной карте страны. На такой, где принято отмечать даже одинокие валуны у пешеходных троп и броды через лесные ручьи. С точки зрения летчиков, летающих над Южной Амазонией, Диауарум — это одна из немногих точек привязки, помогающих им ориентироваться в безбрежном зеленом океане сельвы между постом Леонардо на юге и Жакареакангой на севере. С точки зрения индейцев, Диауарум — это место, где живет их добрый гений, «карайба», который давно перестал быть «караибой», великий Клаудио, который все знает, все может, который понимает язык птиц и зверей, без промаха стреляет из ружья и ориентируется в сельве не хуже самого опытного чукарамае. Великий Клаудио, который никогда не ошибается, которого нельзя обмануть, ибо он видит тебя насквозь и знает, что делается в твоём сердце.

Если когда-нибудь на месте Диауарума возникнет хотя бы маленький поселок, и в этом поселке будет школа, и ученики этой школы захотят написать его историю, то первой записью в этой летописи станут строки из дневника Штейнена, отметившие первое появление «цивилизованного» человека в этой точке:

«1884. 31 августа. 11°46'5" южной широты... В десять утра раздался крик: «Там, впереди — люди! Много лодок!» Мы выскочили на берег, солдаты схватили оружие и замерли, глядя на длинную цепочку лодок, которые приближались к нам... Всего мы насчитали 14 лодок с 43 индейцами. Все челны, длинные, узкие, плыли строго в строю, словно участвуя в тщательно отрепетированном театральном действе, держась вдали от берега, на

котором мы находились, и направляясь к противоположному берегу. Мы не слышали никаких команд.

Почти все индейцы были наги, тела и лица их были ярко раскрашены красной и черной мазью. Многие сплошь вымазаны черной краской, словно сажей. На голове короны из белых перьев, волосы коротко острижены. В руках были луки и пучки разноцветных стрел.

Вдруг они неожиданно разорвали эту тишину оглушительным криком, фанатичным визгом и шумом. Не было сомнения, что это были трумаи, потому что они беспрестанно кричали это слово, как если бы в эти минуты решалась их судьба. Они били кулаками в грудь, вращали туловища свои так сильно и быстро, что, казалось, невозможно делать более быстрые движения...»

Далее в дневнике Штейнена говорилось, что он и его спутники тоже принялись кричать, махать руками. Эта какофония продолжалась до тех пор, пока Штейнен не вспомнил вдруг два слова на языке трумаи, выученные в соседнем племени: «апири» — друг и «мейжу» — хлеб. Он закричал их громко, повторяя несколько раз подряд, и индейцы замолкли, пораженные тем, что карамба знает эти слова. Потом они решились приблизиться к чужеземцам, недоверчиво и боязливо оглядели белых. Начался сумбурный диалог, в котором никто ничего не понимал. Так продолжалось до тех пор, пока один из трумаи, рассматривая ружья, не нажал случайно на спусковой крючок. Раздался выстрел. Первый выстрел в этих местах. Он поверг индейцев в неописуемый ужас. Оцепенев на мгновение, они затем с потрясающей быстротой бросились в воду, спасаясь от этого непонятного грома, разразившего небеса.

Так встретились с белыми трумаи — это удивительное, загадочное племя, говорящее на каком-то особом языке, совершенно отличном от всех известных науке

индейских языков Южной Америки. Они появились в Шингу последними из населяющих ныне этот район племен. Орландо и Клаудио предполагают, что их прадеды пришли сюда, спасаясь от преследования какого-то воинственного народа по имени «ассумади». Идя туда, «где опускается солнце», они добрались до Шингу, однако встретили здесь еще более свирепых врагов — суйа, индейцев одного из самых воинственных и непокорных племен Центральной Бразилии.

На землях, которые заняли трумаи, находились богатейшие залежи диабаз — камня, служившего отличным сырьем для изготовления топоров. Трумаи пытались наладить меновую торговлю с соседями, обменивая эти диабазовые топоры на посуду и другую утварь. Однако обитавшие по соседству суйа захотели овладеть диабазом. Начались нескончаемые кровопролитные войны, закончившиеся поражением трумаи. Старики вспоминали, что когда-то давно племя размещалось в шести деревнях. Штейнен, попавший сюда в разгар войны с суйа, нашел уже только две деревни трумаи. В одной было восемь хижин, в другой — пять. В 1952 году научный сотрудник Национального музея Рио-де-Жанейро Педро Эрнесто де Лима, попытавшийся осуществить перепись этого племени, насчитал только восемнадцать трумаи. Да, война с суйа привела трумаи к гибели. Вот что писал Лима в своем дневнике: «Эта группа, ранее столь многочисленная, пребывает сейчас в состоянии полного упадка... Поведение этого племени, занимающего по отношению к остальным подчиненное и зависимое положение, весьма заметно отличается от остальных: они пугливы, ведут себя недоверчиво, прячут глаза. Они никогда ни радуются, и сколько с ними ни общаться, они продолжают оставаться замкнутыми. У них не чувствуется динамизма, здоровья, расположения к труду, какими отличаются, например, камаюра».

Эти сведения я почерпнул в пожелтевших папках Музея индейцев в Рио-де-Жанейро, готовясь к поездке в Шингу. Но, выписывая любопытные факты из истории аборигенов этих мест, я не мог и предположить, что здесь, в Диауаруме, мне доведется встретиться с индейцем, которого можно будет назвать «последним из трумай». Впрочем, не будем забегать вперед. Вернемся в кабину нашего крохотного «баркрайфта», заходящего на посадку в Диауаруме.

Под окном изгибается кажущееся широченным по сравнению с Туатуари свинцовое русло Шингу. В ослепительной зелени леса неожиданно вспыхивает узкая красная посадочная полоса. Через несколько секунд самолет окунается в облако красной пыли. Нас трясет. Под ногами оглушительной дробью стучат по фюзеляжу сухие комья земли. Потом дрожь прекращается, скорость падает, и, неуклюже переваливаясь с боку на бок, ковыляя на буераках и кочках, «баркрайфт» останавливается.

Арналдо распахивает дверцу, спрыгивает вниз. Следом за ним, кряхтя и чертыхаясь, вываливается Галон. Затем лезу я, тщательно оберегая от сотрясения сумку с аппаратурой. К нам неторопливо приближается несколько индейцев и Клаудио Вилас-Боас. Бледное изможденное лицо с усами и тощей бородкой клинышком, впалая грудь. Он удивительно напоминает кого-то, кого я уже видел. Видел неоднократно. Но где?

Пока он подходит ближе, меня осеняет: Чехов!.. Он потрясающе похож на Чехова! Только вместо пенсне черные очки. И вместо чистой жилетки — потертая, штопаная-перештопаная серая рубаша с закатанными по локоть рукавами.

В отличие от Орlando, который был предупрежден о моем приезде радиogramмой, Клаудио еще не имеет ни малейшего представления о том, кто пожаловал к нему

в это душное октябрьское утро. Протягивая руку, он деликатно покашливает и вопросительно глядит на меня. Я представляюсь, и его выгоревшие брови удивленно ползут на морщинистый лоб:

— Вы что — из Москвы?!

— Вообще-то я москвич. Но сюда пожаловал из Рио.

Нас окружает такая же, как в Леонардо, пестрая любопытная толпа. Впереди мальчишки. Чуть поодаль степенные отцы семейств. За ними женщины. Почти все с младенцами, оседлавшими материнские бедра. Опираясь на палку, стоит в сторонке дряхлый старик. Его нижняя губа чудовищно растянута темным деревянным диском размером с чайное блюдце. Длинные седеющие волосы опускаются на плечи. Очевидно, это чукарамае, единственное племя Шингу, предпочитающее носить длинные волосы, а не стричь их, как остальные, «под горшок».

Пока изнемогающие от сознания важности исполняемой миссии мальчишки тащат наши чемоданы и рюкзаки к виднеющимся за деревьями хижинам, Клаудио приглашает нас познакомиться с Диауарумом.

Да, это действительно «край света»! Трудно найти на нашей беспокойной планете другую точку, столь удаленную от неоновых реклам и торговли в кредит. По сравнению с Диауарумом Леонардо выглядит шумным столичным центром. Как-никак в Леонардо имеется несколько каменных строений, какое-то подобие механической мастерской, и «контора», напоминающая солдатскую казарму, но вполне пригодная для жилья. А здесь, в Диауаруме, пожалуй, единственной приметой далекой цивилизации служат сарай, два крошечных деревянных шалаша да моторная лодка, приткнувшаяся к коряге на берегу Шингу. Рядом с одним из шалашей ютилась

еще «столовая»: навес на четырех столбах с грубо сколоченным столом и вкопанными в землю лавками.

Несколько лет назад на этом месте находилась деревянная суйа, от которой осталась пара старых малок. Где-то между ними покоятся в земле кости пятерых американцев, забравшихся сюда в конце XIX века вслед за Штейненом. Суйа встретили их гораздо менее гостеприимно, чем немецкого путешественника.

— Вы, вероятно, проголодались? — спросил Клаудио.

— Да, да, недурно бы и перекусить, — обрадовался Галон. — А потом, Клаудио, дай нам какого-нибудь специалиста по части рыбы, и мы организуем роскошный обед.

В «столовой» уже потрескивают разгорающиеся пальмовые листья и жизнерадостно звенят разбрасываемые по столу алюминиевые миски. Чумазый поваренок лет десяти от роду размешивает в небольшом котле коричневое варево: увы, все тот же традиционный «рис-фасоль».

Пока готовится завтрак, мы с Клаудио завершаем обход Диауарума. Он подводит меня к сараю, у которого толпятся десятка полтора мальчишек.

— Тут наша рация, — говорит он. — Сейчас меня будет вызывать Орландо.

Я заглядываю в дверь поверх голов благоговейно замеревших сорванцов. У старенькой рации сидит парнишка лет двадцати, если не меньше, и сосредоточенно, словно это является самым привычным занятием сынов Шингу, крутит рукоятки. Я удивленно смотрю на Клаудио, предполагая, что сейчас он прогонит мальчишку, но Клаудио молча улыбается и лезет за сигаретой.

— Видали? — говорит он закуривая. — Это моя правая рука. Мой премьер-министр, Аруйаве.

«Премьер-министр», не обращая на нас никакого

внимания, продолжает вслушиваться в треск эфира. Вдруг лоб его сосредоточенно морщится, Аруйаве берет микрофон и, не теряя достоинства, провозглашает:

— Алло! Алло! Леонардо! Алло, Леонардо! Вас вызывает Диауарум! Как слышите? Прием! Алло, Леонардо! На связи — Диауарум! Перехожу на прием!

Он щелкает ключом, переключая рацию на прием. Сквозь треск и шумы откуда-то издалека, словно с другой планеты, выплывает знакомый голос:

— Вас слышим, Диауарум! Вас слышим! Алло, алло! На связи — пост Леонардо. Вас слышим хорошо. Что нового? Что нового? Как слышите? Прием!

Аруйаве удовлетворенно шурит глаз и окидывает утомленным и строгим взглядом робко толпящихся у входа в шалаш соплеменников. Вероятно, с таким же выражением снисходительного сочувствия к менее удачливым собратьям его отец и дед возвращались некогда в деревню после хорошей охоты, неся на плече тушки жирных макак. Насладившись минутой почтительного молчания, Аруйаве небрежным движением руки вновь переключает рацию и спокойно отвечает:

— Алло, алло, Леонардо! Вас слышим отлично. У нас все в порядке! У нас все в порядке! Вчера был дождь и ураган. Дождь и ураган! Сорвана крыша склада. Сорвана крыша склада! Затопило плантации кукурузы. Затопило плантации кукурузы! Кончается рис и фасоль! Кончается рис и фасоль! Если через неделю не будет прислано продовольствие, будет плохо. У детей суйа эпидемия коклюша! Эпидемия коклюша! Клаудио просит прислать лекарств. Нет лекарств. Дети болеют! Клаудио срочно просит лекарств! Кончаю, у нас все в порядке! У нас все отлично. Как слышите? Прием!

У них все отлично... Только кончился рис, затопило плантации, дети больны коклюшем и нет лекарств. А в

остальном... Да, этот парень, можно было поручиться, не умрет от инфаркта. Клаудио молча улыбается, глядя на деловито прощающегося с Орландо Аруйаве. Улыбается так, будто разделяет оптимизм своего «премьер-министра».

Потом мы завтракали, обжигаясь «рис-фасолью». Галон, размахивая ложкой, рассказывал, как в позапрошлом году чукарамае, явившиеся с визитом вежливости к Клаудио, чуть не устроили тут, в Диауаруме, настоящую войну. Клаудио смущенно улыбался, уткнув глаза в миску. И нельзя было понять, как он относится к тому, что говорил Галон. И если подогретый привезенным нами виски Галон не преувеличивал, то эпизод сей вполне заслуживал включения в мой путевой дневник.

— Чукарамае прибили и съели поросенка. Думали, что он дикий, а он оказался из хозяйства Диауарума. Несколько журуна, которые помогают тут Клаудио, возмутились и устроили скандал. Сначала просто ругались. Потом детишки журуна закидали камнями мальчишку чукарамае, когда он залез на дерево в поисках плодов гойабы. Чукарамае начали мазаться черной краской, что означает объявление войны. Тогда в дело вмешался Клаудио. Он велел всем журуна успокоиться и прекратить подготовку к войне. И еще велел прислать к нему Кретире, вождя чукарамае. Кретире явился с группой своих воинов. Но Клаудио сказал, что будет разговаривать с ним одним. Кретире упрямылся, но потом согласился. Он вошел в шалаш, где лежал Клаудио, и стал кричать: «Клаудио, ты мне не отец! Я тебя не боюсь, я тебя убью!» Потом сказал, что его племя самое сильное, что они никого не боятся, всех поубивают и сожгут Диауарум.

Клаудио, лежа в своем гамаке, дал ему выговориться до конца. Потом заговорил сам. Два часа никто не

входил в хижину, где были Клаудио и Кретире. Два часа стояли, как часовые на посту, выкрашенные в черную краску воины чукарамае. Через два часа Клаудио и Кретире вышли наружу. Старый вождь плакал. Прощаясь, он обнял Клаудио и, прислонившись головой к голове, пообещал: «Чукарамае теперь будет хорошим. Чукарамае был совсем глупым».

— Ну что? Так все было или не так? — спрашивает Галон Клаудио, закончив свой рассказ. — Что ты ему сказал, этому старику?

Клаудио улыбается:

— Мы с ним побеседовали о философии Канта.

На реке послышалось тарахтение мотора.

— Это Аруйаве, — говорит Клаудио. — Я велел ему подготовить лодку. Надеюсь, вы не откажетесь съездить к суйа?

К моему величайшему удовольствию, Галон отказывается, предпочтя рыбалку. И слава богу: Галон — отличный парень и хороший товарищ, но уж больно говорлив. И если бы он отправился с нами, вместо серьезного разговора с Клаудио, на который я рассчитывал, поездка превратилась бы в веселый дружеский пикник, орошенный виски, свежими анекдотами и нескончаемой светской болтовней. Прощаясь, я с благодарностьюжимаю руку Галону и Арналдо и желаю им счастливой ловли. На ее успешный исход можно надеяться прежде всего потому, что Клаудио откомандировал с ними одного понимающего в этом деле журуна.

Распрощавшись с рыболовами, мы с Клаудио идем к берегу, балансируя на острых камнях, забираемся в лодку к Аруйаве, едва не зачерпнув воды, и тут же отчаливаем.

Аруйаве сразу же выходит на середину реки, и я могу оглядеться и вдохнуть полной грудью посвежевший влажный воздух Шингу. В этом месте она дости-

гает метров трехсот ширины. Соломенные крыши и тяжелые кроны манговых деревьев Диауарума быстро отодвигаются вдаль. Мы идем вдоль левого берега, где раскинулись, насколько хватает глаз, ослепительные пляжи: нескончаемые километры девственного песка, и я с ужасом вспоминаю о моих сочинских отпусках, о мучительных поисках квадратного метра грязной гальки, на который, кроме себя и супруги, нужно пристроить еще сумку с провизией, о душераздирающих «ландышах», несущихся из громкоговорителей, и о заботливых дежурных, не выпускающих купальщиков в море далее прижавшейся к берегу линии буйков.

Противоположный берег Шингу куда менее приветлив. Там к самой воде подступает двухэтажная сельва: фантазмагорическое сплетение стволов, лиан, ветвей. Кое-где виднеются упавшие и гниющие деревья-гиганты, повисшие на молодняке. Верхний «этаж» образуют могучие кроны, вздымающиеся иногда метров до тридцати-сорока. Это «жатоба», «ипе», «пиндайба», «ланди». Под ними тянутся к солнцу более низкорослые деревья. А у самой поверхности земли вообще ничего невозможно понять: там царит какое-то неумное буйство кустарника, воздушных корней лиан, ползущих по стволам лишайников и каких-то паразитирующих побегов. Там даже нет берега в обычном понимании этого слова: лес входит в реку, река заливает лес, деревья торчат прямо из воды, гнилые ветви топляка вздымают над поверхностью свои черные ветви, словно руки, вызывающие о пощаде.

Я говорю Клаудио о том, что в одном из наших географических сборников был напечатан когда-то рассказ о человеке, сумевшем пройти всю Амазонию с севера на юг. От Амазонки до Гойании. Это был сборщик каучука, бежавший в годы второй мировой войны от неминуемой смерти, которая была суждена всем «серингейро»,

завербованным и направленным в амазонскую сельву на добычу каучука. Грандиозное предприятие, задуманное Фордом, должно было обеспечить американскую автомобильную промышленность резиной после того, как немецкие подводные лодки перерезали атлантические коммуникации, связывающие США с азиатскими плантациями каучуконосов.

Клаудио недоверчиво качает головой:

— Если это и правда, то он не «шел», а спускался по рекам. И не здесь, а где-нибудь западнее, в районе Рондонии. Там все-таки есть какие-то промежуточные базы, кое-где прорублены просеки и тропы. А здесь?.. Здесь белый человек погибнет, не пройдя и километра. Да что там километра! Сотни метров не пройдет! Эта сельва не для белых. По ней только индейцы способны передвигаться.

Я знаю, что сам Клаудио прошел однажды в одиночку через сельву двадцать восемь дней. Прошел по дебрям, где не ступала даже нога индейца. Я знаю также и то, что все посадочные площадки, все опорные пункты, расположенные между Амазонкой и четырнадцатой параллелью, отвоеваны у сельвы Орландо, Клаудио и Леонардо. И как отвоеваны! В условиях убийственной тропической жары с температурами выше сорока градусов в тени, с москитами, способными свести с ума, ядовитыми пауками, муравьями, змеями...

Только благодаря усилиям братьев Вилас-Боас стали возможны регулярные полеты самолетов между столицей страны — Бразилиа и столицей Амазонии — Манаусом. Потому что именно братья создали серию промежуточных посадочных площадок, которые сейчас служат пилотам альтернативой в случае столь частого в Амазонии ухудшения погоды или неисправности самолета. Чего стоила им одна только четырехсоткилометровая

тропа, прорубленная к посту и посадочной полосе Кашимбо!

— Ну, а как же все это началось? Каким образом вы оказались здесь? — спрашиваю я Клаудио.

Он молчит, морщит лоб, собираясь с мыслями. Хлопает по карману брюк, ища сигареты. Я протягиваю ему пачку ароматных «Хильтон», купленных в баре отеля в Белу-Оризонте.

Клаудио берет одну, принимает недоверчиво и возвращает обратно:

— Извините. С фильтром не курю.

Он раскуривает какую-то серую сигарету, от убийственного запаха которой москиты должны подохнуть, по-моему, в радиусе пятидесяти километров. Затянувшись с наслаждением, он вдруг начинает кашлять. Долго и мучительно. Потом вытирает слезы, вздыхает и говорит тихим голосом, словно извиняясь за то, что отбирает у своего собеседника драгоценное время:

— Началось это все в сорок третьем году... Была, как вы помните, война. Правительство почувствовало угрозу остаться в изоляции, лишиться традиционных рынков в Европе и США. Нужно было осваивать внутренние районы страны. И появилась идея организовать сюда экспедицию с целью выявить природные ресурсы этого края и наметить трассу гигантской дороги Сан-Пауло — Манаус. Экспедиция эта получила имя «Марш к западу». Вот мы и решили попробовать...

Он смущенно улыбается и замолкает, затягиваясь сигареткой. Я знаю, что он не любит рассказывать о себе. Не переносит восторгов по поводу «героизма», «самоотреченности», «романтики дальних дорог». И я не настаиваю. Я уже слышал от его друзей гораздо больше того, что можно вытянуть из него самого. Я уже знаю, как отправились они, трое молодых парней, прокладывать дорогу в сельве. Может быть, их толкнула

тоска по настоящей, богатой приключениями жизни? Может быть, это была та самая «романтика», о которой он так не любит говорить? Какая разница? Подвернулся случай, и они пошли, прочитав в газетах призывы принять участие в «Марше к западу». Орlando оставил конторский стол в канцелярии электрической компании «Лайт», Леонардо уволился из телефонной фирмы, Клаудио бросил нудную работу в универмаге. Осталась маленькая комната в Сан-Пауло на улице Ароуше, где на стене висела карта Амазонии. Они пошли и... не вернулись. Вот и все.

С тех пор прошло более четверти века. Жизнь поколения. За это время мир и Бразилия неузнаваемо изменились. Закончилась мировая война. Прошли войны в Корее и Вьетнаме. Взлетели первые спутники, и человек шагнул на Луну. Застрелился президент Варгас. Другие президенты были свергнуты, сосланы в ссылку. Строились металлургические комбинаты и автомобильные заводы. На пляжах Рио появились бикини, на крышах домов — телевизионные антенны. Были выиграны футбольные чемпионаты. Все это доходило до братьев, как свет далеких звезд: с опозданием на месяцы и годы.

Начало было особенно трудным. Идя с экспедицией по маршруту Ронкадор — Шингу, они вскоре встретили индейцев. Это были шавантес, о воинственности которых ходили легенды. Рабочие, прорубавшие тропы, перепугались, потребовали оружия. Однако, даже не имея какой-то специальной подготовки и опыта контактов с индейцами, братья Вилас-Боас сумели найти решение. Они знали об экспедициях великого генерала Рондона, прокладывавшего в двадцатых годах телеграфную линию к западным границам страны. Лозунгом генерала, основавшего «Службу защиты индейцев», были слова:

«Погибнуть, если понадобится. Убивать — никогда!»
Потом они встретили другие племена. Иолапити́, ка-

маюрà, калапàло, ваўра, куйкúру, мейна́ко, журу́на, суйа́, чукарама́е... Заботы о дорогах отошли на второй план. Тем более что правительственный энтузиазм, как и следовало ожидать, быстро угас, и ассигнования на «Марш к западу» столь же быстро иссякли. Рабочие побросали топоры и вернулись к своим семьям. А братья остались. Они почувствовали, что дело их жизни не строительство дорог, а судьба индейцев.

Начались экспедиции по розыску новых племен. Началась нескончаемая, кропотливая и нечеловечески трудная работа по установлению доверия, насаждению мира и покоя в этом беспокойном краю. Постепенно они стали ощущать первые плоды своей работы. Почувствовали, что начинают завоевывать сначала доверие, потом уважение, а затем слепую любовь и преданность индейцев. И вместе с удовлетворением пришло беспокойство: братья увидели, как доверчиво и безоговорочно вручают им свои судьбы эти люди, незнакомые с эгоизмом и коварством белого человека. Это безграничное доверие налагало на них ответственность, тяжесть которой, пожалуй, невозможно понять тому, кто не видел, какими глазами смотрит сын сельвы на Орландо и Клаудио.

Братья Вилас-Боас для индейцев перестали быть белыми. Но, приобщившись к жизни камаюра и ваура, иолапити и суйа, братья все же оставались обычными людьми. И, подобно тому, как индейцы до сих пор не имеют иммунитета против самых безобидных для нас болезней, братья не могли приобрести иммунитет против тягот и невзгод, окружающих человека в сельве. Леонардо почувствовал это первым: он скончался, когда ему было всего сорок. Его убили авитаминоз, ревматизм, малярия и болезнь сердца.

Леонардо погиб, Орландо и Клаудио пока живы. Они живы, хотя и завоевали печальную знаменитость

«рекордсменов» Бразилии по обилию болезней. Там, где они живут, люди не спрашивают друг друга, болен ли ты малярией. Спрашивают, сколько раз она тебя «хвотала». Обычно «белый» человек не выдерживает десятка приступов и бежит отсюда. Орlando малярия «хвотала» около двухсот раз. А Клаудио? Клаудио не любит говорить об этом, но его друзья утверждают, что он перешагнул уже рубеж трехсот приступов.

Орlando тоже не любит говорить о своих болячках. О надорванном сердце, о катаракте глаз. Если уж речь заходит о болезнях, Орlando и Клаудио предпочитают говорить о том, что на территории Парка эпидемий уже не бывает и детская смертность практически прекратилась. Но спросите их, какой ценой все это досталось? Однажды в одной из деревень — это было еще до создания Парка — вспыхнула какая-то эпидемия. Орlando запросил лекарств. И услышал в ответ: «Разве можем мы посылать медикаменты для ваших индейцев, если у нас даже в Рио их недостаточно, чтобы обеспечить бедняков из фавел?..»

Эпидемия продолжала косить индейцев, и они, возложив вину за это проклятье на одного из «паже» — колдунов племени, забили его насмерть боевыми дубинками.

А сколько пришлось сражаться с недобросовестными чиновниками СПИ — бывшей Службы защиты индейцев. Эти чиновники обворовывали «туземцев», захватывали их земли, прикарманивали и без того скудные средства, отпускавшие государственной казной на «оказание помощи аборигенам»! Будучи всего лишь служащими сложной бюрократической машины (скромный оклад братьев никогда не превышал заработка какой-нибудь столичной стенографистки), они без усталости бились с «сильными мира сего», разоблачая злоупотребления и преступления. И сколько раз из-за этого их соб-

ственная судьба висела на волоске! Сколько раз они были оклеветаны, ошельмованы, оболганы дельцами, для которых неистовое упорство этих донкихотов стояло костью поперек горла!

Леонардо погиб, Орlando и Клаудио остались. Бывший пост Васконселос по настоянию Орlando был переименован в пост имени Леонардо. Он стал «штаб-квартирой» старшего брата. Клаудио отправился в Диауарум.

...Лодка наша давно уже свернула в приток Шингу — реку Паранажуба. Мы идем уже больше часа. Белая «гарса» — птица, напоминающая цаплю, — поджидает нас на торчащем из воды кусте. Потом взмахивает крыльями и, тяжело поднявшись в воздух, перелетает чуть подальше. Так повторяется несколько раз. Гарса играет с нами в «кошки-мышки». Потом она, словно передумав, взлетает и исчезает в лесу.

Паранажуба петляет, ее русло сужается. Справа и слева все ближе подступают кусты и ветви. Мы сворачиваем в узкий проток. Кроны деревьев смыкаются над почерневшей водой. Лодка разрезает носом сплошной ковер кувшинок. Опасаясь запутать винт в водорослях, Аруйаве выключает мотор и берется за весло. Еще через несколько минут по правому берегу из-за деревьев выплывают несколько хижин. Это деревня суйа.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ТРУМАИ

Увы, нам не везет: деревня почти пуста: мужчины с утра отправились на плантацию. Нас встречает лаем свора собак, за ними бегут мальчишки.

Поднявшись на крутой берег, мы видим группу женщин, сидящих на завалинке у одной из хижин. Узнав Клаудио, они улыбаются и чинно подают сложен-

ные дощечкой ладшки. Потом, как по команде, с любопытством поворачиваются к незнакомому караибу, обвешанному блестящими фотоаппаратами.

Побеседовав с женщинами о погоде, Клаудио приглашает меня осмотреть малоки. Зайдя в первую из них, мы обнаруживаем там еще несколько женщин, хлопочущих по хозяйству. Дряхлая старуха занимается прядением, вытягивая неторопливыми движениями черных мозолистых пальцев комки хлопка в длинную белую нить. Неподалеку от нее молодая женщина с аккуратной, точно у японки, челочкой готовит «бижу».

«Бижу» для индейца Шингу является столь же важным и незаменимым компонентом меню, каким, например, в Италии служат макароны, а в Грузии — шашлык. В разных деревнях Шингу мне удалось посмотреть все этапы приготовления «бижу». У чикао я видел, как толстые, напоминавшие редьку корни маниоки очищались от серой кожуры, мелко крошились и высушивались на солнце. В деревне камаюра удалось наблюдать, как высушенную и измельченную до крупнозернистого порошка маниоку клали на сплетенное из соломы сито и поливали водой. Просачивавшийся в миску белый бульон несколько раз кипятился на костре и выпаривался, чтобы убить содержащийся в маниоке яд. Из осадка, вновь высушенного на солнце, можно уже было делать лепешки. Именно этот процесс мы и застали здесь, в деревне суйа. «Японка» с челочкой наполнила плетеную корзиночку сухим порошком, хранящимся на семейном «складе»: посредине малоки высылось нечто вроде круглого «элеватора», метров трех высотой. Эта поставленная на-попа «труба» была обернута пальмовыми листьями. Поднявшись на деревянные опоры, женщина зачерпнула сухую маниоку, спустилась вниз и высыпала порошок в глиняную миску. Потом налила туда воды и, получив массу, напоминавшую по виду жидкое тесто

или творог, тщательно размешала ее. Затем взяла глиняную сковородку диаметром метра в полтора, смахнула с нее веничком пыль и поставила на огонь. Выполняя все эти операции, она морщила лоб и шевелила губами, словно рассуждая о чем-то сама с собой. На нас она не обращала ни малейшего внимания.

Пока сковорода нагревалась на огне, хозяйка начала раскатывать влажную творожнообразную массу маниоки в громадный блин. Убедившись, что сковорода уже достаточно накалилась, она аккуратно разложила на ней блин и только после этого подняла глаза на странного караиба, который торчал возле нее, обвешанный аппаратами и магнитофонами. Она, по-моему, недоумевала, отказываясь понять, как это взрослый мужчина может болтаться без дела, глаза на все эти женские хлопоты, в то время как ему полагалось бы охотиться на макак, работать на плантации или ловить рыбу, чем, собственно, и были заняты достойные уважения мужчины ее племени.

Спустя восемь-десять минут лепешка подрумянилась с нижней стороны, и тогда женщина быстрым, очень точным движением руки перевернула ее на другую сторону, орудуя крохотной деревянной лопаточкой. Глядя на нее, я вспомнил некоторых наших домашних хозяек, у которых такая операция даже с блинами куда меньшего размера далеко не всегда заканчивается благополучно. Спустя еще пять-семь минут «бжу» было готово. Женщина посмотрела на меня с участием. Вероятно, она подумала, что мы, плывя слишком долго от Диау-арума, проголодались. Она великодушно отломилась по куску лепешки, протянула мне и Клаудио и улыбнулась.

Это «бжу» было гораздо более съедобным, чем то, которым меня угощал Канато. Лепешка была бы даже вкусна, если бы в ней ощущалось, хотя бы слегка, при-

сутствие соли, которую индейцы Шингу, увы, не употребляют.

...На обратном пути мы с Клаудио продолжаем беседу о его житье-бытье. Лодка мягко скользит по глянцевой поверхности застывшей Паранажубы.

— Вы часто организуете экспедиции для поисков неизвестных племен? — спрашиваю я.

Клаудио хлопает севшего на лоб москита и отвечает:

— Раз, редко — два раза в год.

— Много людей берете с собой?

— Нет. Мы идем вдвоем с Орландо и берем человек десять-двенадцать индейцев.

— Только индейцев?

— Да... В сельве никто не поможет так, как индейцы! Они отважны, находчивы, выносливы. В непроходимейших дебрях индеец ориентируется лучше, чем белый, вооруженный компасами, астролябиями и прочими приборами. Устроится на ночлег так, что ни одна змея его не покусает, разведет костер без спичек, найдет воду там, где мы с вами умрем от жажды, прорубит тропу в чаще, где застрянет бульдозер.

А пища! Никто не умеет находить пищу там, где ее, казалось бы, нет, с такой быстротой, как индеец. Представьте себе такую историю. Мы идем с ним по тропе. «Клаудио! — кричит вдруг он. — Хочешь меду?» Какого еще меду? Где он видит мед? А он смеется и показывает вверх: где-то там пролетела пчела и скрылась в какое-то дупло. Дупло, которое белый не разглядит и в телескоп. А этот чукарамае видит его с любого расстояния! В несколько мгновений он взбирается по стволу и спускается с килограммом-двумя меда. Нет, нет, я уверен, что белый умрет от голода там, где индеец обеспечит пропитанием батальон своих соплеменников. Он выловит рыбу именно в том месте, где водится самая вкус-

ная и самая крупная рыба. Он найдет травы, которые не только утолят голод, но и вылечат его от недомога-ния. Одним словом, индейцы обладают удивительней-шей способностью выживать в самых страшных усло-виях. И именно поэтому мы предпочитаем уходить в сельву с ними. А не с белыми.

— И неужели в этих экспедициях между вами и со-провождающими вас индейцами никогда не возникают конфликты или недоразумения? Из-за наиболее удобного маршрута, например, или выбора места ночевки?

— Какие тут могут быть конфликты? Определяя маршрут движения, мы всегда советуемся с ними, по-лагаясь на их удивительное чутье. А место ночевки или стоянки никто не выберет лучше, чем индеец.

— А как они себя ведут в опасных ситуациях? На-пример, когда вы встречаете какое-нибудь воинственное племя, угрожающее нападением, не разбегутся ли ваши помощники?

— Разбегутся? — Клаудио усмехается и качает го-ловой. — Они, бедняги, верят в нас. Доверяют нам го-раздо больше, чем мы того заслуживаем. Они считают, что мы с Орландо обладаем сверхъестественными спо-собностями предотвратить любую беду, и убеждены, что рядом с нами они в полной безопасности: ничего пло-хого с ними не случится.

Над их головами могут свистеть стрелы, но если я скажу: «Стой! Замри!» — они замрут. И не шелохнут-ся, даже если, по их собственным представлениям, дав-ным-давно надо было бы бежать со всех ног! Бедняги, они слишком доверчивы!

— А как вы начинаете самый первый контакт с не-знакомым племенем? Вероятно, это самый опасный мо-мент — первая встреча с индейцами, которые никогда не видели белого человека?

— Да, это довольно сложная операция, — говорит

Клаудио, закуривая очередной окурок сигаретки, осторожно извлеченный из кисета. — Когда мы обнаруживаем новое племя...

— Кстати, как это происходит?

— Иногда с помощью авиационной разведки. Иногда наши индейцы нам сообщают, что, к примеру, в верховьях Ронуро объявилось незнакомое племя. Произошла стычка или заметили новые малоки на берегу реки, возвращаясь из дальнего путешествия за рыбой.

Получив такое сообщение, мы первым делом стремимся собрать как можно больше сведений об этих новичках: «сердитые» они или нет, какова их численность, сколько малок, одним словом, все, что нам пригодится для подготовки первого контакта с ними.

Кстати, должен вам сказать, Игорь, что племена «несердитые» мы встречали крайне редко: индейцы живут в обстановке постоянного страха атаки со стороны других племен или со стороны белых.

Потом мы отправляемся в экспедицию, которая длится обычно несколько недель или даже месяцев. Идем на лодках. Последний этап проходим уже по тропам в сельве. Подходим к этому новому, неизвестному племени. Устраиваем лагерь в нескольких километрах от него. Выжидаем немного и начинаем сближение: оставляем неподалеку от деревни подарки и уходим. Через несколько дней возвращаемся и смотрим, что стало с этими подарками. Обычно их принимают, и, если племя настроено дружелюбно, или, по крайней мере, нейтрально по отношению к нам, они могут оставить на месте подарков стрелы с отломанными концами, что означает предложение «продолжить контакты». После этого начинается период, который мы называем «ухаживанием»: мы стараемся войти к ним в доверие, успокоить их, снова несем подарки, кричим на языке какого-нибудь из племен (если не знаем языка этого племени),

что белые хорошие, белые — друзья, что белые принесли подарки.

— А потом?

— А потом мы выбираем удобный момент, входим в деревню и начинаем работу. Объясняем, кто мы такие. Раздаем посуду, рыболовные крючки, лески. Пытаемся выяснить, в каком состоянии находится население деревни: много ли больных, как обстоят дела с питанием. Вот и все...

«Вот и все...» В его объяснении это выглядело легко и просто, какие бы то ни было вопросы казались даже излишними. Друзья в Рио-де-Жанейро предупреждали меня, что «разговорить» кроткого и застенчивого Клаудио так же трудно, как и обуздать бурное красноречие Орландо.

...В Диауаруме нас ждал роскошный обед: когда лодка ткнулась носом в корягу и Аруйаве прыгнул на берег, чтобы пришвартовать свое судно, от столовой повеял ветерок, принесший запахи жареного мяса. Арналдо и Галон не тратили время впустую: вместе с рыбой они притащили жирного лесного поросенка, который имел неосторожность, пересекая реку вплавь, оказаться в поле зрения рыболовов. По единодушному мнению всех участников трапезы, он очень удачно дополнил традиционный «рис-фасоль», и единственным недостатком этого блюда явилось отсутствие добавки.

После обеда Клаудио пригласил меня к себе. «Поговорим немного?» — спросил он, словно извиняясь за то, что пытается похитить у меня священные полчаса послеобеденной «съесты». Открыв дверь своего сарая, он пропустил меня вперед, учтиво склонив голову.

Как вы думаете, что можно обнаружить в шалаше человека, живущего в такой точке земного шара, как Диауарум? Ружье? Правильно! Даже не одно: о стрел-

ковых способностях Клаудио в Бразилии ходят легенды. Утверждают, что он способен выстрелами поддерживать в воздухе подброшенную банку, пока не кончатся патроны в магазине карабина. Что еще?.. Разумеется, гамак, керосиновый фонарь, колченогий табурет, самодельный стол... Одним словом, все то, что можно представить себе в жилище Робинзона... плюс этажерку с колоссальной библиотекой по — чему бы вы думали? — ...философии!

Если бы я это не увидел собственными глазами, я никогда не поверил бы в это! На неуклюжем маленьком стеллаже, стоявшем у стенки с громадными щелями, сквозь которые струился пронзительный солнечный свет, любой аспирант, готовящийся сдать кандидатский минимум по философии, мог бы обойтись в Диауаруме без помощи межбиблиотечного абонементa. К его услугам были бы здесь труды Гексли и Канта, Гегеля и Маркса, Платона и Ленина...

Заметив мое изумление, Клаудио улыбается, словно извиняясь за какую-то неловкость:

— Вот... Увлекаюсь немного. Читаю иногда по вечерам.

Он подходит к этажерке, задумывается, потом вытаскивает томик «Нищеты философии»:

— Из-за таких книжек был заподозрен в «подрывных идеях». Говорят, внесен даже в какие-то «списки неблагонадежных».

Он ставит книжку на место, кивает мне головой, указывая на табурет, а сам укладывается в гамак, закинув руки за голову.

— А у вас, в вашей стране, можно свободно изучать любую философию?

— Да, конечно.

— И много книг издается по философским проблемам?

— У нас при Академии наук имеется даже специализированный институт философии.

— О, это хорошо. Интересно было бы познакомиться с работами ваших ученых. Скажите, Игорь, а как у вас решена аграрная проблема: мне не совсем ясно, являются ваши кооперативы — «колхозы», так, кажется, они называются? — собственниками земли или нет?

Я объясняю, что земля является у нас собственностью государства, а колхозы получают ее в вечное пользование.

— Любопытно, — говорит Клаудио, словно размышляя вслух. — У нас, в Бразилии, впрочем, вы это, конечно, знаете, аграрная проблема — это корень всех зол. А частная собственность на землю — страшная беда. От этого страдают все, даже индейцы: вы знаете, сколько трудов стоило нам с Орландо отвоевать территорию Парка? Страшно вспомнить. Ведь на эти земли претендовали — и продолжают претендовать! — десятки «сильных» семей штата Мату-Гроссу. В том числе депутаты, политики, крупные коммерсанты, одним словом, те, в чьих руках власть. До сих пор правительство штата игнорирует нас. Делает вид, что мы — Национальный парк Шингу — не существуем!

Потом он интересуется, имеются ли среди малых народностей Советского Союза такие, которых можно сравнить с индейцами, хотя бы условно:

— Я слышал, что у вас, кажется, на севере, были какие-то племена?

— Не только были, но и продолжают существовать: чукчи, эскимосы, нганасане и другие.

Клаудио начинает расспрашивать меня о том, как Советская власть «приобщала их к цивилизации», как сохраняется культура, обычаи и традиции этих народностей, как они уживаются с «белыми», как организована медицинская помощь. Постепенно он оживляется и

превращает меня из интервьюера в интервьюируемого. Речь заходит о международных проблемах, о волнениях, которые потрясают мир, и Клаудио говорит:

— Нет сомнения в том, что ваш мир, мир коммунизма, победит, потому что капиталистическое общество разлагается все быстрее и быстрее. Противоречия, стоящие перед человечеством, обостряются с каждым годом, и я не вижу никаких путей их решения в рамках капиталистической системы.

Уже давно стемнело, керосиновый фонарь источает пронзительный запах, смешивающийся с ароматом прелых листьев.

— Я прошу меня извинить, — говорит Клаудио, — но мне пора идти давать лекарство детям. Если хотите посмотреть эту грустную процедуру, я к вашим услугам.

«Аптека» размещается в крошечном шалаше, куда уже собрались десятка два женщин с больными коклюшем детьми. Почти все малыши оглушительно кашляют. Посветив себе карманным фонариком, Клаудио находит в прибитом к столбу ящике пузырек с какой-то микстурой и принимается вливать ее в глотки детишкам. Они подходят к нему по очереди, послушно разевая рты, словно птенцы в гнезде, завидевшие мамашу с червяком в клюве.

— Он сильно кашляет или нет? — спрашивает Клаудио у каждой из мамаш. Тем, кто кашляет сильно, выдается полная ложка. Тем, кто кашляет меньше, вливается полпорции. Облизываясь, карапузы отходят к своим матерям, которые хватают их за руку и тащат прочь.

— Вот и вся наша нехитрая терапия, — говорит Клаудио, словно извиняясь. — Этих ребят тут так много, что я даже по именам-то не всех их знаю. Единственный способ подыскать им нужное лекарство — это по-

пытаться расспросить мать, которая сплошь и рядом не понимает, чего от нее хотят.

«Аптека» пустеет, матери уводят и уносят верхом на своих бедрах разнокалиберных кашляющих птенцов. Клаудио закрывает ящик с медикаментами и устало вытягивается. Его и без того бледное лицо в свете лампы приобрело какой-то зеленый оттенок.

— А вы сами как себя чувствуете? — спрашиваю я.

— Ничего, ничего, — торопливо отвечает он, встрепенувшись. — А что такое? Почему вы это спросили?

— Да просто так... Климат здесь, мне кажется, тяжелый.

Он улыбается как-то виновато:

— Да, места тут, конечно, малярийные. Но жить можно. Вот только желудок иногда подводит. Если бы не это, все было бы отлично.

К нам подходит Аруйаве.

— Вот, — говорит Клаудио, кладя ему руку на плечо, — мой самый главный помощник. Без него мне было бы очень плохо. Поговорите с ним. Интереснейший человек! А я пойду вздремну, если вы не возражаете.

И через мгновение, спохватившись, спрашивает:

— А может быть, вы еще хотите что-нибудь у меня выяснить? Пожалуйста, я к вашим услугам!

Я благодарю Клаудио и желаю ему спокойной ночи. За сегодняшний день он, вероятно, сказал больше, чем говорит за два-три месяца. Кроме того, я знаю, что он всегда встает в пять утра и уходит на свою ежедневную трехчасовую прогулку по сельве.

Клаудио улыбается, кивает нам, поворачивается и растворяется в ночи. А мы с Аруйаве идем по тропке к шалашу, где я должен ночевать.

— Послушай, Аруйаве, сколько тебе лет?

— Двадцать.

— Ты — трумаи?

— Да.

— А семья у тебя есть?

— Жена и сын.

— Как зовут?

— Жену — Уанти, сына — Алуари.

— А родители живы?

— Нет.

— Умерли давно?

— Когда мне было полтора года, умер отец. Мать умерла недавно.

— Подожди, подожди. Как, ты говоришь, зовут твоего сына? Алуари?

— Да.

— Стало быть, так звали и твоего отца? (Я знаю об обычае индейцев называть сыновей именами дедов.)

— Да.

— И твой отец случайно не был ли вождем трумаи?

— Да. Он был последним вождем трумаи.

Круг замкнулся... Я вспомнил историю его отца — знаменитого Алуари — вождя трумаи, о котором писали почти все, кто посещал это племя два-три десятка лет назад.

В раннем детстве Алуари был похищен индейцами журуна и вырос в деревне этого племени. Когда он был уже подростком, журуна подверглись атаке суйа. Почти вся деревня была перебита, и в последний момент, когда дубинка уже была занесена над головой Алуари, он крикнул, что он не журуна, а трумаи... В тот период между суйа и трумаи установилось краткое перемирие, и Алуари был помилован. Суйа увели его в свою деревню, и он стал жить среди них. Старики заставили его просверлить уши, как это делают суйа. Потом велели ему просверлить нижнюю губу. Алуари, решивший во что бы то ни стало избежать этих новых мучений, пообещал выполнить требование старцев, но сначала по-

просил отпустить его на несколько дней в свою родную деревню. Суйа позволили, но решили пойти вместе с ним.

После нескольких дней путешествия на лодке они прибыли в деревню трумаи и были встречены как друзья. Алуари ходил по родной деревне и чувствовал за спиной смехи и издевательства: соплеменники не могли простить ему проколы в ушах. Трумаи никогда не делали этого и считали, что уродование ушей унижает индейца. Алуари понял, что стал отверженным. И гнев вскипел в его душе. Он решил отомстить.

Однажды вечером, когда сопровождавшие его суйа купались в речке, Алуари, спрятавшись за кустами, поразил их одного за другим из своего лука, который никогда не знал промаха. Когда весть об этом дошла до суйа, перемирие кончилось. Вымазавшись черной краской, суйа отправились на войну против трумаи. Это был бой, в котором погибли почти все трумаи. Остатки племени разбежались, найдя убежище в деревнях мейнако и ваура, которые тоже не любили воинственных суйа. Впоследствии остатки трумаи смогли вновь объединиться в деревню — в одну убогую малоку. И вождем был избран Алуари. Ему простили его рваные уши, так как он, по мнению соплеменников, кровью убитых им суйа смыл причиненные ему унижения.

И все же Алуари до конца дней своих оставался грустным: уши не давали ему покоя. И вопреки обычаю трумаи он отпустил длинную шевелюру, чтобы спускавшиеся на плечи волосы закрывали позорные дыры в мочках ушей.

Итак, Аруйаве был сыном Алуари. Последнего вождем трумаи. Мы замолчали, думая каждый о своем. Тоскливо звенели москиты. Ветер шелестел по крыше шалаша. С глухим стуком упал за окном перезрелый плод манго. Пленка в кассете магнитофона кончилась. Пока

я возился, доставая новую, Аруйаве закурил. Нажав кнопку, я включил магнитофон. Можно было продолжать беседу.

— А что делает твоя жена?

— Ничего не делает.

В этом он остался верен своим предкам: индеец никогда не признает, что женщина может заниматься чем-то, заслуживающим внимания. Но Аруйаве, с другой стороны, был уже отравлен цивилизацией, и, самое главное, любил свою жену, а поэтому, запнувшись, добавил:

— Она ничего не делает, но занимается по хозяйству: еду готовит, рыбу жарит, которую я привожу. С сыном сидит.

— А ты что делаешь?

— Разное: помогаю Клаудио, наблюдаю за посевом маниоки, езжу на лодке, говорю каждое утро по радио.

— Стало быть, ты уже разбираешься в радио?

— Нет, я только умею включать и выключать. Чинить не могу.

— А мотор у лодки?

— Тоже не могу чинить, — он подумал и добавил: — Пока...

— А если мотор сломается, когда ты далеко от Диау-арума?

— Тогда будет плохо.

— А куда ты едешь на этой лодке?

— Куда Клаудио скажет. Иногда вместе с ним подымаемся по Шингу. Иногда он меня посылает за больным в какую-нибудь деревню. Или на пост Леонардо.

— А сколько человек осталось сейчас в твоём племени?

Он морщит сосредоточенно лоб. Потом говорит:

— Около двадцати... — И добавляет: — Вместе с женщинами.

Вероятно, это короткое замечание: «вместе с женщинами» — было самым убедительным примером того, что Аруйаве окончательно примкнул к «цивилизаторам». «Настоящий» индеец никогда не позволил бы себе сказать такое. Я убедился в этом несколько дней спустя, когда, вернувшись на пост Леонардо, стал свидетелем любопытной сцены. К «конторе» Орландо приближалась длинная процессия очередных визитеров из какой-то соседней деревни. Впереди шли женщины с корзинами и мисками на голове и несли младенцев, приютившихся на могучих бедрах матерей. Рядом бежали, путаясь под ногами, детишки постарше. Замыкая шествие, торжественно шли мужчины с луками и стрелами в руках.

— Кто там пришел? — крикнул Орландо, подымая голову от своего канцелярского гроссбуха, в котором он в который раз безуспешно пытался свести концы с концами в тощей смете Парка.

— Это пришли камаюра, — доложил один из болтавшихся вокруг него старожилы поста.

— Сколько их? — спросил Орландо, соображая, что нужно дать команду на кухню, чтобы Сабино позаботился об «усилении» обеда.

Индеец, чрезвычайно довольный возможностью продемонстрировать свои математические способности, высунулся из окна и принялся считать, тыча в воздух черным, заскорузлым пальцем. Он несколько раз сбивался и начинал сначала. От напряжения на лбу у него выступили капельки пота. Сын сельвы, видимо, совсем недавно освоил тайны математики. Наконец мучительный процесс завершился блистательной победой. Повернувшись к нам, он ликующе провозгласил:

— Пришли семь камаюра!

Я недоуменно воззрился на Орландо: мне хорошо было видно, что гостей там не меньше пятнадцати. Орландо понял мой молчаливый вопрос и, пряча улыбку, повернулся к математике:

— Карамба утверждает, что ты ошибся.

Тот побагровел от возмущения, снова воззрился в окно и принялся пересчитывать, нервно взмахивая пальцем.

— Карамба говорит, — сказал ему Орландо, — что к нам пришли две руки и одна нога камаюра...

Математик, не достаивая меня взглядом, с достоинством пояснил:

— Орландо, там пришли семь камаюра. А остальные — это женщины.

Да, индейцы Шингу никогда не включали женщин в общий «баланс», в «сводку наличного состава» своего племени. В счет всегда шли только мужчины. Так уж повелось испокон веков, и ничего тут не поделаешь. А бедный Аруйаве вынужден был сказать, что в его племени около двадцати человек «вместе с женщинами». Ему, очевидно, никак не хотелось признать, что его народ фактически прекратил свое существование.

...Ладно, пусть будет так. Я закуриваю и спрашиваю его:

— Стало быть, ты один из последних трумаи?

— Да.

— А твоя жена?

— Она суйа...

Ирония судьбы: последний из трумаи вынужден взять в жены девушку из племени своих врагов. Что это: новейший вариант «Ромео и Джульетты» или только необходимость найти себе женщину, даже если твой отец перевернется в своей убогой могиле?

— А твоя жена знает язык трумаи?

— Нет.

— А ты знаешь язык суйа?

— Нет.

— А как же вы объясняетесь?

— По-португальски.

— А ваш сын?

— Он начинает говорить по-португальски. Но знает несколько слов и трумаи.

— Ты доволен своей жизнью?

— Да.

— Тебе здесь, в Диауаруме, лучше, чем было раньше, когда ты жил в своей деревне?

— Да, мне здесь очень хорошо.

— А чего бы ты хотел, чтобы тебе стало еще лучше?

— Не знаю, — он задумывается, молчит, потом отвечает: — Я хотел бы всегда работать вместе с Клаудио. Еще хочу научиться чинить мотор у лодки. И чинить радио. А то, когда оно замолкает, приходится звать Клаудио.

Он снова молчит, собираясь с мыслями, и добавляет:

— Еще хочу научиться читать и писать. Хочу прочитать много книг. Сколько прочитал Клаудио.

— Зачем?

— В книгах рассказывается, как надо жить. Как чинятся моторы. Как летают самолеты. Да, и еще я хочу стать летчиком. И летать из Диауарума в Леонардо. Везти лекарства и продукты...

— Ты знаешь какие-нибудь легенды трумаи?

— Знаю. Мне их рассказывала мать.

— Расскажи мне что-нибудь.

Он вздыхает и озабоченно морщит лоб. Потом начи-

нает рассказывать длинную легенду о том, как в одной из деревень трумаи была похищена девушка, которую утащил старый и хитрый лис. В далекой лесной хижине эту девушку разыскал молодой парень. Они полюбили друг друга и сбежали от лиса обратно в село. Девушка вернулась в дом своей матери, но мать не узнала ее. Поэтому девушка жила в деревне чужой. Ей было трудно. Соседи кормили ее остатками «бжу». И она начала тосковать по своему старому лису. И умерла от тоски...

С первыми лучами солнца, где-то в половине шестого, мы с Галоном просыпаемся почти одновременно. На соседнем гамаке безмятежно сопит Арналдо, свесив левую руку до земли. Запах дыма приятно щекочет ноздри: Клаудио уже на ногах. Он готовит завтрак из остатков наловленной вчера рыбы и, разумеется, «рис-фасоль». Галон расталкивает Арналдо, тот со стоном пытается отмахнуться: «Еще солнце не встало! Лететь до Леонардо всего двадцать минут». Галон кричит, что, по словам Клаудио, погода может испортиться с минуты на минуту.

Проглотив завтрак, мы прощаемся с Клаудио и быстро погружаемся на самолет. Солнце уже повисло за черным краем леса, а с запада двигается облако, предвещающее дождь. Ревет мотор, струи красной пыли рвутся из-под крыльев, ударив по сощурившимся индейцам и одиноко торчащему среди них в своих мятых брюках Клаудио. Спотыкаясь на кочках, переваливаясь с боку на бок, «баркрайфт» прыгает по просеке, поднатуживается и с видимой неохотой повисает в воздухе. Еще через мгновение зеленая пучина сельвы поглощает малоки Диауарума. Мы молчим. Потом Галон говорит, словно размышляя вслух:

— Вот так и живет Клаудио...

Арналдо закрывает форточку, откуда бьет холодная струя воздуха, и добавляет:

— А следующий самолет будет у него то ли через месяц, то ли через полгода...

От Диауарума до поста Леонардо лететь недолго. Около получаса. Мы лениво беседуем, вспоминая приключения вчерашнего дня. Галон и Арналдо упиваются своими рыбацкими подвигами. Я рассказываю им о поездке к суйа. Арналдо восхищается, вспомнив, с каким олимпийским спокойствием Аруйаве манипулировал переключателями рации.

— А что? — говорит Галон. — Индейцы очень сообразительны, восприимчивы. Если бы у нас всюду к ним было бы такое же отношение, как здесь, таких, как Аруйаве, были бы у нас не единицы, а тысячи.

— А почему нельзя добиться этого? — спрашиваю я.

— Чего?

— Ну, чтобы к ним всюду было такое отношение, как здесь.

— Чудак ты, — снисходительно говорит Галон. — Ты не понимаешь простой вещи: этот Парк — заповедник, остров, исключение из правила. То, что ты здесь видишь, ты нигде больше не увидишь, потому что это невозможно.

— Как это так «невозможно»? Невозможно человеческое отношение к индейцам?

— Да нет, ты меня не понимаешь. Я говорю не об отношении к ним. Я говорю об исключительности этого Парка как учреждения. Мы не можем себе позволить создавать много таких Парков и территорий, потому что это помешает освоению страны. Нельзя же отдать индейцам всю нашу Амазонию и сидеть сложа руки, пока они скачут со своими луками по землям, которые хранят урановые руды или золото, нефть или алмазы. Мы вынуж-

дены, мы хотим, и мы будем осваивать нашу страну, эксплуатировать ее богатства, а это означает, что индейцам придется еще больше потесниться. Хотят они этого или нет.

— Конечно, не хотят, — говорит Арналдо. — Помнишь падре Кальери?

— Подожди, подожди, — оживает Галон. — Какое сегодня число? Тридцатое, кажется. Так ведь сегодня или завтра исполняется ровно год...

Он был прав: в тот самый день, когда мы возвращались из Диауарума, исполнилась первая годовщина трагической истории, взволновавшей всю страну. Думаю, что о ней следует рассказать подробнее.

ЧАСТЬ II

ГИБЕЛЬ ПАДРЕ КАЛЬЕРИ

«Помолитесь за нас, сестра! И помолитесь прилежно: как мне кажется, вскоре полетят стрелы» — этими словами кончалась последняя радиограмма падре Кальери, полученная в Манаусе 30 октября 1968 года. На следующий день в условленный час падре на связь не вышел. Телеграфистка ожидала его позывных еще три дня. Безуспешно... Контакт с экспедицией был потерян. Еще через два дня газеты Бразилии взорвались истеричным фейерверком шапок: «Миссия падре Кальери исчезла после встречи с племенем атроари!»

Преступление и наказание

Атроари — индейское племя, насчитывающее несколько сот человек, обитает к северу от Манауса в районе слияния рек Алалау́ и Жауапери́. Несколько лет назад оно попало на страницы газет в связи с полемикой, развернувшейся вокруг проекта строительства автострады Манаус — Боа-Виста, которую затем намечалось продлить до южных границ Венесуэлы. Последнее обстоятельство дало повод некоторым газетам квалифицировать ее как «интернациональную» и «трансконтинентальную». Поскольку трасса должна была пересечь территорию обитания атроари, перед строителями возникла нешуточная проблема. С одной стороны, по конституции Бразилии земли, на которых живут индейцы, считались в то время их собственностью, поэтому появление землекопов и бульдозеров вблизи малок атроари формально могло быть истолковано как нарушение законодательства*. Впрочем, юридическая сторона вопроса

---

* Спустя некоторое время это «неудобство» было устранено; по новому «Уставу индейцев» земли, на которых они обитают, перешли в собственность государства.

меньше всего волновала инженеров департамента автомобильных дорог. Куда больше их смущала перспектива столкнуться с очевидным желанием индейцев защитить свои земли от вторжения «караибов».

Эксперты из ФУНАИ советовали найти компромиссный вариант, проложив трассу в стороне от деревень атроари и ваймири, напоминая о печальном опыте Сан-Пауло, где в прошлом веке строительство железной дороги было предпринято через земли индейцев кайнганге. Дорогу построили под грохот выстрелов, в результате чего некогда могущественное племя сократилось до двухсот человек, обитающих ныне в двух резервациях ФУНАИ.

Несмотря на сопротивление ученых мужей, энергичные инженеры, как это нередко бывает в таких случаях, побили их теоретические, гуманистические и прочие, столь же шаткие аргументы неумолимой логикой высших государственных интересов. В самом деле, разве можно допустить, чтобы какие-то там три сотни «бесштаных индейцев» помешали строительству столь важного объекта, как трансконтинентальная магистраль, имеющая к тому же «неоспоримое оборонное значение»?! Другое дело, если бы трасса проходила через владения какого-либо цивилизованного латифундиста. В этом случае понадобилось бы вести переговоры о покупке земли, о справедливой компенсации за урон, который был бы нанесен частной собственности. А индейцы?! Нет, тут не могло быть и речи о каких-то переменах маршрута!

Когда строительство было начато и первые десятки километров просеки прочертили сельву к северу от Манауса, руководители департамента путей сообщения решили принять меры к переселению атроари, чтобы они, когда строители подойдут вплотную к их деревням, не вздумали бы воспрепятствовать железной поступи прогресса. С этой целью и была организована экспедиция

под руководством итальянского священника падре Кальери, в которой, кроме самого падре, приняли участие еще семь мужчин и две женщины. Падре намеревался завязать дружбу с атроари и попытаться убедить их в необходимости переселиться на новое место.

14 октября экспедиция отправилась из Манауса на вертолете, который доставил ее на берег реки Сан-Антонио, в 240 километрах севернее города, где находился передовой лагерь дорожников. К северу лежала земля атроари. Отсюда экспедиция и начала свой трудный путь, отправившись на поиски индейцев в моторной лодке.

22 октября они заметили первые признаки пребывания индейцев: заброшенную хижину с остатками пищи. Еще через сутки пути они были разбужены на рассвете криком петуха. Это означало, что деревня атроари находится где-то поблизости. Падре Кальери распорядился дать три выстрела в воздух, предупреждая туземцев о прибытии экспедиции. И через несколько часов состоялась первая встреча. Она была такой сердечной, что лучше и пожелать нельзя: индейцы приветственно махали руками, приглашали белых подойти поближе. Вышедший впереди соплеменников вождь первым подошел к падре и протянул ему мякоть банана. Падре поблагодарил, после чего вождь сунул палец себе в рот и, вытащив его оттуда, в знак дружбы намазал своей слюной губы падре Кальери.

Потом начались работы по устройству лагеря экспедиции. Индейцы помогали расчищать участок на берегу реки, строить шалаши, таскали хворост для костра. Тут же произошло первое недоразумение: один из туземцев залез в кастрюлю с пищей. И падре, грозно прикрикнув, прогнал его. Этого делать не следовало бы. В особенности после того, как сам падре и его спутники отведали бананов и «бижу», предложенных им индейцами...

Целый день индейцы помогали экспедиции организовывать на берегу речного протока свой лагерь. А вечером падре стал распределять подарки. При этом он руководствовался какими-то одному ему понятными критериями: некоторые индейцы, работавшие, по мнению Кальери, лучше других, получили больше подарков. Те, кто, как полагал падре, ленился, должны были удовлетвориться более скромным вознаграждением. Один из них, недовольный тем, что ему досталось всего лишь две коробки спичек, пытался протестовать. Падре отобрал у него обе коробки. Отобрал в **назидание!** Впоследствии сертанист * Жоао Америко Пере, анализируя эти действия, заметил, что падре следовал принципам **нашей** психологии и педагогики. **Нашей!** Но ведь индейцы мыслят иначе и не читают брошюр о трудовом воспитании и научно организованной системе поощрений и наказаний...

Как могли атроари, боготворящие своих детей и никогда не наказывающие их даже за серьезные проступки, понять или оправдать поведение падре, силой вытащившего из лодки забравшегося туда подростка? Почему они должны были согласиться с принципом «оплаты по труду»?

А ведь Кальери был не новичок в сельве. Он, правда, приехал в Бразилию сравнительно недавно: в 1964 году. Однако уже участвовал в нескольких экспедициях по установлению контактов с индейцами. В частности, с племенем яноами, обитающим по правому берегу реки Рио-Бранко, неподалеку от бразильско-венесуэльской границы. Именно поэтому инженеры департамента автомобильных дорог и обратились к нему за помощью. Однако

---

* Сертанист — так в Бразилии называют ученых, которые ведут свои исследования среди индейцев.

успешные результаты контактов с яноами вскружили, очевидно, ему голову. Он решил, что обладает особым влиянием на индейцев. Что их подавляет его представительный вид, громкий голос, властные жесты.

На следующий день падре Кальери вошел в одну из хижин, несмотря на то, что двое мужчин стояли у входа, показывая жестами, что сюда входить не следует. Падре отодвинул их в сторону, словно убирая с дороги препятствие. И, войдя в малоку, начал считать висящие в ней гамаки. А это не могло не насторожить индейцев: они вправе были подумать, что этот странный караиба пытается выяснить их численность.

Так одна ошибка следовала за другой. Ближайшим помощником падре Кальери был лесник Алваро Пауло да Сильва, проживший в сельве всю жизнь и хорошо разбиравшийся в обычаях и нравах индейцев. Он несколько раз пытался предупреждать падре о том, что их нельзя раздражать. Падре отмахивался от Алваро.

Спустя два дня индейцы стали проявлять первые признаки нервозности и недовольства. Несколько человек отказалось проводить экспедицию к месту прежней стоянки. А те, что в конце концов согласились стать проводниками, пройдя несколько километров, вдруг разъярились: принялись стучать зубами и хлопать руками по своим ягодицам, что означало сильнейшее волнение. Падре прикрикнул на них. И после этого Алваро окончательно впал в панику. Он хорошо знал, что ни в коем случае не следует кричать на индейцев. Он обратился к падре с мольбой немедленно прервать экспедицию и вернуться. Падре и сам понимал, что над его головой сгущаются тучи, но ему не хотелось отступать. Может быть, было стыдно? Или не хотелось терять гонорар, обещанный инженерами департамента автодорог? А может быть, он продолжал верить в свою власть над этими туземцами? В свою способность сломить их, убедить,

подчинить себе? И лишь одна фраза последней радиогаммы невольно выдала смятение, царившее в его душе: «...помолитесь за нас, сестра! И помолитесь прилежно: как мне кажется, скоро полетят стрелы».

Алваро не стал дожидаться стрел. Он заявил падре, что уходит.

— Жалко, сын мой. Ты очень многим помог нам. И можешь еще больше помочь в ближайшие дни.

Эти слова занозой застряли в сознании лесника. И, пройдя несколько километров по речке на самодельном плотике, он вдруг повернул обратно. Правда, уже приближался вечер, и ему пришлось переночевать на берегу реки, не дойдя до стоянки. Утром он, поколебавшись, решил все же вернуться в лагерь, чтобы в последний раз попытаться переубедить падре и его товарищей.

Алваро подплыл к стоянке совсем близко и удивился необычной тишине. Спрыгнув с плотика, он поднялся по косогору к тому месту, где стоял шалаш экспедиции. Сделал несколько шагов вперед. Никто не вышел навстречу. Алваро подошел, заглянул внутрь. Посредине убогой хижины лежал труп падре с проломленной головой.

В ужасе Алваро бросился бежать. Прыгнул в свой плот и, лихорадочно гребя, отправился в долгое путешествие по «зеленому аду», как потом именовали эти места репортеры, описывавшие злоключения экспедиции. Пять дней он плыл, питаясь мукой и бананами. Потом плот перевернулся, остатки припасов пошли ко дну. Вероятно, Алваро умер бы от голода и жары, если бы не натолкнулся на двух рыбаков с провизией. Они накормили его, помогли добраться до ближайшего поселка, откуда спустя еще несколько дней он был переправлен в Манаус.

Кто виноват?

Через неделю тела падре и его спутников были найдены пилотами спасательного авиаотряда.

Вертолеты сели на крошечную опушку в нескольких километрах от места, указанного Алваро. Девять скелетов (много ли нужно времени зловещим «урубубу» — стервятникам, питающимся падалью, чтобы сожрать девять трупов?) были перевезены в город. Газеты смаковали детали, задавая нескончаемые вопросы: «Кто виноват?»

В самом деле: кто виновник этой трагедии? Сам ли падре? Инженеры, прочертившие непреклонным острием фарберовского карандаша трассу через деревни атроари и забывшие о мудром предостережении предков: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним — ходить!» Или сами «кровожадные атроари»?

«Я никогда в жизни не слышал, чтобы индеец без причины нападал на белого и тем более убил его, — сказал мне однажды Ноэл Нутелс — друг и соратник братьев Вилас-Боас, врач, около тридцати лет своей жизни посвятивший заботам о здоровье индейцев и объездивший, выполняя эту работу, всю страну. — Если индеец убивает кого-то из нас, значит, сам он, или его родственники, или его предки были когда-то уже обижены белыми» Жоао Америко Пере, выезжавший в Манаус по поручению ФУНАИ для изучения обстоятельств гибели экспедиции, рассказал впоследствии, что причиной трагедии явилось стремление падре Кальери привить индейцам сознание своего превосходства над ними, запугивание, угрозы.

— «Усмирение» индейцев требует опыта, — говорил Пере. — А у падре такого опыта не оказалось. Впрочем, я не знаю ни одного из миссионеров, который обладал бы им. Кальери сам виноват в своей гибели, и это тем

более печально, ибо падре прошел курс усовершенствования в музее Гельди в Белеме.

— Каковы же были его главные ошибки?

— Во-первых, он вошёл без приглашения на их территорию, что дало им веские мотивы рассматривать его как интервента. Во-вторых, что еще хуже, падре, опять-таки без разрешения, заходил в их малоку. Кроме того, он стрелял в воздух, оповещая индейцев о своем прибытии. А выстрелы их очень нервируют и раздражают. И вообще, — заключил Пере, — Кальери, судя по рассказам Алваро, вел себя с ними слишком строго. Пытался дисциплинировать их. И поплатился за это.

Мы беседовали с Пере спустя несколько месяцев после этих событий. И я, естественно, поинтересовался, что стало с дорогой, строится ли она?

— Конечно, строится, — усмехнулся Пере. — Наш прогресс не остановишь.

— Ну а индейцы?

— Они ушли из того района, опасаясь, видимо, мести за убийство падре. Ушли, вероятно, лишь на время. Поэтому нельзя считать, что опасность миновала. Угроза стычек и кровопролития сохраняется. Для строителей дороги или, если они закончат ее благополучно, для тех, кто будет ездить по ней.

Гибель падре Кальери дала обильную пищу истосковавшейся по сенсациям бразильской прессе. Несколько недель подряд газеты публиковали душераздирающие «шапки», анализируя, комментируя и обсуждая трагедию и ее причины.

В этом каскаде мнений, соображений, предположений и идей появились и совсем фантастические. Вроде версии некоего майора Жила Лесса, одного из руководителей спасательного авиационного отряда, который с многозначительным видом заявил: «Тут что-то есть!» Майор отметил, что индейцы действовали по всем пра-

вилам... «партизанской революционной» борьбы. Они, в частности, прежде всего убили радиооператора. Как вы думаете, почему? Да для того, чтобы оборвать связи экспедиции с внешним миром! На полянах, где расположились деревни атроари, туземцы устроили завалы. Зачем? Затем, чтобы помешать высадке спасательных десантов. «Ходят слухи, — многозначительно говаривал Жил Лесса, — что среди атроари был замечен какой-то таинственный белый... Кто он? И вообще... не замешаны ли здесь коммунисты?»

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно: в версии о присутствии среди индейцев загадочного белого (или, точнее говоря, белых) имелось гораздо больше смысла, чем можно было бы предполагать на первый взгляд. Именно поэтому газетная шумиха, поднятая в связи с гибелью экспедиции падре Кальери, вновь всколыхнула страсти вокруг старой и вечно больной проблемы: миссионеры в Амазонии.

Деятельность миссий охватывает 4 806 366 кв. км — более половины страны... Одной из проблем, которую вынуждена решать церковь в Бразилии, является нехватка бразильских добровольцев: более 80 процентов миссионеров являются иностранцами, которые посвящают себя выполнению своих задач так, как если бы они были бразильцами. Из 752 священников и монахов, которые работают в составе миссий, лишь 132 — бразильцы.

Журнал «Реалидаде», 1970, № 39, стр. 104

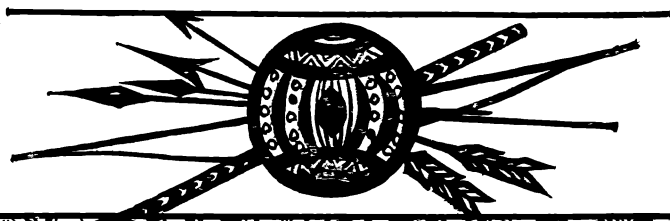
Вдохновенная сестра Манусия показывает свой музей Сестра Манусия хлопотливо сенила вокруг длинного стола, заваленного кусками разноцветной дешевенькой ткани. Полы ее черного одеяния развевались, как флаги пиратского фрегата

та. Ее чело было преисполнено сознанием важности выполняемой задачи: она инструктировала смуглых индейских девушек, сосредоточенно кроивших ножницами платья и рубахи. Увидев меня, сестра Манусия расцвела улыбкой, словно мой визит был самым радостным событием года для нее самой и ее воспитанниц.

— Сеньор, разумеется, хотел бы ознакомиться с нашим музеем? Отлично! — с энтузиазмом воскликнула она, включая дополнительную скорость. Подхватив магнитофон и фотоаппараты, я устремился следом за ней по деревянным ступенькам, ведущим на обширную террасу. Происходило это в занимающем целый квартал Манауса «Патронате Санта-Терезинья» — штаб-квартире монашеского ордена «Салесианских сестер», вот уже более полувека обращающего в цивилизацию, а точнее — в католическую веру индейцев бассейна Рио-Негро — крупнейшего левого притока Амазонки.

Для начала сестра Манусия продемонстрировала дорогому гостю громадную карту, документирующую поистине гигантский размах операций «Салесианских сестер»: десятки цветных кружочков и точек, обозначающих миссии ордена, рассыпались по всему северо-западу штата Амазонас и переползли даже на территорию соседних Венесуэлы и Колумбии. Музей был действительно богат: рядом с ним экспозиция государственного музея индейской культуры в Рио-де-Жанейро могла бы показаться скромной самодеятельной выставкой. Блуждая между челнами, выдолбленными из пальмовых стволов, и громадными сосудами из глины, сестра Манусия, прожившая, как выяснилось, в сельве более десятка лет, вдохновенно повествовала о деяниях «Салесианских сестер» с 1915 года, когда на берегу Рио-Негро появилась их первая миссия.

— В крупных селениях мы создаем школы, где учим детей грамоте и катехизису. Через семь-восемь месяцев

ребенок уже говорит по-португальски, может спеть четыре мессы и даже шесть молитв по-латыни.

Потрясенный столь фундаментальной теоретической подготовкой молодых бразильских граждан из племени туканос, я тем не менее счел возможным осведомиться, прививают ли им «сестры» еще какие-нибудь навыки, которые могли бы наряду со знанием латыни пригодиться в их суровой жизни.

— А как же! — воскликнула сестра Манусия. — Мы их учим работать. Мальчики, например, делают веники, которые мы потом продаем в поселках. И даже здесь, в Манаусе. Еще мы учим их носить одежду.

— Зачем?

— То есть как? — бедная сестра была явно шокирована этим вопросом.

— Здесь же тропический климат. И если они тысячу лет ходили без одежды, то в этом, очевидно, был какой-то смысл. А приучив к одежде, вы вынуждены будете потом обеспечить их платьями и рубашками.

— Да, конечно! Вот у нас девушки и шьют их. Шьют сами!

— А врачи в ваших миссиях имеются?

— Специалистов-медиков у нас, к сожалению, почти нет. Обычно больных лечит падре. Ведь в каждой миссии мы имеем двух-трех падре и семь-восемь сестер.

Я поинтересовался, кто финансирует весь этот громадный «аппарат», на какие деньги покупаются лекарства, ткани для шитья одежды и продукты питания для тысяч падре и сестер. Сестра Манусия подняла глаза к небу и смиренно заметила, что щедрость всевышнего безгранична и что, слава богу, рука дающего никогда не оскудеет. При этом она выразительно обратила свой

лучистый взор к стоявшему у дверей сосуду, куда посетители музея должны опускать свои доброхотные даяния.

Я понял теперь, чем объяснялось радушие и гостеприимство, оказанное мне «Патронатом Санта-Терезинья», полез в карман за парой крузейро и позволил себе при этом заметить, что на пожертвования такого рода было бы очень трудно содержать полсотни лет такую уйму просветителей. Сестра помолчала несколько мгновений, выразив таким образом неудовольствие бестактной любознательностью гостя, а затем нехотя заметила, что «известная часть средств» на содержание «Салесианских сестер» поступает от крупных религиозных и «других» организаций. Как в Бразилии, так и за ее пределами.

Вот где, оказывается, зарыта собака! «Известная часть средств» является главным источником финансирования служителей господа, обосновавшихся в Амазонии. Эти доллары, марки, лиры текут не только «салесианским сестрам», ибо «Патронат Санта-Терезинья» является всего лишь одним из отрядов громадной миссионерской армии, ведущей медленное, но верное завоевание Амазонии с молчаливого согласия бразильских властей. Никто точно не знает, сколько миссий находится в амазонской сельве, где они расположены и чем занимаются. Только упоминания о самых известных из них попадают время от времени на страницы бразильской печати. Как правило, в связи с каким-нибудь скандалом, вызывающим очередную волну протестов общественности, ученых, прессы, всех тех, кто опасается трагических для индейцев последствий «просветительской деятельности» миссий.

Под предлогом «воспитания» наших индейцев американские религиозные миссии оккупируют наши земли, грабят наши богатства, убивая индейцев и проводя над ними опыты по стерилизации.

Профессор Раймундо Нонато Пирес, преподаватель Коммерческого училища в городе Каролине, штат Мараньяо.

*Опубликовано в газете «Жорнал до Бразил»
30 июня 1968 года, стр. 16.*

«Белая интервенция в «зеленом аду»

Профессор Раймундо Нонато Пирес, сформулировавший сухим языком ученого это тяжкое обвинение, отнюдь не является схоластом, черпающим знания из ветхих летописей и хроник. Добрую половину жизни он занимался «гаримпо» — поисками драгоценных камней и изъездил всю Амазонию. Потом работал пилотом, летал над самыми далекими и глухими районами этого края. «Я видел протестантские миссии, которые занимались контрабандой золота и алмазов в Рораиме, у слияния рек Такуту и Мау, на границе с Гайаной. Они прогоняли бразильских гаримпейрос, окружали свои лагеря заборами, охраняли их от бразильцев. Видел я американские миссии на границе с Венесуэлой по реке Котинго, на самом севере Бразилии, и на реке Сурумуну, где имеется много золота и алмазных россыпей... Эти миссии имели самолеты «С-47», строили специальные посадочные площадки, окружали их проволокой, и тому, кто появлялся поблизости, было очень легко получить пулю в лоб».

Подобные истории рассказывают все, кто бывал в Амазонии. Поговорите с любым бразильским рыбаком или гаримпейро, моряком или геологом, работающим в тех краях, и он поведаст вам о подпольных аэродромах, о тайнственных радиопередатчиках, поддерживающих

связь с заграницей, о глухих тропах, пересекающих границы, о множестве других любопытных дел, творящихся втихую в благопристойных миссиях, орудующих в Амазонии. Издревле они прибывали в Бразилию не только без предъявления паспортов на ее границах, но даже без уведомления бразильских властей о своих намерениях, о своей численности, о роде деятельности, которую они предполагали вести. В последние годы, правда, ситуация начала постепенно меняться. Общественность забила тревогу. Пресса начала задавать тревожные вопросы... Однако, несмотря на это, миссионеры не собираются сдавать своих позиций и прекращать свою деятельность.

Собрав обрывочные сведения, просочившиеся за последние годы в бразильскую печать, побеседовав с людьми, знающими Амазонию, я попытался составить весьма приближенную и далеко не полную схему расположения самых крупных из миссий, работающих в этом краю.

Посмотрим на карту Бразилии. На самом севере страны, вонзаясь громадным выступом между Венесуэлой и Гайаной, лежит «территория» Рораима, превосходящая по площади Белоруссию и почти равная Англии, а по численности населения (37 тысяч жителей) отстающая от таких городов, как Нукус, Кызыл или Элиста. В Рораиме имеется семь крупных постов протестантских миссий, принадлежащих к так называемому «Мировому крестовому походу евангелистов», руководимому из США. Их перечисление, возможно, покажется читателю несколько утомительным, однако оно необходимо, чтобы застраховать автора от упреков в преувеличении или погоне за дешевой сенсацией. По данным газеты «Корейо да манья» (30 июня 1968 года), эти посты располагаются в следующих точках:

1. Пост Уайка — на правом берегу реки Урарикуэра в горах Марутани.

2. Пост Ширишана — на левом берегу реки Мукажай, близ Кашоэйра дос Индиос.

3. Пост Сурукукуе — в районе Алтоа Прима у горного хребта Сурукукус.

4. Пост Анарис — на реке того же названия, являющейся притоком реки Урарикоэра.

5. Пост Боас-Новас — на реке Эрико, являющейся притоком реки Урарикаа.

6. Пост Контао — на реке Катинго.

7. Пост Алалау — на реке того же названия, на границе Рораимы и штата Амазонас.

Когда группа студентов из Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло прибыла в Рораиму для проведения обследования положения индейцев, они выяснили, что, хотя «евангелисты» обосновались здесь еще в 1956 году, никакая «просветительная» работа с местным населением, по сути дела, не была даже начата. В отчете студенты писали, что индейцы продолжают жить в тяжелейших условиях, они лишены элементарных представлений о гигиене, а освоение португальского языка за прошедшие 10 лет не было даже начато под предлогом «отсутствия способностей» у индейцев. (Газета «Популар», издающаяся в штате Гояс, 27 марта 1969 года.)

Краткая, но красноречивая характеристика деятельности «Крестового похода» была дана в докладной записке директора департамента индейского имущества Национального фонда индейцев Жозе Мария да Гама Малшер: «Эти американские миссии снабжены самолетами и работают в районах, богатых полезными ископаемыми. Мы не знаем никаких практических результатов их деятельности, но хорошо знакомы с их нетерпимостью, с их хозяйничаньем в своих владениях, доходящими до такой степени, что они не допускают к себе даже тех бразильских исследователей, которые уполномочены на проведение изыскательских работ Националь-

ным советом по научным исследованиям. Обычно эти миссии занимаются не чем иным, как разведкой и контрабандным вывозом наших минералов». (Журнал «Крузейро», 21 декабря 1968 года.)

Профессор Гама Малшер, всю жизнь работавший в Амазонии, хорошо представлял себе опасность, которую несут его стране чужеземцы. Увы, борьба с ними оказалась для него проигранной: вскоре после подготовки этого доклада начальство вынудило его подать в отставку.

Помимо протестантского «Крестового похода», в Рораиме имеется еще несколько католических миссий, главная из которых находится в Катримани (у слияния рек Катримани и Рио-Бранко).

Наконец, в столице Рораимы городе Боа-Виста основалась штаб-квартира миссии «Крылья помощи», которая имеет самолеты типа «Сезна» и почти открыто занимается вместе с «евангелистами» контрабандой в США добываемых нелегально минералов.

Из Рораимы отправимся по карте на юг: в штат Амазонас. Одной из наиболее известных здесь (а также в Мараньяо и Гоясе) является американская протестантская миссия под романтическим названием «Новые племена Бразилии» («Новас трибос до Бразил»): пост Ажурика на реке Домини и второй — Марауака, на реке Тотоби. Дело налажено здесь столь основательно, что «святые отцы» сочли целесообразным организовать массовую подготовку кадров, открыв в Пуракекуара, к югу от Манауса, специальный колледж. В 1968 году в нем обучалось 68 студентов из США, готовящихся к работе на постах «Новых племен».

**Газеты из Европы
для падре Пласидо**

Наиболее многочисленными являются, однако, миссии вышеупомянутых «салесианцев». Основной зоной их деятельности является бассейн реки Рио-

Негро, а опорными точками в этом громадном краю служат, как сообщила 30 июня 1968 года «Корейо да манья», восемь постов:

1. Пост Ярете — на левом берегу реки Уаупес, в том месте, где в нее впадает на самой границе с Колумбией речка Папури.

2. Пост Пари Кашозйра — на реке Тике, являющейся притоком реки Уаупес.

3. Пост Тарагуа — на левом берегу Уаупес.

4. Пост Сан Габриэль — на левом берегу Рио-Негро в районе Майорес Корредейрас.

5. Пост Иоана — на правом берегу реки того же названия, впадающей в Рио-Негро.

6. Пост Санта Изабел — на реке Рио-Негро в ее наиболее широкой части.

7. Пост Барселос — на той же реке, ниже по течению.

8. Пост Марауя — на реке того же названия, являющейся левым притоком Рио-Негро.

К востоку от Амазонаса лежит громадный штат Пара. Здесь собрался целый «коктейль» миссий. Во-первых, все тот же американский протестантский «Крестовый поход евангелистов», который имеет здесь пост Уаиуан на реке Кафуйене, впадающей в реку Тромбетас. Уаиуан находится на северо-западе штата неподалеку от границы с Гайаной. Восточнее расположились «владения» францисканцев, штаб-квартирой которых с 1960 года является район на левом берегу реки Пару до Оэсте, где обитает племя тириос. Эта территория недавно была объявлена заповедником и стала именоваться «Национальным Парком Тумукумаке».

Падре-францисканцы продемонстрировали довольно большую гибкость, вовлекая тириос в католическую веру: целых два года они жили рядом с индейцами, приглядываясь к ним, завоевывая симпатии подарками и

«кротостью». Потом исподволь начали «просвещение» тирнос. Дело было поставлено ими на солидную ногу: пад-ре не только освоили язык племени, но даже сумели перевести на этот язык основные католические мессы! Спустя еще четыре года онц добились того, что почти все индейцы начали дважды в сутки посещать церквушку, воздвигнутую неподалеку от индейской деревни, и подтягивать вслед за святыми отцами их загадочные песнопения.

Миссия в Тумукумаке является юным филиалом другой францисканской миссии, которая намного старше: она была открыта в 1916 году на самом юге штата Пара в бассейне реки Куруру на склонах горной гряды Кашимбо, где обитают племена мундруку. Святые отцы за минувшие полвека обосновались здесь еще основательнее: три громадных барака, в которых размещается миссия, имеют электрическое освещение от двух небольших гидротурбин, установленных в прорытом руками мундруку канале. Здесь имеется даже электрическая мельница, перемалывающая размельченные корни маниоки.

Маленькое племя шикринс, обитающее на юге штата в районе поселка Сан-Феликс на Шингу, находится на «попечении» доминиканского монаха по имени Карон, который снабжает индейцев оружием в обмен на добываемые ими шкурки лесного кота, сводящие с ума европейских модниц. Сбывая этот мех в Европу, святой отец, очевидно, зарабатывает бешеные деньги.

**Браки заключаются
на небесах, а
земли покупаются
в Мату-Гроссу**

С Амазонасом и Пара граничит на юге один из крупнейших и богатейших бразильских штатов — Мату-Гроссу, что в переводе на русский означает «Дремучий лес». Дремучие леса, правда, сосредоточены лишь в се-

верной половине штата, а его центр и юг представляют собой лесостепную и степную зоны, пересеченные многочисленными горными хребтами и долинами рек. К этому штату, сосредоточившему в своих границах наиболее полную и богатую коллекцию южноамериканской фауны и флоры, издавна было приковано внимание бразильских и иноземных обладателей тугих кошельков. Кого только не встретишь в списках землевладельцев, поделивших между собой необъятные пространства Мату-Гроссу! Сюда добрался даже «его величество» монахский князь Ренье, отхвативший здесь поместье, превышающее в 12 раз территорию его собственного княжества!

Естественно, и тут дело не обходится без «святых отцов»: в Мату-Гроссу подвизаются и салесианцы, и иезуиты, и протестанты, и пресвитериане, и прочие «просветители», многие из которых вообще неизвестны бразильским властям.

Салесианская миссия имеет два поста: один из них, существующий с 1958 года, — Сан-Маркос находится в 160 километрах от Арагарсаса в долине реки Арагуая. Руководит им падре Жоао Панциера. По словам корреспондента газеты «Корейо да манья» Фуада Атала (см. номер от 8 декабря 1968 года), около семисот индейцев племени шавантес живут в Сан-Маркосе в режиме «белого рабства». Они работают на принадлежащей миссионерам плантации, лесопилке и других подсобных работах.

Справедливости ради следует признать, что в этой миссии салесианцы сумели неплохо наладить медицинскую помощь индейцам, вследствие чего уровень смертности этого племени значительно ниже, чем в племенах, облагодетельствованных другими миссиями. Салесианцы в Сан-Маркосе проявляют столь же пылкое рвение, что и францисканцы, действующие в парке Тумукумаке; бла-

годаря этому шавантес, подобно тириос, имеют возможность исполнять молитвенные песнопения на родном языке. Каждое утро они под руководством падре ровно в шесть часов отправляются на мессу, что, впрочем, является лишь первым шагом на тернистом пути служения господу. Настойчивые падре заставляют их молиться на каждом шагу: перед началом любой работы, отправляясь на охоту или рыбную ловлю, возвращаясь домой, приступая к еде или завершая ее.

Второй пост салесианцев — Меруре, существующий уже свыше 60 лет, находится на правом берегу реки Арагуая в районе обитания племени бороро. 300 индейцев, находящихся в «сфере влияния» поста Меруре, представляют собой жалкое зрелище. «Они находятся в состоянии деградации, — писал посетивший их журналист Фуад Атала, — и последние шестьдесят пять лет, прошедших со времени основания колонии, стали для этого некогда могущественного и счастливого народа периодом вырождения... Они перестали быть индейцами, но так и не стали белыми».

Быть может, самый страшный ущерб, нанесенный «святыми отцами» этому племени, заключается в том, что, внедряя новую «культуру», новые культы, обычаи, традиции и обряды, салесианцы породили все более углубляющийся конфликт между стариками и молодежью племени. Юноши и девушки издеваются над своими родителями, когда они пытаются исполнять старинные танцы и обряды племени. Ведь падре, рассматривая это как нечто достойное осуждения, запрещают исполнять танцы в деревне! И покорные старики, понутив голову, отправляются в лес, сопровождаемые насмешками и криками молодых. Женщины этого племени, затравленные наставлениями падре о том, что «нагота — это грех», вообще перестали снимать полученные от благодетелей платья. Они спят и даже купаются в них, ожидая

затем терпеливо, пока высохнет прямо на теле заскорузлая от пота и грязи ткань.

«Букет» религий, расцветающих в штате Мату-Гроссу, дополняют: адвентистская миссия в Кампо-Гранде, уже упомянутые «Новас трибос», засевшие в племенах каража и шавантес, иезуиты, создавшие миссию Аншиета в Утиарити на реке Папагайо, протестанты «Зюд Америкэн Индиан инкорпорэйшн». Эти, последние, дошли до того, что стали запрещать шавантес и ньямбикуарос заключать браки без венчания в церкви и попытались запретить вести супружескую жизнь нескольким молодым парам, пренебрегшим их указаниям и не понимающим, что браки заключаются на небесах с помощью наместников бога на земле. Представитель Национального фонда индейцев Элио Букер попытался отстранить миссионеров, запретив им работать с индейцами. Спустя несколько недель из столицы пришло новое решение: в отставку увольнялся сам Букер — бразильский ученый, посвятивший индейцам 23 года своей жизни. А миссия получила разрешение продолжать свою «воспитательскую» деятельность.

«Индейцы могут и подождать»

Некоторые миссионеры не только преподают индейцам катехизис, но и обучают их английскому языку. Благодаря усилиям этих просветителей неоднократно случалось так, что научные экспедиции бразильских «первопроходцев» «открывали» индейские племена, встречавшие их дружными приветствиями «хау-ду-ю-ду!».

Большой скандал вызвали в 1967—1968 годах разоблачения «медицинской» деятельности американских пресвитерианских миссий: оказалось, что с конца 1965 года они в широких масштабах осуществляли эксперименты среди индейских женщин в штатах Пара,

Мараньяо и Амазонас, заставляя их пользоваться лекарствами весьма сомнительной безвредности. На применение этих лекарств в самих США разрешения не было, и женщины Амазонии, как оказалось, были подопытными кроликами!

Кипучая деятельность миссионеров дошла до того, что им стало в Амазонии «тесно». И руководство Национального фонда индейцев, предоставившее церковникам полную свободу деятельности, вынуждено было прилагать усилия для того, чтобы избежать «двойной обработки» одних и тех же племен разными миссиями, разными религиями!

Покажется невероятным, но это факт, признанный в интервью журналу «Крузейро» в начале 1970 года бывшим президентом ФУНАИ (Национального фонда индейцев) Кейросом Кампосом. Президент рассказал, в частности, что в Мату-Гроссу столкнулись «сферы влияния» протестантов и иезуитов. Некоторые племена, получившие католическое «воспитание», попали затем в руки протестантов. Можно представить себе, что творилось в головах этих несчастных существ. Некогда дружественные племена начинали конфликтовать из-за разного понимания новых религиозных догм, обычаев и ритуалов, насаждаемых миссионерами. Шавантес из миссии Сан-Маркос пожаловались чиновникам ФУНАИ на индейцев миссии Батови, которые, будучи обработаны своими падре, начали убеждать шавантес в том, что «длинные волосы — это грех», а исполнение ритуальных танцев приведет их «в ад».

Майор Жоао Франчи, работавший долгое время чиновником Службы покровительства индейцам в штате Мату-Гроссу, в интервью газете «Жорнал до Бразил» сказал: «Необходимо запретить деятельность миссий, ибо в противном случае туземцы, громадное число которых уже погибло от болезней, занесенных белыми в сель-

ву, окончательно исчезнут вследствие уничтожения их культуры» («Жорнал до Бразил», 24 мая 1969 года).

В 1968 году была создана парламентская комиссия для расследования положения индейских племен. Представители этой комиссии объездили всю Амазонию, забираясь в самые отдаленные ее уголки, и представили громадный фактический материал, который... был сдан в архив, ибо через двадцать месяцев после начала работы, не успев прийти ни к какому практическому выводу и не сформулировав никаких конкретных предложений по улучшению положения индейского населения страны, комиссия была распущена. Дело в том, что вступившая в то время в действие новая конституция страны разрешала конгрессу одновременно открывать не более пяти «комиссий по расследованию». А к тому моменту действовалось восемь таких комиссий: пришлось сокращать три. Естественно, что выбор пал прежде всего на комиссию по индейским проблемам: туземцы ожидают решения своих проблем почти пятьсот лет и, без сомнения, могут подождать еще немного.

Министр юстиции сеньор Гама-э-Силва заявил, что существует тесная взаимосвязь между сообщениями о надругательствах над индейцами и покупками иностранцами громадных территорий во внутренних районах страны. Министр заявил, что следственная комиссия, изучающая продажу земель иностранцам, уже выяснила, что в их собственности находится 1,9 процента национальной территории.

«Жорнал до Бразил», 10 мая 1968 года

**С четками и счет-
чиками Гейгера**

Глубоко заблуждаются те, кто полагает, что американские, итальянские, немецкие и иже с ними «служители господа» меняют насиженный уют сво-

их электрифицированных обителей в Вашингтоне, Мюнхене или Неаполе на кошмар амазонской сельвы только ради стремления сеять разумное, доброе, вечное. О том, что просветителями руководят не только возвышенные идеалы добра, справедливости и человеколюбия, откровенно говорят многие бразильцы, имеющие отношение к индейской проблеме. Среди них — генерал Жозе Луис Гедес, возглавлявший Службу покровительства индейцам с 1957 по 1961 год.

Генерал Гедес говорит о том, что громадное большинство экспедиций и миссий, именующихся религиозными, имеют в своем составе специалистов совсем другого рода, в частности, геологов, химиков, физиков, снабженных специальной аппаратурой для проведения исследовательских работ в Амазонии, в первую очередь для поисков полезных ископаемых, в том числе радиоактивных руд. В дни, когда генерал делал это заявление корреспонденту газеты «Ултимора», страну охватило волнение в связи с вскрывшимися фактами массовых закупок американцами земель в районах Амазонии. В печать просочились имена наиболее ревностных негоциантов, отхвативших особенно жирные куски: Стэнли Амоса Селига, Генри Фуллера, Джона Дрю Роллана, Эвелина Хофмана и других. Спустя некоторое время дотошные бразильские репортеры выяснили, что к этим энтузиастам-одиночкам стали присоединяться крупные американские фирмы. Одна из них — «Эмпреса Акрес индустриал корпорэйшн», находящаяся в Питсбурге, — придала делу весьма широкий размах. Скупая за бесценок громадные территории Гойаса, фирма перепродавала их своим соотечественникам по цене, которую никак не назовешь филантропической. В США публиковались рекламные объявления этой компании, гласившие: «Научное использование приобретенных Вами с нашей помощью земель даст Вам до 40 процентов годовых.

Вы нигде не найдете более выгодного вложения капитала: ни в нефтяном Кувейте, ни в Конго».

Столь активная приобретательская деятельность янки вызвала большое беспокойство бразильской общественности еще потому, что новые владельцы начали сгонять с земель их исконных хозяев: бедняков, пытавшихся прокормиться жалкими урожаями с каменистых, обезвоженных почв северо-востока, и индейские племена, обитающие в сельве. 187 жителей муниципалитета Пиака в штате Гойас написали президенту республики письмо с просьбой оградить их от вторжения чужестранцев.

Мистер Селиг торгует Бразилией за наличные и в кредит

Тогда же изумленные бразильцы обнаружили, что самым крупным латифундистом (землевладельцем) в их стране является некий Стэнли Амос Селиг из штата Индиана, захвативший в штате Гойас территории, равные площади государства Ливан! Выяснилось также, что мистер Селиг приобрел свои поместья при весьма темных обстоятельствах: чтобы избежать уплаты налогов, он значительно занижал в документах истинную стоимость купленных участков. Чиновники бразильского Института аграрной реформы, подробно изучившие махинации предприимчивого янки, были потрясены, обнаружив, что делец утаил таким образом от уплаты бразильской казне фантастическую сумму: 220 миллионов крузейро!

«Посторонним вход воспрещен»

Не менее скандальную славу заработал соотечественник Селига — некий Генри Фуллер, обосновавшийся в городке Каролина на границе штатов Мараньяо и Мату-Гроссу. На основе поддельных купчих, которые стряпали для него десятки продажных провинциальных чиновников, он «купил» в этих двух штатах

несколько больших поместий. Дельцы составляли для американца липовые акты о том, что тот или иной участок был якобы куплен у предков нынешних бразильских землевладельцев, после чего Фуллер на «законных основаниях» сгонял бразильцев со «своей» земли. Тех, кто пытался сопротивляться, ожидала незавидная участь: нанятые Фуллером бандиты уничтожали посеы и сжигали лачуги крестьян. Только в окрестностях Каролины жертвами Фуллера стали, как писала газета «Корейо да манья», около 400 мелких землевладельцев. Фуллеру активно помогал его сын — голубоглазый Джимми. Однажды он собрал на фазенде несколько десятков крестьян и, спойив их, заставил подписать фальшивые купчие. Сопротивлявшийся наглому грабежу Жозе Гедес был заперт в уборной и подвергнут варварским пыткам. Он провел в заточении пять дней и на шестой день сумел сбежать. В отместку его дом был сожжен, так же как хибара его восьмидесятилетнего отца Луиса Гедеса.

В конце концов неторопливая бразильская Фемида решила вмешаться: Фуллер был посажен за решетку. Впрочем, не прошло и года, как уголовная палата трибунала юстиции штата Гойас приняла решение об освобождении американца. Спустя несколько дней он удрал в Уругвай.

Селиг и Фуллер были лишь двумя солдатами неисчислимой армии колонизаторов, хлынувших в Амазонию в 60-х годах нашего века. Опубликованный 1 сентября 1968 года доклад парламентской комиссии по расследованию закупок земель в Амазонии иностранцами сообщил изумленным бразильцам, что общая площадь «купленных» чужаками в этом краю поместий составила, по предварительным данным, 20 миллионов гектаров! Не будем перечислять монополии, фирмы, компании и «анонимные общества», ухватившие жирные куски заветного пирога. Укажем только, что видное место в этом

списке занимали религиозные миссии, несущие безответным индейцам Амазонии «свет и тепло цивилизации»: «Крылья помощи», «Вест-Миньон», «Евангелическая менонитская миссия» и многие другие. Корреспондент газеты «Ултима ора» Пинеиро Жуниор, совершил поездку на север штата Гойас и без особого труда обнаружил там десятки аэродромов, радиостанций, складов горючего, принадлежавших «служителям господу». Как и пресвитерианская «Вест-Миньон», обосновавшаяся в Арагоянии, миссия Элмера занимается благотворительной деятельностью. Ее самолеты привозят лекарства и... религию. Что они увозят, это могут выяснить только компетентные органы, которые расследуют эту «белую оккупацию».

В своем репортаже Пинеиро Жуниор сообщил: «В Гойании все знают о существовании «мини-аэродрома», находящегося в районе Арагоянии. Знают и о том, что этот аэродром используется не только миссией «Вест-Миньон», но и сотрудниками «Корпуса мира», работающими в Центральной Бразилии».

Газета «Жорнал до Бразил» опубликовала сообщение о том, что в Центральной Бразилии, в районе Кармополиса, где бразильские геологи обнаружили нефть, появился американский лагерь, оснащенный новейшим поисковым оборудованием. Вокруг него расхаживала вооруженная охрана, а на бараке, где разместились самозванные геологи, была вывешена табличка: «Посторонним лицам вход воспрещается». Под «посторонними лицами» подразумевались в данном случае бразильцы.

Еще более поразительный случай поведал пилот одного из бразильских самолетов. Пролетая в районе города Токантинополиса, он попал в аварийную ситуацию. Теряя высоту с поврежденным мотором, летчик, к счастью, обнаружил вдруг неизвестную ему просеку в сельве. Поблагодарив судьбу за этот неожиданный подарок, он

стал заходить на посадку и... увидел вдруг, что на полосе показались вооруженные люди. Они показывали ему знаками, чтобы он убирался прочь. И что, если он не послушается приказа, они откроют огонь по самолету. Это был, как выяснилось впоследствии, один из принадлежащих американцам подпольных аэродромов. И летчик вынужден был лететь дальше — бразильский летчик на бразильском самолете, подыскивающий посадочную площадку в этих местах, где стало так трудно найти клочок бразильской земли.

...Обо всем этом мы вспоминали и спорили, возвращаясь на маленьком «баркрайфте» из Диауарума на пост Леонардо. И когда под крылом показалась мачта рации и серая крыша «конторы», Галон подвел итог дискуссии, повторив фразу, с которой она началась: «Мы не можем сидеть сложа руки, пока индейцы скачут по залежам урана и золотым россыпям...»

Эта мысль, пожалуй, наиболее точно и четко выражает философию большинства бразильских предпринимателей, считающих, что с точки зрения Высших, Святых, Первостепенных и Самых Неотложных Интересов Великой Бразильской Нации, будущее которой зависит от освоения Амазонии, судьба обитающих в этом краю индейцев является проблемой по меньшей мере второстепенной. Если вообще является проблемой.

ТРУДНЫЕ БУДНИ ПОСТА ЛЕОНАРДО

КОГДА В ВОЗДУХЕ СВИСТЯТ СТРЕЛЫ

Высадив нас с Галонем на посту Леонардо, Арналдо, не заглушая мотора, махнул рукой, крикнул: «До встречи в Сан-Пауло!» — и улетел, взяв курс на юг, на Шавантину, где он надеялся заправиться бензином, чтобы добраться до Гойании. А мы отправляемся в лагерь, где застаем Орlando, охваченного бурной деятельностью: он готовит экипаж «Арки» к отплытию. Громадная лодка, уже оснащенная двумя подвесными моторами, нагруженная провизией, ружьями, одеялами, бочками с бензином, застыла, словно приклеенная к зеркальной глади Туатуари. Орlando кричит, командуя, что взять, что оставить, ругается, грозит кому-то, размахивает руками, потом неожиданно начинает смеяться, поддавая ногой под блестящий голый зад какому-нибудь медлительному кайапо или камаюра. Удостоенный такой чести лодырь весело гогочет, горделиво глядя на своих соплеменников.

Услышав щелканье моего фотоаппарата, Орlando оборачивается и предлагает:

— Если не очень устал, то советую съездить с Мейрованом. Он сейчас повезет обед на плантацию.

Я хватаю второй аппарат, заряженный цветной пленкой, и бегу к «джипу», в котором стоит громадный бак с «рис-фасолью», бдительно охраняемый Бенедито Селестино, щупленьким небритым человечком, исполняющим здесь, на Посту, обязанности, как он сказал, скромно потупив глаза, «главного строителя». Повар Сабино приносит ведро воды, Мейрован ставит его рядом с баком и трогается в путь.

Мы выезжаем с территории Поста и направляемся по

тропе вдоль реки. Едем лесом, потом пересекаем иссушенную солнцем поляну с громадными муравьиными башнями, снова углубляемся в темную жаркую чащу. «Джин» ныряет по буеракам. На каждом шагу приходится пригибаться, уклоняясь от веток и лиан.

— Нравится вам здесь? — спрашивает Бенедито.

— Да, конечно.

— А как вам показался Орландо?

— Один из самых интересных людей, которых я когда-либо встречал.

— Великий человек, — убежденно говорит Бенедито, покачивая головой в знак согласия с самим собой. — Именно великий. Если бы у нас, в Бразилии, таких, как он, было побольше, тогда бы мы...

Он снова кивает головой и многозначительно морщит лоб.

— Вот вы видели Кокоти, который за ним бегаёт, как собачка?

— Да.

— Этого Кокоти он от смерти спас: родители видели, что сын помирает, принесли к Орландо, и он три месяца выхаживал его, кормил с ложки, спать клал на свою постель. И Кокоти выжил. Видали, какой стал резвый мальчишка? А Клаудио вы знаете?

— Да, сегодня утром мы вернулись из Диауарума.

— Так Клаудио — тот вообще святой.

— Как это?

— А вот так: святой. Тоже великий человек, но совсем другой. Орландо — шумный, веселый, да? А тот, наоборот, тихий такой, книжки читает. Знаете, сколько у него книжек?

— Видел.

— То-то! Другому столько и за три жизни не прочитать. — Бенедито доверительно наклоняется ко мне и

переходит на полусшепот. — ...Мне даже кажется, что он немножко... того, а? Как вы считаете?

— В каком смысле «того»?

— Слишком много начитался, понимаете? Это же вредно: столько читать, да? Потому он такой грустный всегда. И тихий, да?

— Да нет, я ничего такого не обнаружил.

— Вы думаете? Ну, может быть... Не знаю. А то я иногда гляжу на него, когда он к нам приезжает, и думаю: отчего же это он такой грустный, да?

— А сами вы давно здесь?

— Здесь, на Посту, пять лет, а вообще в сельве — двадцать два.

— Ого! — уважительно удивляюсь я. — И не надоело?

— А почему должно надоест? Жизнь здесь нормальная. Работы хватает. Я, вы знаете, работу люблю, строить люблю. Где только я не строил: и в Шавантине, и в Кашимбо, и в Арагарсасе, и в Жакареаканге. Тут вокруг, в сельве, все моими руками построено, да? Не вспомнить всего, что строил!

— А как вы попали в сельву?

— А куда мне было деваться: мы же из кабокло, бедняки. Отец мой в штате Сеара пытался как-то устроиться. Но разве можно без земли прожить, да? Знаете ведь, как у нас: хорошие земли все заняты, а соленые, сухие — разве на них проживешь? Вот я и решил податься сюда, в сельву. И дочку с собой взял. Марию, знаете ее, да? Она вместе с Мариной работает медсестрой.

— Здесь, стало быть, лучше, чем в Сеаре?

— Конечно! Тут работа всегда есть, и платят за нее так, что на «рис-фасоль» хватает.

— А что делать-то приходится?

— Да все что угодно. Почти весь Пост моими руками выстроен. Мало — выстроен! Постоянно переделывать что-нибудь приходится, чинить. Как ливень с ураганом

пройдет, так, глядишь, там крышу снесло, там дверь выбило, там еще что-то случилось. Опять же Орlando — знаете, какой он беспокойный? То ему надо переделать, это надо перестроить, да? Отдыхать некогда, да я и не жалуюсь, я работу люблю. Жалко только, не все у меня получается, что нужно для Орlando: я ведь все на глаз делаю, без расчета, без чертежа. Неграмотный я. Ежели бы мне научиться немного, я бы тогда...

Он умолкает, глядя в плотную спину Мейрована. «Джип», все так же переваливаясь с боку на бок, неторопливо бежит вперед. Мейрован тоже молчит за рулем. То ли прислушивается к рокоту мотора, то ли думает о чем-то своем.

— А индейцы слушают вас? — спрашиваю я.

— Конечно, слушаются! Они же знают, что я друг Орlando! И вообще, почему им меня не слушаться? Я не строгий, никогда никого из них не обижал, да?

— А бывает, обижают?

— Конечно. Но это не здесь, не в Парке. У нас индейца никто пальцем не тронет. Да и зачем его трогать, индейца-то? Он ведь, индеец, как ребенок: с ним хорошо, и он к тебе хорошо. А ежели его обидишь, тогда...

— Что?

— Тогда все, пеняй на себя. Индеец обиду не забудет. Плохо, однако, то, что он свою обиду может выместить на любом другом белом. Для индейца все мы, белые, одинаковы. Ежели он обижен кем-то из нас, то отомстит первому же белому, который ему на глаза попадется. Поэтому лучше их не трогать, да? Когда с ним, с индейцем, живешь в мире, он лучше белого. Не предаст, не обманет никогда. Гостеприимный он с нами, с друзьями его: зайдешь к нему в малоку, всегда лепешку протянет, воды даст напиться, живи с ним сколько хочешь, не прогонит прочь. Куском не попрекнет, даже если у самого мало, даже если детишки его голодные ходят. А мы,

белые, разве такие, да? Завидуем друг другу, каждый ищет, где для себя найти что-то получше, где урвать побольше, да? Каждый думает только о себе, каждый сам за себя. А индеец? Индеец тоже сам за себя, но он и сам живет, и другим жить дает. В чужие дела не лезет, в чужое добро нос свой не сует. Каждая семья у них сама по себе. Каждый человек сам себе хозяин. Хорошо, да?

— Приехали, — прервал нашу беседу Мейрован. Я встрепенулся, как футболист, услышавший свисток судьи к началу матча. Мы выезжали на плантацию.

Тех, у кого слово «плантация» вызывает идиллические ассоциации с шишкинской «Рожью» или ровенькими грядками подмосковных огородов, зрелище, открывшееся моим глазам, повергло бы в смятение. Громадная неправильной формы поляна могла бы служить Бондарчуку отличной натурой для съемок финальных кадров битвы при Бородино. Из покрытой пеплом бугристой земли вздымались изуродованные огнем пни. Там и сям валялись гигантские обгорелые стволы деревьев. Торчали узловатые обуглившиеся корни. Эта апокалипсическая фантазмагория являла собой обычную картину обычной индейской плантации, которую отвоевывают у сельвы огнем и топором.

В дальнем от нас углу поляны трудились десятка три чикао. Одни были в брюках, другие в трусах, большинство в чем мать родила. Их бронзовые, влажные от пота тела, казалось, дымились от солнечного жара. Был полдень, солнце стояло почти отвесно над головой, заливая землю нестерпимым зноем. Белый человек не вынес бы и двадцати минут работы под таким солнцем, а эти дети сельвы с раннего утра вскапывали землю, выкорчевывали пни, перетаскивали поваленные полусгоревшие деревья — то есть делали самую трудную работу, которую только можно себе представить, — без видимых признаков усталости.

Появление «джипа» с «рисом-фасолью» вызвало у них взрыв энтузиазма. Мотыги полетели в сторону, и землекопы с приветственными криками кинулись нам на встречу.

— Теперь, пока все не съедят, не успокоятся, — сказал Бенедито, доставая из мешка груды мисок. Еще через минуту вся эта артель вдохновенно жевала, сопела, урчала под благодушным, отеческим взглядом Бенедито, который величественно восседал на заднем сиденье «джипа». Глядя на эту мирную трапезу, невозможно было поверить, что каких-то три года назад эти люди едва не превратили Шингу в арену кровопролитной войны, первыми жертвами которой чуть не пали Орlando и Клаудио.

Чикао появились в Шингу сравнительно недавно, несколько лет назад. Один за другим на пост Леонардо стали прибывать гонцы из разных деревень с просьбой о помощи: чикао нападали всегда неожиданно, сжигали малоки, уводили женщин. Сначала от них пострадали наукуа, потом ваура, трумаи, мейнауку. Некоторые вожди племен предложили создать военный союз против чикао. По берегам Шингу, Кулуэни и Туатуари воинственно зарокотали барабаны, заныли флейты, призывая к отмщению и войне. Мир, почти четверть века создаваемый здесь Орlando и Клаудио, оказался под угрозой. Нужно было немедленно умирять чикао, ибо со дня на день весь этот район мог превратиться в поле битвы, похоронив все то, что было построено братьями.

Срочно собрав припасы, набив мешки подарками и лекарствами, Орlando и Клаудио выступили в путь с восемью индейцами, каждый из которых говорил на четырех языках. Они отправились на юг, к реке Батови, где, по слухам, находилась деревня чикао.

На восьмой день пути экспедиция обнаружила брошенную хижину с признаками того, что недавно в ней

жили индейцы. На десятый день Клаудио с лодки увидел потерянную на берегу стрелу. Еще через день они заметили тропу, уходящую от берега реки в глубь леса. Причалив лодку, они высадились и решили углубиться по этой тропе в сельву, зная, что деревня должна быть поблизости от реки. Пошли осторожно, прислушиваясь, останавливаясь через каждые несколько метров. И вскоре увидели сквозь заросли небольшую поляну, где высились малоки. Это и были чикао.

Клаудио и Орландо осторожно приблизились к самому краю поляны. Индейцы не замечали их присутствия, занятые своими делами. Кто-то чистил рыбу, кто-то жевал «бижу», кто-то стругал палку для боевой дубинки «бордуны»*, кто-то привязывал оперение к стреле.

Клаудио решил рискнуть. Он взял в руки подарки: яркие бусы, ножи, кастрюли, поднял их высоко над головой и шагнул из-за деревьев, выйдя лицом к лицу с чикао. Несколько мгновений длилось оцепенение. Появление белого вызвало у индейцев шок. А затем...

Когда Клаудио на обратном пути из деревни суяа в Диауарум рассказывал мне вчера об этом эпизоде, все выглядело у него как-то буднично: «Они закричали и кинулись ко мне. Пришлось отступить. К счастью, совсем рядом было толстое дерево. Я бросился за его ствол, и в этот момент над моей головой просвистели стрелы. Индейцы бежали к нам с громкими криками...»

Можно представить себе эту ситуацию! «Громкие крики», стрелы, вонзившиеся в дерево в сантиметре от твоего тела, и топот босых ног, приближающийся с каждой секундой. Двадцать метров, пятнадцать, десять... «Мы вынуждены были выстрелить в воздух, когда они были совсем близко. Выстрелы напугали индейцев, они бросились врассыпную и исчезли в лесу. И тогда мы

---

* «Бордуна» — деревянная боевая дубинка.

оставили им подарки и отправились в обратный путь: было ясно, что в этот раз сближения не получилось».

Через год они вернулись снова, потому что на берегах Батови появились охотники и гаримпейрос — «самодельные» разведчики минералов и драгоценных камней. Их столкновение с чикао казалось неизбежным, нужно было срочно принимать меры.

Чтобы подготовить чикао к своему новому визиту, Орландо предпринял любопытный шаг: он несколько раз пролетал на «теко-теко» над их деревней и сбрасывал вместе с подарками фотографии, где он был изображен в обнимку с другими индейцами. Чикао отвечали градом стрел. Они явно не горели желанием встретиться с Орландо, однако ждать было нельзя.

Воздушная разведка обнаружила в районе реки Жатоба, километрах в четырех от деревни чикао, небольшую поляну, где можно было попытаться посадить самолет. При ближайшем рассмотрении она оказалась высохшим озером. Не было уверенности, что мягкий грунт выдержит самолет. Пилот сначала сделал пробный пробег, следя, не погружаются ли колеса в зыбкий грунт, и тут же снова взлетел. Грунт, казалось, должен выдержать вес «теко-теко». И со второго захода самолет пошел на посадку. Индейцев поблизости не было видно. Но когда самолет остановился, Орландо заметил крадущиеся в кустах вокруг поляны темные фигуры: выкрашенные в черную краску чикао готовились к атаке.

Что делать: улетать или рискнуть? Решили рискнуть. Пилот на всякий случай не выключал двигатель.

На землю спустились Орландо, Клаудио и Пиуни — «премьер-министр» поста Леонардо. Осмотрелись, отошли немного. А потом вдруг все трое неожиданно побежали прямо на чикао, остолбеневших от испуга! Побежали, крича и жестикулируя. Индейцы после первой ми-

нуты оцепенения бросились врассыпную. Но не убежали далеко. Остановились.

Орландо, Клаудио и Пиуни подбежали к ним. Тогда чикао окружили этих троих чужаков. Надвинулись угрожающе на них... К их ногам «караибы» бросили подарки. Но это не произвело на индейцев никакого впечатления. Чикао были охвачены гневом, но скованы страхом. И кто знает, чем бы это все кончилось, если бы не эпизод, о котором Орландо впоследствии узнал от вождя чикао Фавуро: один из воинов решил убить Орландо ударом дубинки по голове. Он замахнулся, поднял дубинку над головой, но «карамба» не обратил на это никакого внимания. Чикао еще ближе подступил, снова замахнулся, но «противник» не повел и бровью. Чикао не знал, что Орландо просто-напросто не заметил угрозы. Чикао решил, что «карамба» бессмертен. И его бесстрашие объясняется его непобедимостью. Он еще раз попытался поднять дубинку над головой Орландо: прицеливаясь в затылок, он занес ее... и снова «карамба» остался равнодушен! Потому что Орландо и на сей раз не заметил угрозы! И тогда чикао покорно опустил дубинку. А его соплеменники, следившие за этой сценой, были поражены. Они сникли. Крики стали стихать. Кто-то первым поднял один из брошенных к их ногам подарков. Потом другой...

А спустя несколько минут было невозможно пробраться к самолету, и пилот не знал, как ему взлететь, потому что всю поляну запрудили чикао, требовавшие подарков!

Так был установлен первый контакт с чикао. А спустя некоторое время, как и предвидели братья, вспыхнула война этого племени с гаримпейрос. Это была, точнее говоря, не война, а избиение: чикао со своими луками и дубинками были беспомощны перед гаримпейрос, вооруженными винтовками и пистолетами.

Через несколько недель из 400 индейцев в живых осталось лишь несколько десятков. Нужно было немедленно вывозить уцелевших чикао на территорию Парка.

Сделать это было, впрочем, весьма сложно. Чикао не хотели покидать свою деревню. Несколько месяцев потратили Орlando и Клаудио на убеждение Фавуро и его соплеменников! Наконец им удалось убедить индейцев, что, если они не переедут отсюда, гаримпейрос истребят их всех до одного. 8 июля 1967 года чикао начали грузиться на громадную армейскую баржу, которую Орlando выпросил у властей. Разноголосый, крикливый табор плыл несколько недель, спускаясь по рекам Жатоба и Ронуро, затем поднимался вверх по Кулуэни и Туа-туари.

В знак примирения все племена, жившие вокруг поста Леонардо, готовили чикао торжественную встречу. Пришли на берег вожди племен, пришли «паже» — колдуны, собрались десятки семейств, празднично раскрашенных, приветственно размахивая руками, крича и прыгая. И тут случилось неожиданное: один из вождей калапало вдруг увидел среди чикао свою дочь, украденную у него несколько лет назад. Он кинулся к ней, схватил ее за руку, стал тянуть к себе. Женщина с ужасом смотрела на него, отбиваясь, цепляясь за своего мужа чикао, который с криками кинулся на обидчика. Еще мгновение, и битвы не избежать! Лишь ценой громадных усилий Орlando и Клаудио сумели предотвратить скандал, убедив горько рыдающего отца оставить свою дочь в покое.

Оставшиеся в живых из племени чикао представляли собой жалкое зрелище: скелеты, обтянутые кожей, качаясь из стороны в сторону, неровно ступая по земле, плелись к «конторе» Орlando. Их сопровождали любопытные взгляды индейцев-«старожилов». Вождь иолапити Канато предложил переселенцам пищу и несколько гамаков в своих малоках. Тут же раздался голос

вождя камаюра, обещающего чикао помощь, пищу и кров. За ним последовали остальные племена. В глазах гостей и хозяев еще не остыл страх. Ни те, ни другие не выпускали на всякий случай оружия из рук. Но стена отчуждения и ненависти дала трещину.

На этом, однако, мытарства чикао не кончились. Спустя несколько дней после прибытия на пост Леонардо их поразила эпидемия гриппа.

— Это было страшное зрелище, — рассказывала Марина. — Именно страшное! Я никогда ничего подобного не видела: ослабевшие от голода, измученные долгим путешествием, страдавшие от всевозможных инфекций, подхваченных у гаримпейрос в ходе недавних боев, чикао не имели силы, чтобы сопротивляться новой для них болезни. Они лежали тут, в «конторе», как трупы. Мы вынуждены были кормить и поить их с ложечки. А лекарства? Если не углядишь, они могли выпить из пузырька всю микстуру сразу. Или, наоборот, выплюнуть, если она оказывалась не такой сладкой, как им хотелось. Несколько дней здесь стояли крики, стоны... У большинства больных не было сил, чтобы выходить по естественным надобностям, и нам приходилось убирать за ними. Дети плакали, матери стонали: у них не было молока. Нашу пищу они не ели, и нужно было организовать для них выпечку «бжу». А разве одним «бжу» можно восстановить истощенный организм? Нет, этот кошмар даже не хочется вспоминать! Одно только утешение: никто из них не умер.

МАЛЕНЬКАЯ ДИСКУССИЯ О ВРАЧАХ И ТУРИСТАХ

Проведя на плантации чикао почти весь день, мы возвращаемся на пост Леонардо, когда уже начинает темнеть. Орландо, Галон, Нельсон и Гарсия сидят

в «конторе» вокруг маленького стола, потягивая кайперинью — водку из сахарного тростника с лимоном. Разговор витает в сферах искусства: Галон подробно пересказывает содержание телевизионной новеллы, которую он ставил в Сан-Пауло, накануне своего отпуска. Из транзистора струятся торжественные ритмы Пятой симфонии Бетховена.

Музыку внимательно слушает сидящее на полу у ног Орlando семейство камаюра: отец лет примерно сорока, в шерстяной жилетке, которая служит ему единственным одеянием, на коленях матери — малыш лет полтора-двух. Внимая интересной музыке, сопровождающей беседу «караибов», они время от времени взмахивают руками, ловя влетающих на свет лампы мотыльков. Поймав насекомое, отец деловито кидает его в рот, отрывая предварительно крылья, мать — матери везде одинаковы! — в первую очередь заботится о ребенке: она осторожно вталкивает ему это шевелящее лапками лакомство. Малыш отворачивается и настойчиво лезет к ее набухшей груди, из соска которой капает молоко. Мать недовольно ворчит и, раздвигая коричневыми пальцами розовые беззубые десна сына, вталкивает ему мотыльков.

— И ничего им не делается, — говорит Гарсия, глядя на эту чету, — знают, что можно есть, а чего — нельзя.

— Да, много здесь у вас всяких тварей, — откликается Нельсон, аккуратно придерживая граненый стаканчик своими тонкими розовыми пальцами.

— Много? — улыбается пилот. — Да вы еще и со-той доли того, что здесь имеется, не видели. Вон, видал? — Он кивает головой на пекизейру, что растет против входа в «контору». — Там, в ее кроне, живет пара вампиров: самец и самка. Они уже два раза ночью сосали у меня кровь.

Наши физиономии вытягиваются, Гарсия смеется и говорит:

— А это совсем не страшно. И не больно. Только утром замечаешь ранку. Но вообще-то вампиры любят сосать кровь у куриц. Вы заметили, что в курятнике у Арари ограда двойная? Знаете почему? Это сделано для того, чтобы вампир не мог сосать кровь у птицы через ограду. Вот это действительно страшно: курица идет к нему как загипнотизированная. И стоит, не шелохнувшись, пока он сосет. Три таких «сеанса», и курица подыхает от потери крови.

— Негодяй! — вскрикивает Нельсон, хлопая себя ладонью по лбу. Под ладонью сплюснулся в пятне крови громадный комар.

— То-то, — назидательно ухмыляется Гарсия. — А вон погляди на него, — кивает он головой на индейского папашу, жующего мотылька. — Они не боятся mosquitos. Знаешь почему? Видишь, какой густой слой краски покрывает его тело? Mosquito вязнет в этой глине, а до кожи не достает.

— В Манаусе в Институте исследования Амазонии я видел коллекцию насекомых, где одних mosquitos было видов триста примерно, — говорю я.

— Да, не меньше, — соглашается Гарсия. — Этой твари у нас хватает. Но mosquitos — это еще что! А вот муравьи! Это действительно проклятье Амазонии. Я один раз чуть не помер от укуса «огненного муравья». Страшная вещь: вся кожа воспалилась, покрылась волдырями. Этих гадов и индейцы боятся. — Он выпивает полстаканчика кайпериньи, крикает и вытирает губы тыльной стороной ладони.

— А еще есть «сака-сая» — «снимай-одежду». Знаете, почему его так зовут? Когда этот черный муравей переселяется зимой из-за наводнений, страшнее ничего быть не может. С его пути — а идет он сплошными потоками

по несколько метров шириной — уходит все живое: звери, птицы, люди. И если на его пути оказывается человек, то остается только одна надежда спастись: снять скорее всю одежду и замереть неподвижно, пока этот поток идет через тебя. Знаете почему? Если пошевелишься, закусаят насмерть.

— А змей? — спрашивает Галон.

— Ну змей — это не так страшно. Против них всегда существует какое-то средство. Марина сейчас имеет сыворотку, в случае укуса можно спастись. Если, конечно, будешь иметь ее с собой. Я знал одного охотника, его укусила сукури. У него не было сыворотки, и он выжигал укус головешкой.

— Спаса? — осведомляется Нельсон, уничтожая на своем лбу второго комара.

— Да. Только нога долго болела и осталась малость... того... парализованной. А тебя москиты что-то особенно любят?

— У меня голубая кровь, — ухмыляется Нельсон. — А вот им всем тут хоть бы что. Зато попробуй приучи индейцев к нашему бифштексу.

— А зачем? — спрашивает Орlando. Он уже выпил добрых полбутылки, лицо его покраснелось и распухло. — Зачем приучать-то? Пусть себе живут, как жили, пусть едят, что хотят. Надо оставить их в покое. Чем меньше мы, белые, будем совать свой нос в их дела, тем лучше!

— Но вы же не будете отрицать, что наша цивилизация может все-таки принести им какую-то пользу? — говорит Нельсон, постукивая пальцами по серым доскам стола.

— Буду! Буду отрицать!

— Ну а ваша работа? Вы и Клаудио разве ничего им не даете?

— Эх, молодой человек, — качает головой Орлан-

до. — Мы здесь не для того, чтобы дать индейцам достижения нашей цивилизации, а для того, чтобы уберечь их от нее. Мы стремимся не мешать им, мы хотим дать им возможность жить их собственной жизнью. Той жизнью, которой они жили тысячелетиями. — Он хватает бутылку, наливает в свой стакан кайперинью, берет его, но не выпивает, а продолжает торопливо говорить, размахивая стаканом и выплескивая кайперинью на стол. — Но мы, конечно, не остаемся пассивными. Мы стараемся облегчать их быт. Даем им кое-какие инструменты, орудия, посуду.

— Ага! — ухмыляется Нельсон. — Значит, вы все-таки что-то им даете от щедрот белой цивилизации?

— Мы? Да что мы им даем? Мы просто...

— Орlando! Идите кушать! — кричит Марина. Орlando одним глотком допивает кайперинью, швыряет на стол стакан, встает и лезет за очками, которых в футляре, разумеется, не оказывается.

— Кокоти! — кричит он так пронзительно, что Ракель, мирно дремавшая у его ног, испуганно шарахается в сторону.

— Кокоти! Где тебя черти носят?

— Я здесь, сеньор Орlando, — слышится голос Кокоти. Запыхавшийся мальчишка, видимо, только что искупавшийся в Туатуари, подымается по косогору, торопливо выжимая мокрые трусы.

— А ну шагом марш за очками! — кричит Орlando. — Опять, чертенок, засунул их куда-то?

Мы идем в домик Марины и рассаживаемся на своих привычных местах. И на сей раз меню не блещет изыском: кроме «риса-фасоли», на столе стоит тарелка с желтыми вареными плодами пеки. Черепах Кокоти сегодня не нашел, рыбу не ловили, консервы кончились месяца полтора назад. Нельсон с содроганием смотрит на бурую подливу из сушеного мяса. Орlando, наоборот,

полон энтузиазма. Он разглаживает бородку, потирает руки, наваливает себе на тарелку гору риса, заливает его соусом из фасоли, добавляет подливы и пускает в ход свои мощные челюсти. В молчании и сопении проходит минут пять, потом Орlando поворачивается к Нельсону и, размахивая вилкой, говорит:

— Мы здесь жалкие донкихоты! И это вам понятно не хуже, чем мне. Вся наша работа, вся наша программа приходит в резкое столкновение с экономическими интересами страны вообще и штата Мату-Гроссу, в частности. Кому нужна эта так называемая «индейская культура»? Кому вообще нужны эти индейцы? Что они дают стране? Что они дают штату? Правительству Мату-Гроссу куда выгоднее было бы иметь здесь, на том месте, где стоит деревня иолапити, стадо коров с двумя пастухами. По крайней мере, был бы какой-то доход! Молоко и мясо. А что дают индейцы? Ни черта не дают, только землю занимают. Землю! Землю, на которой можно сеять кукурузу. Землю, в толще которой можно найти нефть, золото или урановые руды.

Вы посмотрите туда! — Он вскакивает, роняя нож, и взмахивает рукой, показывая на видневшийся за окном правый берег Туатуари. — Все эти громадные пространства разжигают аппетиты сотен людей. Куда более могущественных, чем я и все мы, вместе взятые. Десятки богатейших семей Мату-Гроссу спят и видят эти территории, эти пастбища, эти реки. Уже давным-давно они заявили о своих претензиях и только выжидают удобного часа, чтобы попытаться отменить закон о неприкосновенности нашего Парка и вышвырнуть нас отсюда к дьяволу, к черту.

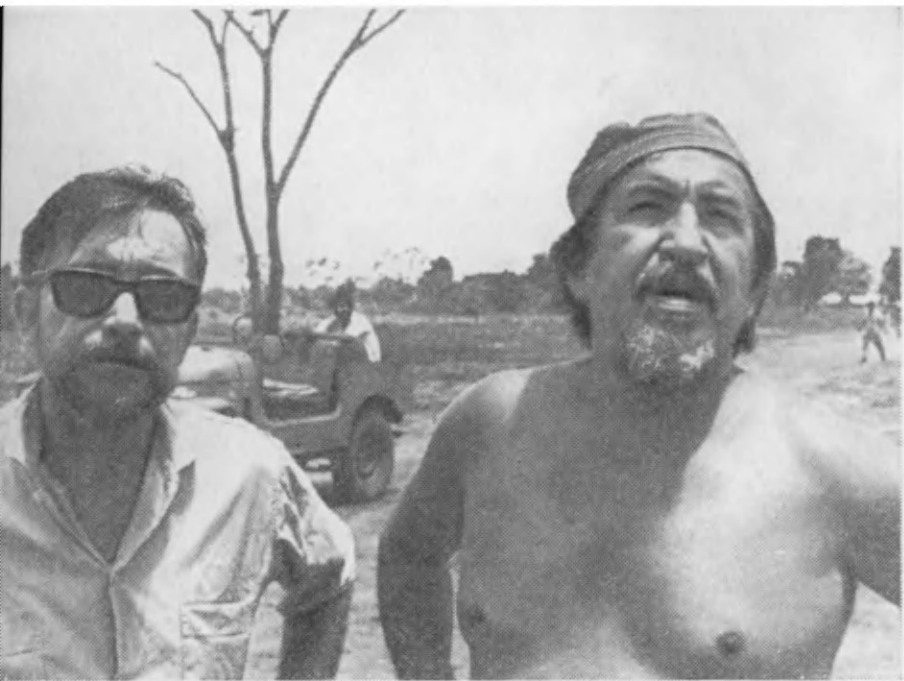
Дай бог, чтобы они где-то там, в пятом поколении, попытались бы начать осваивать эти земли! Однако они уже сейчас претендуют на них! Поэтому правительство штата, за спиной которого они стоят, игнорирует нас.

Самолет приземлился в Диауаруме.

Дочка повара Сабино.

Орландо (с п р а в а) и Клаудио Вилас-Боас.

Вождь иолапити Канато делает
флейту жакуи.

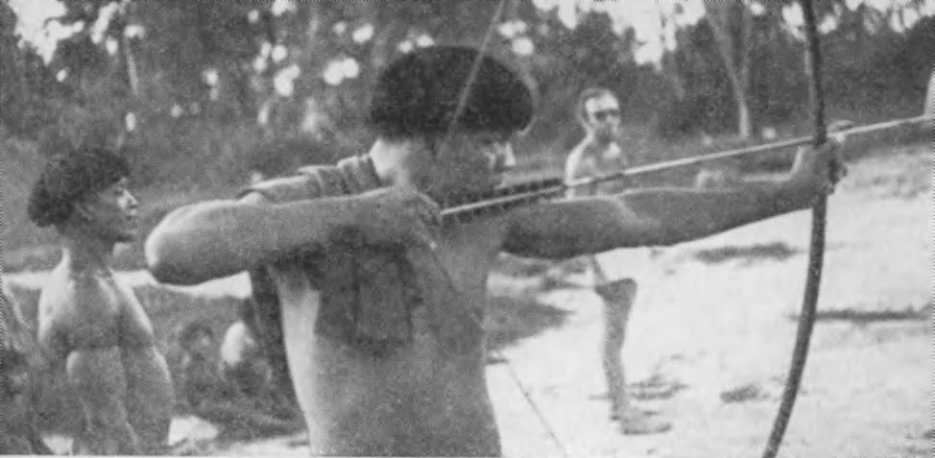

Молодые чикао на плантации.

Женщина камаюра занимается прядением.

Аритана, сын Канато.

На берегу реки Шингу (пост Диауарум).

▲ Диауарум. Автор книги
 беседует с Клаудио Ви-
 лас-Боасом и индейцем
 племени чукарамае.

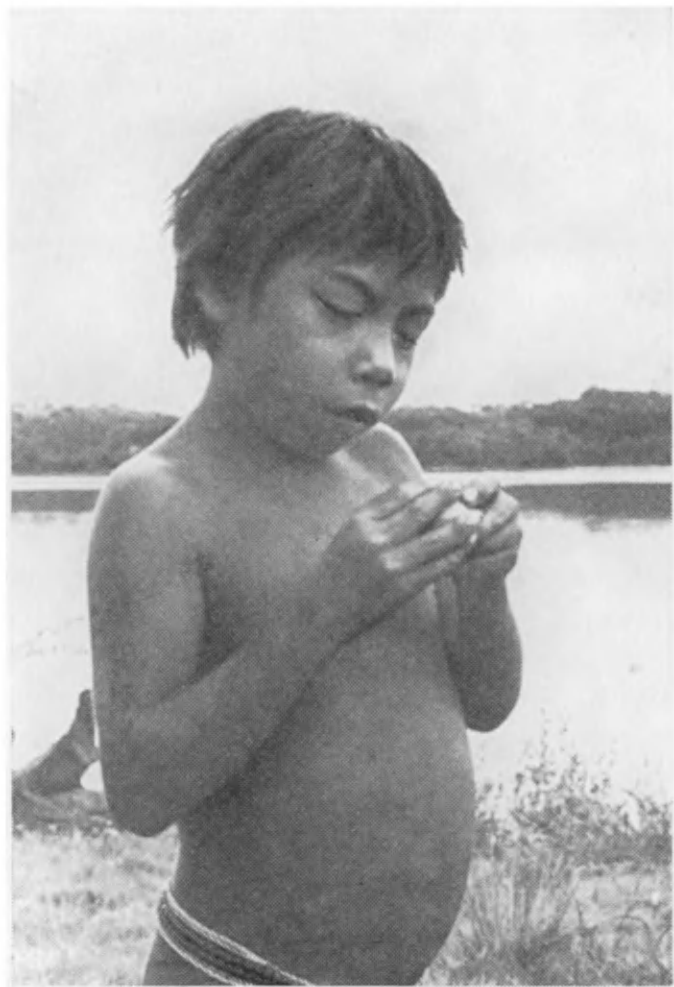
Молодой чукарамае у самолета.

«Карамело? Это очень вкусно!»

Галон с Нилой — дочкой Пиуни.

Макари и Карикари играют на авижаре (дерев-
ня камаюра).

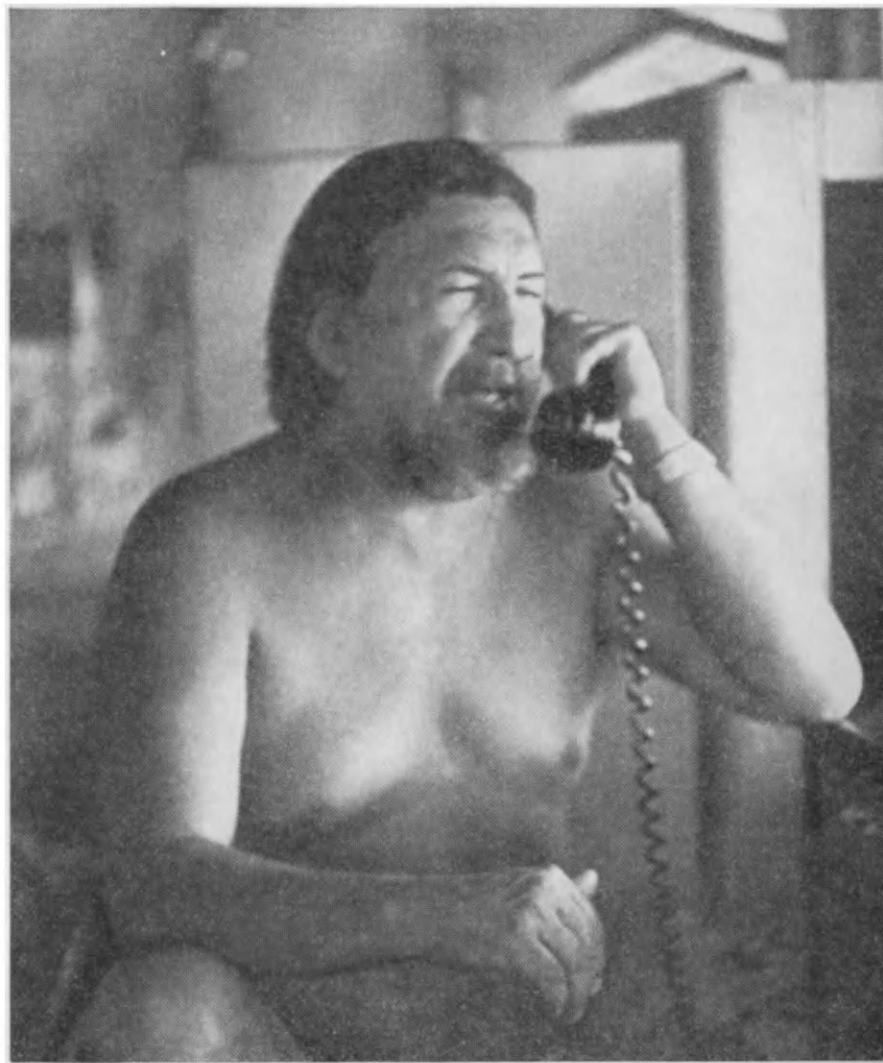
Дети камаюра.

Тридцать лет с индейцами (Клаудио Вилас-Боас).

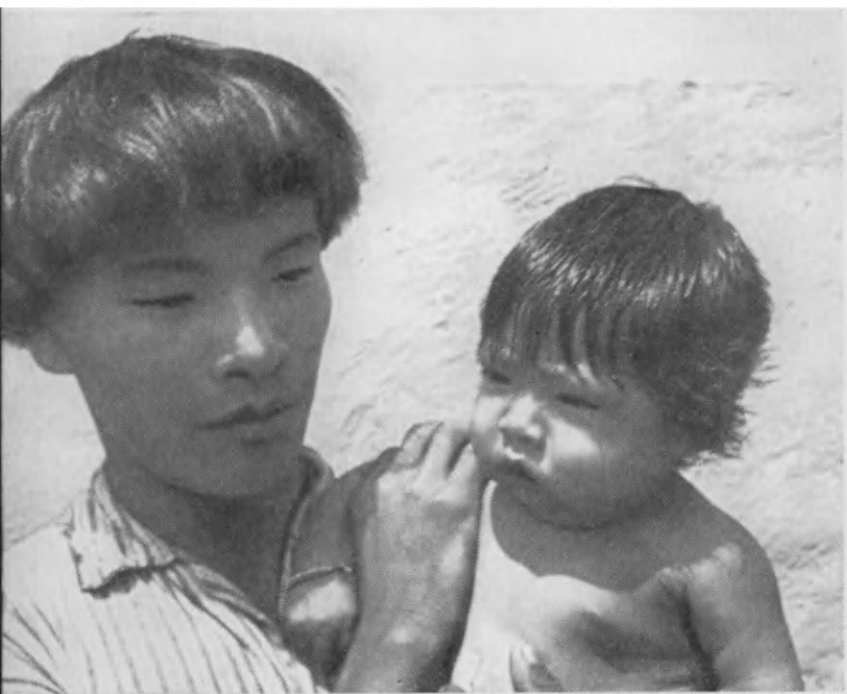

Медсестра Мария осматривает сынишку Якупе (чикао).

«Алло! Сан-Пауло! Сколько стоит
фанасуфа?»

Аруйаве — последний из трумаи.

Мы для него бельмо на глазу. Болячка! И мы вынуждены терпеть это, потому что знаем, у них сила: с ними политики, депутаты, кое-кто из сенаторов.

— Вот ваши очки, Орlando, — перебивает его все еще не отдышавшийся Кокоти. — Они были у вас под подушкой.

— Но, но! Ты мне смотри! Под подушкой! Ишь... Сам небось засунул куда-то, а теперь на меня сваливаешь?

Кокоти смеется довольный:

— Так мне можно идти?

— Ну давай беги! — Орlando шлепает его по попке и поворачивается к нам.

— Тогда спокойной ночи, Орlando, — говорит мальчишка и, посмотрев на нас, добавляет: — Спокойной ночи.

— Ну а что выяснили насчет девочки? — спрашивает Орlando у Нельсона.

— Какие-то проблемы с почками. Но что именно, пока сказать не могу: точный диагноз можно будет поставить только в Сан-Пауло.

— Значит, решили забрать ее туда?

— Да.

Орlando молчит, орудуя вилкой, потом говорит мне:

— Вот видишь, все-таки кое-чего мы добились. Заболела девочка — и нам прислали врача из Сан-Пауло.

— А разве так уж трудно было бы иметь здесь своего врача? — спрашиваю я.

Нельсон ухмыляется:

— Э, милый, чего захотел! Врача нет не только здесь. Поезжай на северо-восток, там в десятках, да нет — в сотнях деревень, городов и поселков вообще не знают о существовании врачей.

— Кто захочет ехать в такую глушь? Платят немного, а жизнь здесь тяжелая, — вздыхает Марина, разливая кофе в те же стаканы, из которых мы пили кайперинью.

— А может быть, хотя бы в этой области стоит, так сказать, внедрить наш, советский, опыт? — спрашиваю я.

Нельсон встревоженно подымает голову.

— Что? Какой еще «советский опыт»?

Я объясняю, что у нас, в СССР, каждый выпускник обязан после окончания вуза отработать три года в тех районах, куда его посылает назначенная правительством специальная комиссия. Если надо, так в тайге, в провинции, где угодно, одним словом. Этим молодой специалист, дипломант, как бы возвращает государству свой долг за то, что оно учило его десять лет в школе и пять лет в институте или университете.

— Ну ты, братец, захотел слишком многого — перестроить нашу капиталистическую систему, — улыбается Галон.

— А почему бы и нет?

Нельсон снисходительно поясняет, постукивая ложечкой о край стакана:

— Это у вас там могут кого-то куда-то насильно посылать, а у нас, слава богу, имеется полная свобода личности и полная свобода инициативы. Каждый делает то, что считает нужным, устраивается на работу, как хочет, куда хочет, когда хочет и где хочет.

— И в результате, — говорит Орландо, хлопая себя по карманам в поисках очков, которые лежат перед ним на столе, — пост Леонардо остается без врача... Да куда же делись очки, черт возьми!..

— Но вот же они, перед вами, — укоризненно качает головой Марина.

— «Перед вами!» «Перед вами!» — передразнивает

ее Орландо. — Знаешь ведь, что я ничего не вижу без очков, а говоришь, «перед вами». Я знаю, что мне надо сделать: надо выписать из Сан-Пауло еще одни очки, чтобы легче было искать эти очки...

Он кладет очки в чехол, застегивает его и вновь поворачивается ко мне:

— Нет, у нас ваш, советский, опыт невозможен, потому что мы до сих пор еще не усвоили, что здоровье людей и их образование государство должно взять под свою ответственность! Взять на себя! — подчеркивает он, назидательно подняв палец.

Потом он снова говорит об индейцах.

— Я не устаю поражаться уровню их развития. Неизвестно еще, кто кого должен учить уму-разуму: мы их или они нас.

Вот, например, я помню, когда мы приехали сюда впервые, решили построить дом. Мы — умудренные знаниями! Мы — гиганты цивилизации XX века! И построили: отмахали громаднейший домище, а рядом с ним стояла малока. Обычная индейская малока. Прошло несколько дней. У нас стало невыносимо жарко. Черт возьми, почему у индейцев прохладнее, чем у нас? Посмотрели: у них малока восемь метров высотой, а наш дом, хоть и большой, — всего четыре с половиной. У них входы располагаются в центре, друг против друга, получается сквозняк. А у нас дверь одна, да и та где-то сбоку припеку. Ну ладно... Полил первый дождь. Мы вымокли до нитки. Индейцы смеются, они сухие, внутрь малоки не попадает ни одна капля, хотя она покрыта соломой, а у нас цивилизация, черт ее побери, у нас черепица, столичная, привезенная из Сан-Пауло.

Прошло еще несколько дней, мы устроили себе очаг, чтобы готовить пищу. У нас один костер, один очаг, и мы задыхаемся от дыма. У них несколько десятков: ма-

ло того, что каждая семья имеет свой очаг, чтобы готовить пищу, так под каждым гамаком они еще разводят костер, чтобы обогреться. Так вот у них несколько десятков очагов, а воздух чистый. Почему? Потому что они умеют устраивать вентиляцию.

Мы присмотрелись ко всему этому, подумали, изучили, начали перестраивать свой дом, приспособливаться как-то, и вот в одно прекрасное утро обнаружили, что мы и сами, оказывается, живем в малоке! Да, да, в малоке. И правильно: индейцы живут тут тысячи лет, и уж то, что они нашли, что они придумали для жизни в сельве, лучше этого здесь ничего не придумаешь.

Конечно, кое-что и мы можем им дать. Можем кое-чему их научить, однако они необычайно горды, и ничего у нас просто так не возьмут. Вот вчера пришел один и говорит: «Орландо, дай семена арбуза, я посею, соберу и принесу тебе».

Он хитрый: он посеет, соберет три сотни арбузов, а мне принесет три штуки. Но сделает вид, что все это было затеяно только ради меня, только для того, чтобы угодить мне. И все это потому, что он горд и не хочет показать, что ему нравится этот арбуз, что он с удовольствием будет его есть после того, как я его этому научил.

— А я недавно читал где-то, — сказал Нельсон, — что в секретариате по туризму обсуждался вопрос о строительстве здесь, в Шингу, отеля для туристов.

— Это пожалуйста, — отвечает Орландо, и я вижу, как в глазах у него зажигается ярость, — пожалуйста, сколько угодно. С одним только условием: дайте мне сначала спокойно помереть, закопайте в землю, а потом делайте тут что хотите!

Он выругался, плюнул на пол, налил себе еще пол-стакана кайпериньи, опрокинул ее в рот и снова выругался.

— Сволочи! Они там, в столицах, спят и видят это! Туризм растет, американец сюда валом валит. А что ему, туристу, в Бразилии надо посмотреть? Водопады Игуасу — раз, столица Нимейера — два и, конечно, индейцы! Без индейцев он себе Бразилию не представляет. Но индейцы по Рио-Бранко или Аньянгабау уже не ходят, ведь правда? Их надо где-то найти и показать ему, чтобы он мог дома трепать языком, когда вернется, и карточкой своей похвастаться, где он снят рядом с индейским вождем.

И вот, чтобы найти для гринго индейцев, наши туристские конторы готовы на что угодно. Лет пять назад прилетел я однажды в Сан-Пауло. Как-то вечером звонит мне какой-то сукин сын. Не помню, кто такой, помню только, что был он президентом крупной туристской фирмы. Звонит, значит: «Сеньор Орландо, как поживаете? Как здоровье?» И все такое прочее. Просит меня «заскочить на пять минут, когда будет свободное время».

«Зачем?» — спрашиваю. «Хотелось бы познакомиться. Для нас это большая честь! Мы будем счастливы...» Одним словом, разливается передо мной канарейкой.

Ну ладно, пошел я к нему. Прихожу: стеклянная дверь, громадный зал с кондиционированным воздухом, прохладно, чисто, как в банке. Девочки бегают в таких мини-юбках, что голова кружится. Узнали, кто я такой, засуетились, запрыгали. Берут под руки, воркуют: «Сеньор Орландо! Какая честь! Патрон вас ждет. Будьте любезны, сеньор Орландо!»

Захожу я к нему. Кабинет не кабинет, а зал ожидания аэропорта. Международного аэропорта! Плакаты на всех языках: тут тебе и Мадрид, тут тебе и Новая Зеландия, не говоря уже о всяких там Буэнос-Айресах. Мебель вся из жакаранды. Диван такой, что без спального круга садиться страшно: утонешь.

Ну этот барбос, завидев меня, вскакивает из-за стола, семенит навстречу, чуть штаны не падают от спешки. Обнимает, словно самого сердечного друга. Посмотрел на одну девочку — сразу же появляется кофе и бисквиты. Посмотрел на другую — тут же появляется виски.

— Национальное? — осведомляется Нельсон.

— Еще чего? Конечно, шотландское! Протягивает мне девочка виски, вся так и извивается передо мной.

— Хорошо рассказываешь, Орlando, прямо хоть в мою теленовеллу тебя вставляй! — смеется Галон.

— ...Берет меня этот мерзавец под руку, усаживает в кресло. Ну я, конечно, молчу. А он начинает. Издалека. Сначала говорит о погоде, о том, о сем. Я пью виски и молчу. Тогда он постепенно заходит на посадку: начинает болтать о туризме, о красотах нашей великой Бразилии и все такое прочее.

Я молчу, хотя и понимаю, в чем дело. Виски, конечно, пью. И еще подливаю. Хорошее было виски у мерзавца.

Тогда он делает пристрелочный выстрел: «Нельзя ли иногда наведываться к вам, сеньор Орlando? С группой друзей?».

Я говорю, что на это есть соответствующие органы, которые разрешают визиты в Парк, в том случае, конечно, если эти визиты оправданны и целесообразны.

Он выслушал меня и снова начинает петь о величии Бразилии, о ее красотах, о национальном престиже и все такое прочее.

Я снова молчу. Тогда он говорит прямо: «Есть идея: построить небольшой домик около вас, сеньор Орlando, со всеми удобствами, с холодильниками и кухней. И... визиты туда американцев».

Я смотрю на него и улыбаюсь. Тогда он плюет на дипломатию и предлагает мне войти в пай. Не помню, какой процент он мне предлагал. Большие деньги!

«И только для начала, — говорит, — а потом дело пойдет еще лучше».

— Ну и что? — спросил Нельсон.

— Что? Да ничего. Бить я его не стал. Встал, поблагодарил за виски и пошел.

Так что, друг мой Нельсон, эти все проекты не новость для нас. Тяжко только сознавать, что рано или поздно эти деятели своего добьются. Но за одно могу поручиться: пока я жив, никаких туристов здесь не будет.

— А потом? — спросил Галон.

— Что «потом»? Когда я помру? Эх, когда я помру... Ну ладно! О чем говорить! К тому времени, когда я помру, тут, может, и индейцев не останется. И незачем сюда будет возить туристов.

...Еще один день подходил к концу. Приближалась тревожная ночь. Собиралась гроза. На юго-востоке небо заволакивало. Изредка, словно пробуя свои силы, набегал ветер. Где-то над Шавантиной снова полыхали зарницы. Когда одна из них вспыхнула особенно ярко, Орландо вздохнул и сказал, что если опять снесет черепицу над сараем, где стоит движок, то этот удар по годовому бюджету Парка станет непоправимым.

САМАЯ ТРУДНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

После ужина начиналась обычно игра в карты. И сегодня, покончив с дискуссией о врачах и туристах-американцах, мы дружно усаживаемся вокруг вытертого после трапезы стола. Мы — это Орландо, Марина, Галон, Нельсон и я. Хотя партнеров было всего пятеро, игра эта называлась «восемь дураков». Была она запутанной, сложной, длинной. Правила ее объяснить, по-

моему, невозможно. Усвоил я только одно: кто набрал сто очков — вылетает. Каким образом набирались очки, я до сих пор не понимаю. Несмотря на это, первым вылетел все же не я, а Орландо. Я вылетел вторым. В конце концов остались только Галон и Нельсон.

В разгар их ожесточенной дуэли появляется Кокоти и говорит, что Марину просят в «больницу»: какой-то старик кайаби отравился и страдает животом. Марина отправляется туда и через несколько минут присылает Кокоти с просьбой к Нельсону: подойти тоже.

Нельсон отмахивается от мальчишки:

— Сейчас приду. Скажи: сейчас приду.

Он в ударе — выигрывает у Галона и, потягивая кайперинью из маленькой рюмочки, неудачно философствует, поглядывая на меня, о преимуществах системы свободного предпринимательства над «вашими социалистическими демократиями».

Кокоти молча стоит у него за спиной; время от времени, раздраженно оглянувшись, Нельсон ворчит:

— Ну иди же, иди, я ведь сказал, что сейчас приду.

Кокоти продолжает стоять. Как на рыбной ловле с луком: замерев и сощурившись, глядя себе под ноги.

Судя по обилию у Галона королей и тузов, Нельсону несдобровать. Но, с другой стороны, он весьма изворотлив и обладает удивительной способностью запоминать все вышедшие из игры карты. Поэтому игра может продолжаться до бесконечности, а поскольку я оказался за бортом, исход схватки меня не интересует, и я решаю сходить в медпункт — поглядеть, как там Марина управляет с отравившимся стариком. Невольно посапывая, возмущенный небрежением Нельсона, Кокоти идет вместе со мной. Точнее говоря, я иду с ним. Без него мне просто-напросто не удалось бы найти дорогу, ибо мрак на территории Поста стоит такой, словно кто-то

распорядился устроить затемнение на случай возможных налетов вражеской авиации.

Я послушно бреду за темным, маячащим в двух шагах от меня силуэтом Кокоти, чуть не подворачиваю ногу в какой-то ямке, спотыкаюсь о древесный корень, бормочу сквозь зубы нечто такое, что нельзя процитировать в этой книжке. И удивляюсь про себя: почему в такой черноте, в такой ночи невольно начинаешь говорить шепотом?

Не успев найти ответ на этот вопрос, я еще раз больно ударяюсь левой ногой. На сей раз о ступеньку медпункта. Кокоти открывает дверь, мы входим в домик, минуем тамбур, где хранятся ведра и тазы, и в следующей комнатке, где находится так называемая «аптека», я вижу в тусклом свете свечи Марину. Она шарит по своим бесконечным ящикам, полкам и шкафам, отыскивая какую-то микстуру. На табуретке сидит старик. Закрыв глаза, он держится за живот и тихо постанывает. Рядом, прислонившись к столу, стоит его жена, иссушенная старуха. Она смотрит на мужа с грустным спокойствием и с какой-то молчаливой бабьей покорностью судьбе.

Наконец Марина находит то, что искала, наливает микстуру в чайную ложку, дает выпить старику. Он глотает, морщится и снова стонет.

— Ничего, ничего. Теперь будет лучше, а к утру все совсем пройдет, — говорит Марина, — а если не пройдет — приходи снова.

В это время за дверью грохочет оброненный таз, и в комнатке появляется Нельсон.

— Ну, что там у него? — спрашивает он у Марины, кивая головой на старика.

— Кажется, засорение желудка.

— Еще бы, — говорит Нельсон раздраженно, — едят черт знает что. Но вы, кажется, уже распорядились?

— Да, я дала ему слабительное.

— Ну и отлично, я тогда пошел спать, — говорит Нельсон и поворачивается, чтобы идти обратно. — Да, а как себя чувствует эта девочка?

— Униранья?

— Не знаю, как ее зовут... Ну та, что лежит у нас по поводу почек.

— Спит. Хотите посмотреть ее?

— Да нет, зачем же? Раз спит, слава богу! Не будем ее беспокоить.

Он раскрывает дверь и шагает во влажную духоту ночи. Я прощаюсь с Мариной и тоже иду спать. Правильнее сказать, не «иду», а бреду, осторожно переставляя ноги в абсолютной черноте. Впрочем, темнота не абсолютная: у «конторы» светится огонек сигареты: это Орландо. Я подхожу и присаживаюсь рядом с ним.

— Не спится?

— Да, что-то не спится. За день набегаешься, накричишься, сил вроде нет, а сон не идет.

Мы молчим, прислушиваясь к пению летающих муравьев и вскрикиванию цикад.

— Скоро дожди, — вздыхает он. — Зальет все. Не знаю, как у нас получится с провизией, если они там, в Ронкадор, не вытащат эти грузовики. — Он затягивается, осветив свое круглое крупное лицо красным светом сигареты. — Ну, да переберемся как-нибудь. Не первый раз. В конце концов «дождь костей не переломит», как говорят в Сан-Пауло. Отсидимся, дождемся весны. Потом нужно мне будет слетать в Сан-Пауло.

— Зачем?

— Готовим новую экспедицию. Где-нибудь в марте — апреле думаю выходить.

— Далеко?

— Не очень. На север. Искать краньякорорес. Чи-

тали небось в газетах: «черные гиганты» и все такое прочее?..

— Читал, — говорю я и тоже закуриваю. Потом спрашиваю у Орландо, сколько раз он уже участвовал в таких экспедициях.

— Одиннадцать. Девять экспедиций уже завершены. Две будем продолжать.

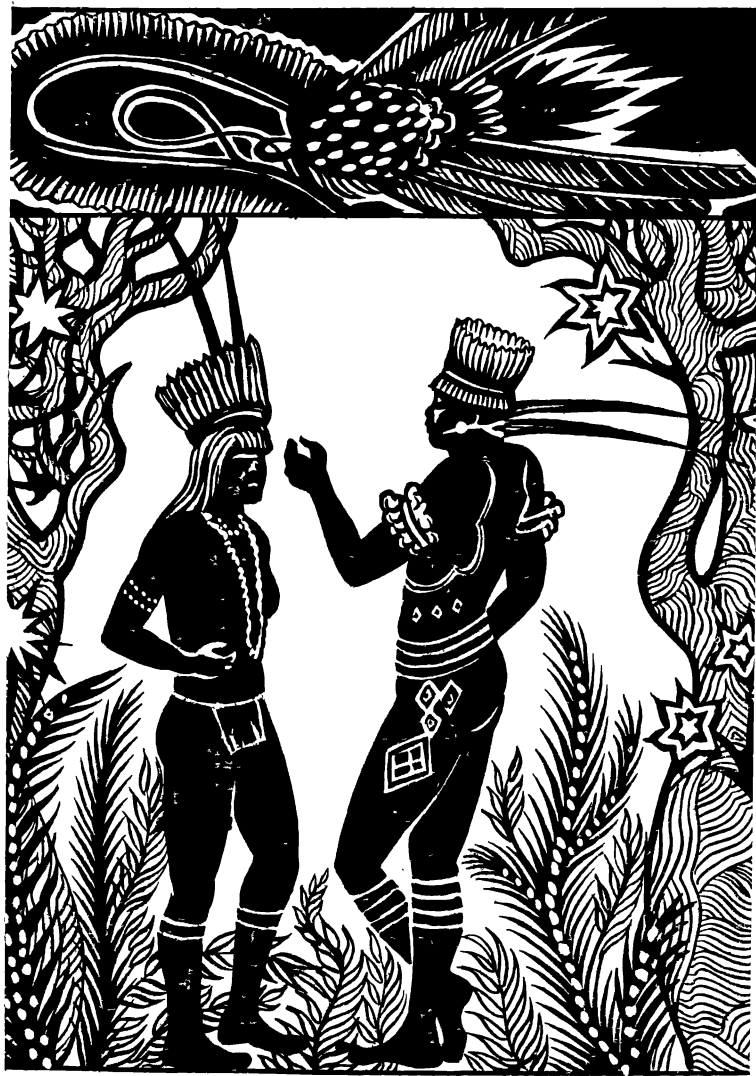
— А какая была самой трудной?

— Самой трудной? — Он задумывается. — Пожалуй, когда мы пошли к чукарамае. Да, чукарамае. Это было самое воинственное и трудное для контактов племя Шингу. Интересное племя. Из группы же. Они даже видом своим не располагают к дружеской беседе: волосы длинные, в нижней губе громадный деревянный диск.

— Ну а как это было?

— Как было? Трудно было. Как всегда, мы сначала подбросили им подарки. Потом рискнули приблизиться. Это еще не был личный контакт: мы раскинули лагерь неподалеку от них, на маленьком островке реки. На берегу, прямо против нас, была деревня чукарамае. Они настороженно наблюдали за нами, мы за ними. Так прошли сутки. На следующий день мы заметили у них признаки беспокойства, а потом услышали, как они зовут нас. С нами было двое индейцев журуна: Паойде и Дудига. Оба бесстрашные воины, атлетически сложенные, выносливые, знающие по нескольку языков. Мы попросили их переплыть от острова к берегу, где кричали чукарамае, и выяснить, что им нужно от нас.

Паойде и Дудига отправились туда. Вернувшись через полчаса, они сообщили, что из деревни чукарамае сбежали все женщины и поэтому мужчины требовали, чтобы мы — я и Клаудио — пришли туда и помогли им вернуть жен. «Но мы сами пошли в лес, покричали, и все женщины вернулись», — доложил Паойде. Вопрос,

как говорится, был исчерпан, мы легли спать. Ночь прошла спокойно, потом прошел день, а на следующий вечер, когда уже стемнело и над рекой, предвещаая грозу, дул сильный ветер, мы снова услышали крики чукарамае. И снова послали к ним Паойде и Дудигу. Однако на сей раз они не доплыли до берега и вернулись, чтобы сказать нам, что у чукарамае происходит нечто непонятное: они очень злы, воинственно настроены и все время кричат, требуя меня и Клаудио. Ничего не поделаешь: мы взяли лодку и отправились туда.

Было уже совсем темно. Когда наша лодка ткнулась носом в песок, со всех сторон к ней подступили чукарамае, раскрашенные черной краской. А это было уже совсем плохо: черная окраска тел означает у индейцев подготовку к нападению.

Мы спросили, в чем дело, и чукарамае, грозно размахивая дубинками, закричали, что их жены снова бежали в лес по нашей вине. И поэтому мы должны немедленно вернуть женщин. Но почему по нашей вине? — спросил я. Да потому, что мы с Клаудио два дня назад оставили возле деревни подарки только для мужчин: ножи, рыболовные крючки, леску. О женщинах мы не подумали. И они, обидевшись, ушли в лес. И мужчины, решив, что во всем виноваты именно мы, потребовали от нас «искупить свою вину» и вернуть им их жен.

Посовещавшись, мы решили идти в деревню. Однако едва мы успели выйти из лодки, как стало ясно, что дело принимает весьма скверный для нас оборот: один индеец схватил меня за правую руку, другой — за левую. Я крикнул Клаудио, что индейцы схватили меня, Клаудио ответил, что и он тоже схвачен и что на руках и ногах Паойде и Дудиги висят по четыре чукарамае.

Подталкиваемые чукарамае, мы шли по узкой тропке в их деревню, над нашими головами угрожающе мелькали бордуны и копья, темный лес гремел воинственными

ми криками индейцев. Я, к несчастью, не заметив камня на дороге, споткнулся, упал и разбил себе колено. Чукарамае не обратили на это никакого внимания, подняли меня с земли и снова потащили вперед. Стиснув зубы от боли, я ковылял, подталкиваемый в спину и в голову, крики становились все громче и громче, индейцы устроили вокруг нас настоящую воинственную пляску.

Когда мы добрались до деревни, чукарамае вытолкнули нас на середину поляны к костру. Клаудио, я, Дудига и Пайоде оказались окружены несколькими сотнями разъяренных индейцев. Было их примерно человек триста пятьдесят — четыреста. Все с тяжелыми бордунками, копьями, луками. Все выкрашенные в черное...

Тут, в деревне, они снова потребовали, чтобы мы вернули им женщин. И если не вернем... Легко было предположить, что будет, если мы не вернем им женщин! Что делать? Отправляясь в эту экспедицию, мы с Клаудио немного освоили язык чукарамае. И я решил попробовать покричать, обращаясь к темному, казавшемуся безлюдным и необитаемым лесу: «Менинамамбой! Кобекриде майкире! Менинамамбой! Кобекриде майкире!» — «Женщины! Идите сюда! Белые — хорошие люди!» В ответ — ничего. «Менинамамбой! Менинамамбой!»

В ответ — молчание...

Костер начал угасать, и я закричал одному из чукарамае: «Куы! Куы! Куы!» Он почему-то послушался меня, подбросил веток, огонь полыхнул, осветив всех нас жарким пламенем, и это немного успокоило.

Мы снова принялись звать женщин, но никто не откликался. Огонь опять начал угасать, и чукарамае заметно ожесточились. Их крики стали громче, они приблизились к нам почти вплотную, размахивая оружием. Положение становилось критическим. И как в кинодраме, нагнетая страх, налетел ветер, хлынул ливень, зага-

сив костер. Несколько головешек еще светились, и, понимая, что костер — наше последнее спасение, я закричал снова: «Куы! Куы! Куы! Куы!», но один из чукарамае подскочил к этим головешкам и затоптал их, разбросав голыми ногами угли.

Стало темно. Чукарамае кинулись к нам, схватили за руки, за плечи. И в этот момент где-то вдали послышался крик: «Мебените! Мебените! Мебените!» — «Старуха! Старуха! Старуха!» Сразу же наступила тишина. Кто-то бросил веток в костер, пламя поползло по хворосту, слегка осветило поляну. Метрах в пятнадцать от нас стояла старуха. Я показал знаками, что хочу с ней поговорить. Чукарамае расступились, и я смог приблизиться к этой женщине. Она жевала какой-то корень, и когда я подошел к ней, вынула эту жвачку изо рта и вымазала ею мои глаза, чтобы испугать сидящего во мне «дьявола».

Тогда я взял ее за руку и привел в центр круга к костру. Здесь я чинно поблагодарил ее за то, что она пришла, откликнувшись на наш зов, и попросил, чтобы она позвала остальных женщин. Она начала кричать. Кричала громко и пронзительно. И спустя несколько минут из черноты ночной сельвы показались женщины. Их, как потом я подсчитал, было около двухсот сорока, в том числе около семидесяти с грудными детишками на руках.

Тут в деревне началось всеобщее ликование. Мужчины, выражая свой восторг, радостно прыгали, вертелись, но женщины продолжали проявлять гнев и недовольство. И тогда мы с Клаудио поняли, что ушли они в лес не из-за нас, не из-за неполученных от нас подарков, а из-за каких-то своих недоразумений с мужчинами. Против нас женщины ничего не имели. Спустя несколько мгновений они даже сами стали нести нам лепешки «бижу», куски жареной рыбы и другие кушанья. Тогда

я решил, так сказать, в педагогических целях рассердиться на чукарамае: начал кричать, угрожать им, ругаться. Но индейцы не обратили на это никакого внимания. Они ликовали по случаю возвращения женщин, а мы перестали их интересоваться. И все же самый важный шаг к сближению был сделан. Мы уходили от них почти друзьями. И знали, что отныне можем возвращаться в эту деревню, когда захотим.

Справедливости ради должен сказать, что даже об этой — самой рискованной, самой опасной — экспедиции, которая чуть не стоила нам жизни, мы сохранили в памяти и другое воспоминание, одно из самых волнующих и трогательных.

У чукарамае, как и у большинства остальных племен, в каждой деревне имеется несколько наиболее уважаемых индейцев. Один из таких индейцев по имени Критао должен был уехать с нами, когда мы решили возвращаться в Шингу: мы пригласили его посмотреть новые места, надеясь, что он затем уговорит все племя переселиться поближе к нам.

Когда мы уезжали, и он вошел в нашу лодку... О, это была незабываемая сцена: вся деревня высыпала на берег. Критао плакал, слезы катились по его лицу, но он не обращал на них внимания и пел. Пел песню, которой чукарамае провожают своих соплеменников, отправляющихся в далекий путь. Критао пел, и вся деревня с берега отвечала ему. Нет, я не берусь описать это! Я сам чуть не заплакал, глядя на них, на этих чукарамае, которых мы недавно видели воинственными и неустрашимыми и которые сейчас страдали, расставаясь с сыном своего племени. Песня плыла над рекой, протяжная и грустная. Индейцы плакали, и у всех у нас подкатил комок к горлу... Мы почувствовали, что эти люди, которые несколько дней назад собирались убить нас, стали для нас близкими и родными.

НЕКОГДА ГРОЗНЫЕ ЧИКАО

Утро следующего дня началось, как обычно, сеансом связи с Сан-Пауло. Вот-вот должен был начаться сезон дождей, и поэтому Орlando интересовался лекарствами против малярии: во время дождей эта болезнь терзает людей особенно сильно.

С самолетом, на котором прибыл Нельсон, пришло письмо, извещавшее, что в аптеках Сан-Пауло появилось новое чрезвычайно эффективное противомаларийное средство под названием «фанасуфа». Нельсон, к которому Орlando обратился за советом, подтвердил, что это последнее слово науки, и, подняв указательный палец с аккуратно подпиленным ногтем, многозначительно изрек: «Американское последнее слово!»

— Алло! Алло! Сан-Пауло? Сколько стоит эта самая «фанасуфа»? Вы слышите меня? «Фанасуфа» сколько стоит, спрашиваю! Прием!..

— Какой? Какой? — надрывается оператор в Сан-Пауло.

— Не «какой», а «какая»? «Какая» — говорю, — багровеет Орlando. — Прием!

— Что «какая»? Что «какая»? Прием!

— «Фанасуфа»! «Фанасуфа»! «Фанасуфа» — какая? Прием!

— Что это такое? Что это такое? «фана»... Как? Прием!

Орlando бросает в сердцах микрофон рации и, вздымая руки к небу, выбегает во двор. С глухим стуком с пекизейры падает плод. Три сорванца с разных концов поляны бегут сломя голову к нему.

— Тащи сюда! Тащи дедушке! — кричит Орlando.

Он сердито колупает зеленую кожуру, нюхает желтую сердцевину и сплевывает на землю: «Не созрел!» В это время из «конторы» выходит флегматичный Пиу-

ни и коротко сообщает, что парнишка в Сан-Пауло уже понял, о чем идет речь, и может информировать о «фанасуфе». Недовольно ворча, Орlando возвращается к рации, берет трубку:

— Ну что? Разобрались там, что «какая» и что «какой»? Прием!

— Что «какой»? Не понятно, что «какой», Орlando! Прием!

После новых препирательств сквозь шипение и визг эфира донеслось, что парнишка-оператор уже успел позвонить по городскому телефону в ближайшую аптеку и выяснил цену «фанасуфы»: 1 крузейро и 10 сентаво за таблетку. Орlando снова бросает трубку на стол, подхваченную безответным Пиуни, и поворачивается ко мне, словно призывая меня в свидетели:

— Вот, пожалуйста! Любуйся! Вот она — наша любимая Бразилия: за лекарство, которое нужно было бы раздавать бесплатно, ты понимаешь, БЕС-ПЛАТ-НО! — за это лекарство, которое призвано спасти страну, они дерут по крузейро за таблетку! Это же чудовищно! Это преступление! Это вооруженный грабёж! Это... Это... А ты еще спрашиваешь, почему нет врача на посту Леонардо? Врача, видите ли, он захотел! Мы государственное учреждение! Мы, пост Леонардо, созданный специальным декретом президента республики, не можем позволить себе купить эту, черт бы ее подрал, «фанасуфу»! А как быть какому-нибудь кабокло, какому-нибудь мелкому земледельцу или серингейро, или гаримпейро? А?..

Он смачно ругается и спрашивает меня, как будет звучать по-русски сие крепкое выражение, которое он только что обронил.

— Научи, я буду ругать их по-русски: говорят, в этом смысле ваш язык вне конкуренции. По-португальски не помогает.

Я цитирую ему несколько общеизвестных русскому человеку формул, и он делает вид, что запоминает их.

— Лекарства дорогие, потому что все наши фармацевтические фабрики принадлежат американцам. Вот они и пьют нашу кровь, — говорит подошедший Галон, прожевывая кусок «бижу».

— Какая разница: американские или бразильские фабрики? — цедит сквозь зубы Нельсон, покачивающийся в гамаке. — Все хотят заработать. И никто не станет работать за спасибо.

Пиуни снова зовет Орландо, который к тому времени опять успел выскочить во двор и дать какую-то команду Сабино, высунувшемуся из дверей кухни:

— Орландо! Орландо, — говорит Пиуни, — этот человек из Сан-Пауло хочет еще что-то сказать.

Орландо хватается трубку:

— Ну, что еще? Прием!

— Нет, ничего, я хотел только спросить, нужно ли вам еще что-нибудь, — засипела трубка в ответ: — Еще что-нибудь! Прием!

— Да, да: нужно, нужно! Прием!

— Слушаю, говорите! Прием!

В этот момент новый каскад помех заглушает голос оператора, треск и пение морзянок наполняют «контру», и Пиуни, вооружившись своим нескончаемым терпением, вновь принимается вертеть ручки, в то время как Орландо, высунувшись в окно, зовет пилота Гарсия. Гарсия не отвечает.

— Куда он делся, кто знает? Никто? Кокоти! Где Кокоти?

— Я здесь, Орландо! Вот ваши очки...

— Да не очки мне нужны! Беги найди Гарсия и скажи ему, чтобы готовил самолет, после завтрака полетит в Диауарум.

Пиуни опять налаживает связь, и Орландо требует у оператора в Сан-Пауло сообщить цену бороны, которую он собирается заказать для плантации. Оператор отвечает, что выяснить это сейчас очень трудно, «даже, можно сказать, невозможно».

— Это почему трудно? — изумляется Орландо. — Я спрашиваю: это почему трудно? Прием!

— Вас понял! Вас понял! Но ведь сегодня выходной! Сегодня выходной! Никто не работает! Прием!

— Какой еще выходной? Какой выходной, спрашиваю! Прием!

— Национальный выходной! Национальный праздник! Президент вступает в должность! Новый президент! Прием!

Орландо снова кидает трубку на попечение Пиуни и, махнув рукой, идет прочь, рыча себе под нос:

— Вот, пожалуйста: моя бразильская Бразилия! Выходной день, и у них уже ничего не добьешься! Ничего не узнаешь, ничего не получишь... Нет, если бы я был президентом Парагвая или какой-то другой соседней страны, я бы захватил Бразилию в двадцать четыре часа и без единого выстрела! Да, да... Без единого выстрела. Нужно было бы только одно: ввести войска в эту нашу Бразилию в выходной! И никто из нас ничего не заметил бы! Никто! Ведь выходной! Святой день: выходной. Что вы хотите от бразильца в выходной?.. У нас, видите ли, выходной!..

Он долго еще ругался, а потом отправился в свой ежедневный обход: проверять хозяйство: кухню, движок, резервуары с запасами воды, курятник, Ракель и Педро... Одним словом, все, что ждало его хозяйского глаза. А я, испросив у него разрешения, пошел в деревню чикао.

Остатки этого племени — около шестидесяти человек — размещались в двух малоках, находящихся всего

лишь в полутора километрах от поста Леонардо.

Заглянув в ту, что стояла слева от тропы, я вижу в ней около десятка женщин и двух мужчин: остальные работают на плантации. Один из оставшихся болен. Он лежит в гамаке, жует лепешку. Другой — знаменитый Фавуро — престарелый вождь, считающий ниже своего достоинства пахать землю, когда на это есть несколько десятков более молодых и здоровых соплеменников. Фавуро сидит на обрубке дерева у входа в малоку и сосредоточенно строгает стрелу. Правильнее сказать, не строгает, а шлифует. Перочинным ножиком он водит по ней туда и сюда, мурлыкая под нос нечто вроде песенки.

Я здороваюсь с ним, но он глядит на меня равнодушно: несколько раз он уже видел меня у Орландо, и этого для него достаточно, чтобы не беспокоиться относительно моих намерений.

Я знаю, что где-то в одной из этих двух хижин должен находиться мальчишка по имени Куйамё, который слегка понимает португальский язык, и пытаюсь объяснить Фавуро, что хочу разыскать его. Не знаю, понял меня вождь или нет, но мальчишка-полиглот через несколько мгновений оказывается около меня, окруженный толпой сверстников.

Понимает он по-португальски очень мало. Но за неимением профессионального переводчика приходится довольствоваться его любительскими услугами.

Сразу же бросается в глаза, что почти никто здесь не сидит без дела, не бьет баклуши. Слева от меня сопит симпатичная молодая толстушка, поглощенная изготовлением плетеной циновки. Рядом с ней дряхлая старуха размешивает жидкую болтушку из маниоки. У выхода из малоки сидит узкоглазая, похожая на китайнку, молодая и, видно, смешливая пряха. Возле нее на земле стоит корзинка, наполненная хлопком. Женщина

выбирает его левой рукой и быстро-быстро сучит тонкую нить, наматывая ее на веретено, которое она вращает правой рукой о бедро, натертое белым порошком, похожим на мел.

Фавуро снова запевает что-то. Его протяжный, заунывный голос заполняет малую, я включаю магнитофон. Гортанные звуки ложатся на магнитную ленту. Вероятно, я делаю первую запись языка чикао и, возможно, последнюю: даже под отеческой опекой братьев Вилас-Боас вряд ли он сохранится надолго.

Фавуро поет, и я безуспешно пытаюсь вникнуть в смысл его речитатива, похожего на заунывную молитву: язык чикао до сих пор никем еще не изучен. Его не знает никто. Он уникален и не имеет ничего общего с языками других бразильских племен. Лингвисты предполагают, что он принадлежит к семье языков, на которых говорили племена, населявшие в древности острова Карибского моря. Означает ли это, что чикао пришли когда-то в Бразилию с севера, из стран Центральной Америки? Возможно... Ведь в отличие от большинства племен Амазонии чикао были пешеходами: они не строили лодки, предпочитая странствовать по суше. Но точного происхождения и истории чикао тоже никто не знает. И, вероятно, никогда не узнает.

Когда Фавуро кончает песню, я спрашиваю у Куйаме, о чем он пел. Наморщив нос, путая исковерканные португальские слова со своими, чикаосскими фразами, парнишка объясняет мне, что вождь пел о малоке, о людях, которые в ней сидят, о том, чем они заняты. Судя по объяснениям Куйаме, Фавуро импровизировал что-нибудь в этом роде: «Ах, какая у нас замечательная малока, как хорошо в ней живет: много запасено маниоки, много рыбы. Горит костер, женщины занимаются своими делами, а какой-то бездельник караиба вместо того, чтобы сажать рис или охотиться на макаку,

торчит здесь целый день со своими странными блестящими игрушками. Впрочем, пусть уж этот чудака сидит здесь: в конце концов у него есть неплохие карамело...»

Куйаме переводит песню, а Фавуро заинтересованно глядит на меня. Я, разумеется, изображаю живейший интерес, что, по-моему, доставляет старику удовлетворение. Но дело есть дело, и, отложив в сторону стрелу, он принимается обтачивать ракушкой толстую колючку, которая будет наконечником стрелы. А я достаю блокнот и, подсев поближе к женщинам, приступаю к составлению русско-чикаосского карманного словаря. Женщины знают по-португальски полдесятка слов. Они встречают меня дружным «комо шяма?», и этого вполне достаточно, чтобы начать лингвистические исследования.

Ткнув себя пальцем в грудь, я говорю: «Игоры!» Потом повторяю мое имя несколько раз, а затем, в свою очередь, тычу пальцем в плечо женщины, плетущей коврик, и спрашиваю ее: «Комо шяма?»

В ответ раздается мелодичное: «Якупè...»

Еще через пару минут первая графа анкеты заполняется на всех находившихся поблизости обитателей малоки. Я выясняю, что прядильщицу зовут красивым именем Симаира, а старуху, размешивающую болтушку, — Тепéпо. Ее соседка, жующая лепешку, именуется Явайтú, единственный, кроме Фавуро, представитель сильного пола (он, как я уже сказал, был освобожден от выхода на росу* по болезни) — Мелаво, его жена — Тибúку, а дочка — Явáла. Мальчишки, ползающие по коленям своих мамаш, носили не менее экзотические имена: Ахарí, Питóга, Майувè, Мактаньó.

Ободренный первым успехом, я пытаюсь выяснить у женщин названия некоторых предметов их домашней утвари. Схватив рукой накручивавшуюся на веретено

---

* Роса (порт.) — плантация.

хлопковую нить, я спрашиваю Симаиру: «Комо шяма?», и слышу в ответ: «макú». Вслед за этим словарь начинает пополняться довольно быстро. Корзинка именуется у чикао «полíпа», бусы — «кагú», нож — «рабью́», вода — «итé», рыба — «чивáн», гамак — «авра́т».

Все с громадным интересом следят за моим филологическим экспериментом, расценив его как увлекательную игру. Со всех сторон к нам с Симаирой придвинулись охваченные любопытством физиономии. Даже старый Фавуро с готовностью, но, впрочем, не теряя достоинства, отзывается на мою просьбу и сообщает, что стрела, которую он остругивает, называется «помпья́», а лук — «опти». Хижина, в которой мы находимся, носит название «авро́», солнце — «тити́».

Я хочу расширить область исследований и перехожу к анатомии человеческого тела. Взяв Якупе за руку, вопросительно гляжу на нее, и она с готовностью отвечает: «ампати́». Потрогав ее нос, я слышу в ответ «ой-на́н», прикоснувшись к волосам, узнаю, что они называются «оенúт». Таким же способом устанавливаю, что нога называется «овéт», бедро — «абéт», зуб — «он», шея — «ойгú», ухо — «абáна», колено — «абьягумирé», ноготь — «уамóн», глаз — «ойнрú», язык — «олú».

Дело движется на лад. Услышав, что черная краска, которой они размалевывают свои тела, называется у них «покоти» — удивительно созвучно нашей «копоти», — я уже начинаю подумывать о далеко идущих открытиях в духе школы академика Марра.

Тут меня осеняет счастливая идея: разглядывая раскраску тел моих собеседниц, я вспоминаю, что в моей фотосумке лежит набор цветных фламастеров. Достав их, я провожу на своей руке зеленую и синюю полосы. Это вызывает ажиотаж. Разгорается оживленный обмен мнениями. Они рассматривают мою руку с такими же заинтересованными лицами, с какими обсуждали

бы новинки мод посетительницы благотворительного парада моделей, организованного супругой губернатора Рио-де-Жанейро в фешенебельном «Копакабана-паласоте». Этот ажиотаж и возбуждение понятны: чикао пользуются для раскраски своих тел одной только черной краской. А тут вдруг появляется «карамба», умеющий рисовать двухцветный орнамент!

Окончательно победив робость, Симаира придвигается поближе и протягивает мне правую руку. Призвав на помощь все свои художественные инстинкты, спящие вечным сном с последнего урока рисования в шестом, если не ошибаюсь, классе запорожской средней школы, я начинаю изображать на ее предплечье нечто вроде геометрического орнамента. И очень быстро чувствую, сколь сильно отстал от эстетических требований и традиций чикао. Их разрисовка, в частности, то, что я вижу на телах Якупе и Явало, куда больше напоминает произведение искусства, чем орнамент, выползавший изпод моего дрожащего фламастера. Впрочем, мой орнамент все же цветной! И Симаира, кажется, весьма удовлетворена моей работой. Она с гордостью глазеет на подруг, которые разделяют ее восхищение, многозначительно покачивая головами, словно желая сказать: «Вот это да-а-а».

Я еще не завершил свое произведение, а Якупе, желая, видимо, проявить ответную любезность, хватая куски «покоти» и начинает старательно выводить серию пересекающихся крестов на моем бедре. Точно такой же рисунок красуется на ее собственной ноге, на ногах Симаиры и их подруг. Остальные, крича что-то, толкаясь локтями, с интересом наблюдают за тем, как Симаира расписывает мое бедро. Фавуро снисходительно покачивает головой. В его ушах при этом вздрагивают серьги, изготовленные из ярких, сверкающих всеми цветами радуги перьев попугая.

ЕСЛИ ВЫХОДИШЬ В ДОЖДЬ, НЕ БОЙСЯ ПРОМОКНУТЬ

Пару дней спустя мы отправились на «джипе» в деревню камаюра — последнюю из уцелевших деревень этого племени, которые посещал здесь Штейнен. Галон сел за руль, рядом с ним Марина и Мария. Я расположился на заднем сиденье. Нельсону вообще-то тоже полагалось бы ехать с нами: ведь мы отправлялись на медосмотр. Но он, как и следовало ожидать, увильнул:

— Я думаю, вы с Марией отлично справитесь и без меня, — сказал он Марине с извиняющейся улыбкой. — А если обнаружится какой-нибудь серьезный случай, я завтра же подъеду туда с Мейрованом.

Когда Марина отошла, Нельсон шепнул мне на ухо:

— Ты, братец, журналист, и тебе за эти вояжи платят деньги. А я — покорнейше благодарю! Пока ты будешь таскаться по этим грязным малокам, я позагораю на берегу Туатуари.

Рядом со мной чинно восседал какой-то чикао. Мы нагнали его километрах в полтора от поста Леонардо и, поскольку он, судя по всему, тоже направлялся к камаюра, решили подвезти. Чикао спокойно залез в «джип» и, не поморщившись, уселся на раскаленное сиденье. Разговора с ним, к сожалению, не получилось, так как он не знал ни слова по-португальски. Всю дорогу индеец невозмутимо молчал, держа в руках новенький карабин. А когда узкая тропа оказалась перегороженной раскидистой ветвью жатоба, отломившейся, видимо, во время последнего урагана, Галон знаками попросил чикао расчистить путь. Не теряя хладнокровия, парень выпрыгнул из машины и спокойно разломал ветвь. Потом снова уселся на свое место, и мы поехали дальше.

Как и большинство других племен Шингу, камаюра пришли сюда откуда-то с востока. Старики рассказывают, что когда-то «очень давно» их предки жили у «бур-

ного озера». Может быть, они так называли Атлантический океан? Отступая на запад, камаюра прошли тысячи километров через сельву, реки и горы. И обосновались где-то в районе Диауарума. Оттуда их начали теснить индейцы топори, пришедшие с реки Батови. Тогда камаюра направились на юг: их пригласили поселиться рядом с собой ваура, обитавшие на берегу большого озера Ипаву. Впоследствии ваура ушли с этого озера, и оно стало собственностью камаюра.

Подобно тому как женщины ваура прославились своим гончарным искусством, мужчины камаюра являются непревзойденными мастерами по изготовлению луков и стрел. В этом отношении с ними могут соперничать только чикао. Вот что писал о них Айрес да Кунья — бывший сотрудник Службы защиты индейцев: «Камаюра приветливы, радостны и ласковы. Мужчины выделяются отличным телосложением. Они не пользуются никакой одеждой, но украшают себя безделушками и очень любят расписывать свои тела черной и красной красками. Женщины камаюра отличаются весьма утонченными формами и красотой лица».

В том, что Айрес да Кунья не преувеличивал, мы смогли убедиться, когда, салютуя хриплой сиреной, Галон лихо вкатил на поляну, вокруг которой высились пять малок. Жара была нестерпимой. Градусов под пятьдесят в тени. Казалось странным, что пять хижин, напоминавших гигантские стога сена, не самовоспламеняются под этим солнцем, которое стремилось излить весь свой жар в последние несколько дней, остающихся до начала дождей.

Пока Галон описывает по поляне нечто вроде круга почета, за «джипом» с восторженными воплями бегут мальчишки. Из малок выглядывают женщины. Узнав Марину, они улыбаются и радостно машут руками.

Захватив чемоданчики, медсестры начинают обход

хижин, а мы с Галоном направляемся к «мужскому клубу», который здесь, как и во всех остальных деревнях Шингу, размещается в центре поляны. Усевшись на толстом бревне, несколько камаюра неторопливо растирают себя красной краской «уруку». Операция эта сопровождается музыкальным аккомпанементом: двое молодых парней играют на маленьких свистульках — «авижаре», сделанных из пяти связанных между собой тонких стеблей «такуарй». Я достаю магнитофон. Музыканты вопросительно смотрят на меня. В ход идут «карамело», и удовлетворенные гонораром парни, которых, как мне сообщил Галон, зовут Макарий и Карикий, с удвоенной энергией продолжают концерт. Потом Макари поет какой-то гимн, посвященный солнцу, луне и озеру Ипаву, где камаюра ловят вкусную рыбу. Затем оба певца по моей просьбе вновь берутся за «авижаре» и исполняют похоронный гимн племени, исполняемый во время обряда погребения.

Тут же, в нескольких метрах от «мужского клуба», находится и кладбище камаюра. Как и в остальных селениях Шингу, оно представляет собой небольшой прямоугольный участок поляны — метров восемь длиной и метра четыре шириной, огороженный низеньким частоколом из колышков, вбитых в землю. Когда индеец умирает, его тело, завернутое в принадлежавший ему гамак, опускают в узкую яму, метра в полтора шириной. Туда же укладываются украшения, которыми пользовался покойник, его лук и стрелы. Чтобы обеспечить покойнику максимальный комфорт, на его могиле оставляют миски с водой и пищей. Некоторые племена, впрочем, поступают иначе: имущество умершего по-братски делят между его соплеменниками. А иногда оно торжественно сжигается на костре.

Орlando рассказывал, что смерть индейца вызывает всеобщую тоску и печаль. Родственники и друзья погиб-

шего коротко остригают волосы и раскрашивают свои тела. Несколько дней продолжается безутешный плач, где роль запевал принадлежит старухам. Вдова же оплакивает супруга несколько месяцев. Лишь спустя год она может снова выйти замуж.

...Музыканты начали проявлять признаки усталости, и мы с Галоном попросили продемонстрировать нам стрельбу из лука. «Даже до далекой деревни карайба, — показывая на меня, говорит Галон, — дошли слухи о том, что камаюра являются самыми лучшими стрелками Шингу, что их луки — самые меткие и что их стрелы не знают промаха...» Я усиленно киваю головой. Краснокожие красавцы гордо улыбаются, кто-то из мальчишек бежит за луком и стрелами, а мы с Галоном нанизываем на сухой куст газетный лист.

И вот лук принесен. Карикари протягивает его нам. Первым пробует свои силы Галон. Он с трудом оттягивает тетиву, щурится, пытаясь прицелиться. Стрела нервно выскакивает и вонзается в землю, не пролетев и половины расстояния до цели. Камаюра радостно смеются.

Теперь настает моя очередь. Я робко накладываю оперение стрелы на бечеву, тяну тетиву и чувствую, что она оказалась упругой, как туго натянутая проволока. Руки дрожат, острие стрелы вихляется. О том, чтобы попасть в газету, не может быть и речи. Тем более что от напряжения руку свело, и кисть, вцепившаяся в оперение стрелы, не хочет разжиматься. Я опускаю лук, перевожу дыхание и собираюсь с силами. Потом снова прицеливаюсь, вернее делаю вид, что прицеливаюсь: с ученым видом знатока прищуриваю левый глаз и — будь что будет! — разжимаю онемевшую кисть правой руки.

Стрела робко юркнула куда-то в сторону, чуть не задев мальчишку, с нескрываемым наслаждением наблюдавшего за моими мучениями.

Радостный взрыв хохота сотрясает крышу «мужско-

го клуба». «Карамба не умеет стрелять, — заключает Карикари. — Теперь будет стрелять камаюра».

Царственным жестом он протягивает руку, берет у меня лук и, почти не целясь, пускает стрелу в цель. Увы, избыток оптимизма губит его: стрела проходит в полуметре над газетой и вонзается в землю метрах в десяти за кустом.

«Э-э, брат, — ухмыляется Галон. — Камаюра, оказывается, тоже... не того?»

Пожилой индеец, молчаливо наблюдавший за нами, с негодованием глядит на Карикари. Доброе имя племени и славные традиции предков поставлены на карту этим молодым хвастуном. Старик встает, подходит к смутившемуся парню, берет у него лук и что-то говорит мальчишке. Тот подает ему сразу три стрелы. Старик еще раз меряет холодным взглядом Карикари и поворачивается в сторону белеющей метрах в сорока от нас на кусте газеты.

Одна за другой свистнули три стрелы. Каждая из них прошла «Журнал до Бразил» точно посередине.

Не устаивая нас взглядом, старик, сопровождаемый радостными воплями соплеменников, отдает лук мальчишке и возвращается на свое место. Я наблюдаю за Карикари. Он явно обозлен. Мальчишка приносит стрелы, и Карикари, гордо подняв голову, пускает все три стрелы одну за другой. И все три теперь попадают в цель.

«Камаюра хорош, — гордо говорит Макари. И примирительно добавляет: — Карамба тоже хорош». Мы улыбаемся, молчим, и у меня появляется желание спровоцировать наших новых друзей на показательный матч по борьбе. Впрочем, я тут же соображаю, что они могут, как это было только что со стрельбой из лука, предложить и нам померяться с ними силами, и благоразумно подавляю в себе эту мысль.

Поблагодарив лучников и музыкантов, мы с Галоном отправляемся на поиски Марины и Марии. Поиски, впрочем, не сложны. Хижину, где расположился их летучий медпункт, легко определить с первого взгляда. У входа туда царит шумная суматоха. Мы подходим, протискиваемся внутрь и видим Марину, окруженную толпой женщин и детей. Она промывает нарыв у какой-то дряхлой старухи. Мария возится с мальчонкой лет шести; смазывает ему слезящиеся глаза какой-то мазью. Мальчишка доверчиво держится за подол ее платья.

Он спокоен, этот мальчуган. Он давно уже привык к этим девушкам, которые приезжают в деревню каждый месяц. Или чаще, если на пост Леонардо прибегает кто-нибудь и докладывает Орландо, что заболел какой-нибудь Такуни, или Таракуау, или Камалови.

Марина работает с Орландо уже семь лет. Семь лет!... «Похоронить себя в этой глуши?!» — всплывает в памяти сакраментальная фраза, которую произносят на всех языках мира заботливые мамы, узнающие о том, что их любимое чадо укладывает рюкзак, собираясь на рыбные промыслы Камчатки, на рудники Минас-Жерайса или в медвежий угол какой-нибудь Бретани.

«Похоронить себя в этой глуши?!» Что-то не верится, что Марина считает себя «похороненной». Она улыбается напуганной мамаше, отмахивается от вертящейся под ногами обезьянки, грозно сдвигает брови, стараясь показаться строгой, когда вертлявый малыш отказывается глотать микстуру. Мальчишка заливисто хохочет. Он не верит ей: он знает, что Марина не умеет сердиться, как Орландо, который иногда кричит и топает ногами. А Марина — нет, не умеет! Мальчуган убегает, так и не выпив лекарства. И Марина беспомощно опускает руки. Она знает, что настаивать бесполезно. И бесполезно звать к родителям: дети здесь ни в чем не знают запрета.

Потому что никогда их не касалась карающая рука разгневанного папашки. Никто их никогда не загонял в угол и не лишал лакомства. И может быть, именно потому эти дети почитают своих родителей куда больше, чем наши с Галоном отпрыски. Вот пожалуйста: этот вертлявый и «непослушный» сорванец возвращается с громадным манго в руках и вручает его Марине. А потом доверчиво раскрывает рот, вымазанный желтым соком пеки, и, скривившись, глотает микстуру.

И все-таки я хотел бы понять Марину. Ну ладно: Орландо и Клаудио — это особая статья. Существа, почти недоступные нашему пониманию. «Подвижники», «святые», «чудаки» — называйте их как хотите. Но Марина!.. Обычная девушка со своими девичьими мечтами и надеждами, со своим мирком радостей и горестей. С портретом любимого певца над солдатской койкой. С флаконом духов на тумбочке. С маленьким транзистором, который в долгие дождливые ночи связывает ее со всем тем, без чего, казалось бы, такая, как она, девушка обойтись не может: кино, подруги, весенние распродажи прошлогодних моделей по бросовым ценам, июньские праздники с яркими воздушными шарами, болтающимися в небе, февральские карнавалы, рождественские подарки.

Семь лет она живет здесь и не кажется «похороненной». Что это: истерика, дань моде подвижничества? Не то и не другое. Скорее — естественный выбор своего пути.

Осмотр кончается. Серьезных заболеваний нет. Нельсон может быть спокоен: он не прогадал, оставшись на пляже, ибо завтра ему не придется тащиться сюда. Перед тем как отправиться в обратный путь, Галон везет нас к знаменитому озеру Ипаву, до которого отсюда рукой подать. Штейнен упоминал о нем в своем дневнике: «Пребывание среди камаюра было удивительно прият-

ным. Этому способствовало прежде всего громадное озеро несравненной красоты, на берегу которого находилась их деревня. Это было место, где, если бы это было возможно, мы с удовольствием задержались бы на несколько месяцев и которое оставило в нашей душе самые радостные воспоминания...»

Педантичный немец был прав. И растрогался он отнюдь не случайно. Тихая красота Ипаву вызывает щемящее чувство при мысли, что ты видишь все это в первый и, увы, в последний раз. Что ты никогда больше не вернешься на этот бескрайний и пустынный песчаный берег, поросший высокой травой, и никогда не сможешь вновь окунуться в эту ласковую, багровеющую на закате воду.

Пока я предаюсь философским размышлениям, на тропе, ведущей к Ипаву, появляется молодая стройная женщина. На ее левом бедре сидит малыш, на голове стоит громадная кастрюля, которую она несет, даже не придерживая рукой. Это великолепный кадр. Я знаками прошу женщину: «Остановись!» Она невозмутимо продолжает свой путь. Я еще раз машу ей рукой, но она идет своей дорогой, не удастая меня хотя бы отказом.

Если бы в аппарате была пленка, я сфотографировал бы ее на ходу, но, как это всегда бывает в таких случаях, в тот самый момент, когда возникает неотложная необходимость щелкнуть затвором, пленка кончается, и аппарат нужно перезаряжать. Я отчаянно кричу молодой мамаше, прошу ее задержаться, но она продолжает идти своей дорогой, храня на лице все то же выражение, словно позаимствованное у «Незнакомки» Крамского. Кадр уходит, и я уже было смирился с несчастливой судьбой, но в этот момент к женщине подсакивает мальчишка. Тот самый, которого я чуть не пристрелил из лука. Выскочив из-за моей спины, мальчуган догоняет «Незнакомку» и что-то кричит ей весьма возбужденно. Он ее убеждает в чем-то, просит, настаивает. Я прислуши-

ваюсь и улавливаю два знакомых слова, которые сразу же все объясняют: «Караиба! Карамело! Караиба! Карамело!» — повторяет мальчишка несколько раз, перемежая эти магические слова каскадом сбивчивых фраз.

Сердце «Незнакомки» дрогнуло. Она, вероятно, тоже не может бороться с искушением: замедляет шаг, потом останавливается и, не теряя царственного выражения на спокойном лице, величественно поворачивается ко мне. К счастью, я уже успел перезарядить камеры! Поочередно хватая их, я щелкаю затворами, снимая эту юную богиню сельвы. Она терпеливо ждет, пока я кончу суетиться вокруг нее, потом подходит ко мне и спокойно протягивает руку. Я высыпаю ей горсть конфет и говорю: «Спасибо! Спасибо! Караиба — хороший, не надо бояться караиба!» А она, не дослушав меня, отворачивается и идет своей дорогой.

На обратном пути к нам снова подсел молодой чикао. Интересно было бы узнать, с какой целью наведывался он к камаюра. Любовное свидание? Или коммерческие дела? Впрочем, не было заметно, чтобы он выменял что-то: и туда и обратно он ехал с пустыми руками, если не считать карабина. Еще интереснее было бы узнать, откуда у него взялся этот карабин.

В разных деревнях Шингу встречается иногда оружие белых. Как правило, без патронов. Но всегда оберегаемое, как самая святая реликвия. Иногда это оружие — результат обмена. Или подарок какого-нибудь белого. Но чаще всего оно является военным трофеем. И, следовательно, памятником какой-то трагедии, разыгравшейся десять лет или десять недель назад. Вроде той, что произошла в этих местах в 1935 году, когда американский журналист Альберт Уинтон приехал в Бразилию, обуреваемый честолюбивой надеждой разгадать историю экспедиции Фосетта. Местные власти в Куайбе — столице штата Мату-Гроссу отказались разрешить ему

доступ в район Шингу. Тогда Уинтон решился на совсем рискованное предприятие: он направился сюда нелегально. Подговорил нескольких индейцев провести его по рекам мимо расположившихся на подступах к Шингу постов СПИ. Индейцы бакайри, давно уже поддерживавшие контакты с белыми, вывели его по рекам Батови и Куризеву к деревне куйкуру, где было несколько человек, понимавших португальский язык. У них-то Уинтон и начал выяснять, знают ли они что-либо о судьбе трех «караиба», прошедших несколько лет назад по этим местам.

Сейчас уже установлено почти наверняка, что Фосетта убили калапало. Тогда это еще не было известно ни Уинтону, ни вообще никому из белых. Но об этом знали почти все племена Шингу. Знали и предпочитали хранить тайну, опасаясь наказания. Куйкуру, разумеется, тоже знали, что трех караиба, о которых спрашивает этот пришелец, убили их соседи — калапало. И куйкура решили проводить Уинтона к этим калапало, не говоря ни самому Уинтону, ни своим соседям. Калапало удивились и испугались: этот странный гость настойчиво требовал открыть ему тайну исчезновения трех «караиба», которых калапало (в ответ на грубости и угрозы Фосетта) прикончили дубинками десять лет назад. А Уинтон, словно чувствуя, что разгадка близка, становился все более требовательным. Для него калапало были ключом к сенсационной разгадке, которая завтра потрясет мир. Но для калапало сам Уинтон был опасным чужаком, влезшим без спросу в их дом. Подозрительным, беспокойным и враждебным. Он хотел знать о «караиба», которых они убили давно и о которых сами не хотели вспоминать. Он ворошил прошлое, и в их душах разгорался страх: если этот чужак узнает всю правду, то не захочет ли он потом отомстить за смерть своих «соплеменников»? И поэтому они решили покончить с ним, чтобы избежать неприятностей. Уинтон должен был до-

рого заплатить за свою бесцеремонность, за беспокойство и тревогу, которые он породил. И калапало дали Уинтону сок маниоки. Тот самый первый сок маниоки... Помните: маниока выпаривается несколько раз на огне, чтобы уничтожить яд, содержащийся в ее корнях? Так вот, калапало дали Уинтону сок маниоки первого слива, до кипячения. Смертельно ядовитый...

Уинтон не знал этого и выпил. С того момента он был обречен.

И когда первые боли скрутили тело американца, калапало положили его в лодку и пустили вниз по реке. Он плыл по течению несколько дней, страдая все больше и больше, пока его не заметили камаюра. Они подобрали американца, не зная, в чем дело. Он страдал страшными болями в желудке, но еще мог говорить. Можно себе представить, как трудно было ему объяснить этим камаюра, что он хочет, чтобы его отвезли в лодке вниз по Шингу, где, как он знал, встречаются иногда хижины сборщиков каучука. Там, по крайней мере, он мог рассчитывать на помощь. За это он обещал камаюра отдать единственное, чем он мог с ними расплатиться: свой карабин. Но даже если камаюра поняли, чего добивался этот «карамба», они не смогли бы выполнить его просьбу. И не только потому, что до ближайшего участка реки, где он мог надеяться на встречу с серингейро, было около месяца пути на лодке. И не только потому, что камаюра опасались встречи с журуна, которые обитали в местах, через которые надо было бы пройти, чтобы добраться до селений «карамба». А прежде всего потому, что они не хотели подходить к местам, где обитают «карамба»: слишком они много натерпелись от сборщиков каучука, охотников, рыболовов, от беглых преступников и прочих авантюристов, скитающихся по сельве. Камаюра уже слишком хорошо знали, что от белого нельзя ждать добра. И они предпочли избавиться

от этого «караиба», который требовал, чтобы его везли далеко-далеко, на землю, где живут остальные «караиба». И камаюра убили Уинтона, выкинули его тело в реку и... взяли себе его карабин.

Вот такая история вспомнилась мне, когда я разглядывал старенькое ружье, которое чикао держал между коленями, подпрыгивая на задней скамейке нашего «джипа». Можно ли винить калапало за то, что они дали Уинтону ядовитый сок маниоки? Можно ли винить камаюра за то, что они поставили последнюю точку в конце этой авантюры, затеянной Уинтоном без соблюдения элементарных правил и норм, которые должен знать каждый вступающий в сельву? В конце концов калапало и камаюра находились на своей земле. И хотели только одного — чтобы их оставили в покое. Они не звали Фосетта, не звали Уинтона, не звали десятки, сотни и тысячи других чужаков, проникавших на их земли, беспокоивших их, убивавших их, загонявших их в резервации, чего-то добивавшихся, чего-то ищущих, чего-то требующих. Есть у бразильцев поговорка: «Если выходишь в дождь, не бойся промокнуть». Фосетт, Уинтон и иже с ними уходили в дождь, не взяв с собой зонтика. И при этом надеялись вернуться сухими.

Кстати, нам всем тоже хотелось вернуться сухими, и поэтому Галон ожесточенно нажимал на акселератор: на юго-востоке на небе показалась зловещая серая паутина, которая быстро наливалась свинцом и увеличивалась в размерах. Дело явно шло к дождю. «Джип» прыгал на кочках, девушки взвизгивали, уклоняясь от хлеставших по бортам машины веток. На обратный путь мы затратили вдвое меньше времени. Но торопились зря: как это часто случается в этих местах, тучи обошли пост Леонардо стороной, и дождь разразился лишь под утро. И какой дождь!..

Мы проснулись, окруженные водой со всех сторон.

Это было настоящее наводнение. Мои башмаки уплыли куда-то к громадному мусорному баку. У письменного стола Орlando, робко переступая с ноги на ногу, топталась печальная Ракель. На окне испуганно вскрикивал Педро, хранивший, очевидно, тягостные воспоминания о последнем ливне и не желавший новых испытаний. Зато блаженствовала и наслаждалась громадной лужей посредине «конторы» толстая черепаха, метра в полтора диаметром, которую загнали во внутренний дворик. Ее выловили вчера иолапити и приволокли в подарок Орlando.

Вода была всюду: хлестала сквозь дырки в потолке, сквозь щели в стенах. Бедный Кокоти носился с тряпками и вениками, не зная, что делать, куда бросаться в первую очередь. Из дверей «конторы» нельзя было различить даже пекизейру. Орlando качал головой, вспоминая о том, что «Арка» не успела уйти далеко, и если этот ливень настигнет ее, то парням придется туго. Нельсону было совсем плохо: вчера, пока мы ездили к камаюра, он злоупотребил пляжем и сильно сгорел на солнце. За ночь он успел простудиться и сердито двигал носом, склонившись над бестселлером сезона: «Обменявшиеся супруги» Апдайка. Марина поглядывала на его обожженную спину, и в глазах ее бегали ехидные огоньки. Потом с кухни прибежал Сабино. Пожаловался, что отсырели дрова. «Может быть, обойдемся сухим пайком?» Орlando крикнул на него раздраженно: «Никаких пайков! Обед должен быть в срок. И горячий!» Потом он сел к рации, и, как обычно, разговор с Сан-Пауло принес ему новые огорчения: оттуда сообщили, что борона, на которую так надеялся Орlando, не может быть куплена. Фирма запросила за нее четыре миллиона крузейро.

— Это грабеж! — стучал кулаком по столу Орlando, наклоняясь над трубкой. — Грабеж! Четыре миллиона!..

— А что тут особенного? — пробормотал свою люби-

мую присказку Нельсон. — Каждый хочет заработать. Ничего в этой жизни не дается за спасибо.

Орландо яростно швырнул трубку, ее подхватил Пиуни и продолжал разговор. Орландо подошел к нам с Галоном, потрясая кулаками:

— Четыре миллиона за борону! Вот мерзавцы! Как же может купить такую борону какой-нибудь частный земледелец, если мы, государственная, можно сказать, организация, не можем этого сделать?..

Потом он, круто повернувшись, схватил у Пиуни трубку и закричал:

— Алло, Сан-Пауло! Алло! Где вы там? Вот какое дело: пошлите этих дельцов с их бороной к... одним словом... алло! алло! Где вы там провалились? Так вот: тут мы получили плуг от фирмы из Мосуэто. Очень хороший плуг. И недорогой! Так нужно запросить эту фирму... слышите?.. нужно запросить эту фирму: может быть, она делает для нас и борону, а? По дружеской цене. Алло? По дружеской цене, говорю! Спроси, сделают ли они нам эту борону?.. Только она должна быть простой, слышишь? Очень простой. Такой простой, что даже может не быть бороной, понял? Просто кусок железа, привязанный к ноге осла! Понял? Осла, говорю. Кусок железа, привязанный к ноге осла! Больше нам тут ничего не надо. Чем проще, тем лучше! Что еще? Больше ничего?.. Как у вас там, в Сан-Пауло, с погодой? Дождь?.. Не говори глупостей! Разве у вас дождь? Знаю я эти ваши дожди! Вот у нас тут дождь, так это дождь!..

Он долго еще кричал в трубку, ругался, а за окном все лил и лил нескончаемый, беспросветный, как они говорят в Шингу, «белый» дождь. Он действительно был белым: не было видно ни туч, ни горизонта, ни неба, ничего. Белая пелена тумана и воды, казалось, окутала всю планету.

Мы стояли в дверях с Гарсией и Галоном, курили

мокрые вонючие сигареты и глядели в этот тоскливый белый туман. Гарсия снова пустился в воспоминания о приключениях своей бродячей лесной жизни. Как ловил он с индейцами семиметровую анаконду. Как спасался от лесных пожаров. Как чуть не погиб на каком-то гаримпе, когда индейцы напали на золотоискателей.

— Почему они напали? — спросил Галон. И услышал в ответ, что гаримпейрос за две недели до этой атаки изнасиловали двух индейских женщин...

«Главный строитель» Бенедито раздраженно шагал из угла в угол. В отличие от Гарсии, который был рад лишней возможности побездельничать, Бенедито страдал: он не мог сидеть сложа руки. Сегодня с утра он должен был начинать капитальный ремонт кухни. И вот дождь....

Марина побежала в изолятор провести Униранью. Там опять все было залито водой. Девочка лежала, глядя в потолок, и слушала какую-то сказку, которую ей неторопливо рассказывал Клаудио. Он прилетел рано утром из Диауарума на самолете Гарсии. Время от времени Униранья протягивала руку, лезла под подушку, доставала кусочек «бижу» и, стараясь не уронить ни крошки, бережно опускала в рот. Она еще не знала, что Нельсон решил взять ее с собой в Сан-Пауло. Через пару дней с севера должен был проходить военный самолет, на котором собирались улетать отсюда все мы: Нельсон с девочкой, я и Галон, у которого уже кончался отпуск.

Дождь обещал быть долгим, и лучшего момента для обстоятельной беседы с Орландо найти, пожалуй, было невозможно. Я затащил его в «кают-компанию» — к Марине, которая в соседней комнатке чинила чью-то рубашку. Мы уселись у обеденного стола, поставили пепельницу и бутылку кайпериньи. Я достал микрофон, нажал кнопку и задал первый вопрос...

ИНДЕЙЦЫ И «КАРАИБА»

РАССКАЗ ОРЛАНДО О ТОМ, ЧТО ЗА ЛЮДИ ИНДЕЙЦЫ

— Орландо, я начну с одного из самых сложных и вместе с тем одного из интереснейших вопросов, на который, как мне кажется, никто, кроме вас с Клаудио, не сможет ответить.

— Неужели никто?

— Да, никто. Потому что речь коснется области, познать которую может только тот, кто долгое время живет бок о бок с индейцами. А никто ведь не жил с ними столько, сколько вы с Клаудио, не правда ли?

— Да, пожалуй. Но и в Бразилии, и в других странах работают большие ученые, которые знают то, чего не знаем мы.

— Согласен. Такие ученые существуют. Одни из них прославились знанием индейской мифологии, другие изучают орудия труда, третьи — племенные обряды. Все это важно и интересно. Но вряд ли кто-нибудь из самых квалифицированных академиков и самых авторитетных профессоров сможет ответить на вопрос, который я сейчас задам, с той компетентностью и знанием дела, с которой ответят на него братья Вилас-Боас: что можно сказать о духовном мире индейца? Каковы его особенности? Чем отличается от наших его мораль и этика? Что такое «хорошо» и что такое «плохо» в их понимании? Можно ли утверждать, что мы их обогнали и в этой области? И если обогнали, то сколь сильно?

— Не нравится мне этот вопрос.

— Почему?

— Потому что он выражает распространенное мнение: мы — это «цивилизованное общество», а индейцы —

это носители «примитивной» культуры. Отсталые, убогие, дикие. Первый европеец, увидевший первого индейца, уже подумал про себя: «Вон идет дикарь». Сам он, европеец, считал себя, разумеется, представителем высшей культуры. «БЕЛОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ!» И со времен Колумба все мы так и продолжаем думать до сих пор. А это неправильно! Потому что индейскую культуру нельзя считать «низшей», «примитивной», «отсталой». Она не «примитивная», а «параллельная».

— «Параллельная» по сравнению с нашей?

— Именно! Их жизнь ничуть не похожа на нашу. У них свой взгляд на мир, свои особые представления, совершенно отличные от наших этические нормы и обычаи, свои собственные, недоступные нашему пониманию взаимоотношения. Я бы даже сказал, что мы не имеем права оценивать их мораль, их культуру и этику, исходя из собственных представлений и норм. По-моему, вообще нельзя судить какую-то иную культуру, целиком руководствуясь принципами нашей культуры. И все же я попытаюсь ответить на этот вопрос.

Начнем с того, что признаем: «примитивные» индейцы добились кое-чего, чего не добились мы, «цивилизованные люди». И знаешь, чего? Равновесия. Гармонии. Социально-экономической устойчивости своего общества. Конечно, нам этого добиться гораздо труднее, потому что наша жизнь, наши социальные отношения неизмеримо более сложны. В то время как их мир куда более замкнут. И все же нельзя не позавидовать равновесию, которого они достигли.

— В чем оно заключается?

— Индеец имеет все, что ему нужно. Все! Пища, посуда, орудия охоты и труда — все это рождалось, изобреталось когда-то очень давно и совершенствовалось затем на протяжении долгих веков. И вот настал момент, когда индейское общество достигло какого-то оптимального

уровня развития: орудия их труда были усовершенствованы до такой степени, до какой это было необходимо, чтобы удовлетворить все их основные нужды и запросы. И тогда развитие прекратилось. Именно прекратилось! Я утверждаю, что сегодня индейцы живут точно так, как тысячу лет назад, они строят сегодня свои малоки, ловят рыбу, плетут гамаки, мастерят луки и стрелы, расписывают свои тела и пекут «бижу» из маниоки*.

Почему так получилось? Да потому, что они нашли какие-то идеальные по тем временам решения для всех своих проблем и остановились на этом. Научились преодолевать трудности, подчинили себе — до известной степени, конечно! — природу, выработали определенные социальные отношения, и это их вполне устраивает. Они научились брать от природы ровно столько, сколько им нужно.

Более того, я утверждаю, что индеец в рамках своей культуры, своего общества развит куда более, чем наш бразильский «кабокло» — крестьянин внутренних районов страны. Индеец не только лучше приспособился к условиям среды, но и обладает развитым чувством ответственности перед семьей и своим коллективом — племенем.

В своих деревнях, например, они живут в куда более гигиенических условиях, чем многие жители городских кварталов, не говоря уже о наших деревнях или фавелах. Они уживаются с сельвой, преодолевают все ее трудности и опасности куда лучше, чем наш крестьянин, попадающий в такие же условия.

---

* Это мнение Орlando расходится со взглядами большинства антропологов и этнографов, полагающих, что развитие индейского общества не замерло, а продолжается, хотя и гораздо более медленными темпами, чем прогресс нашей культуры (И. Ф.).

Индеец не оравлен жаждой накопления, обогащения, как многие из нас: он сеет ровно столько, сколько ему нужно для пропитания своей семьи. И питается лучше, чем многие из бразильских бедняков. Он не копит вещи и деньги. Не работает чрезмерно, но и не знает выходных. Когда мы впервые пришли в сорок третьем году в район Ронкадор, мы увидели там шавантес: три тысячи человек — целое государство! — живущих в самом негостеприимном районе Центральной Бразилии. И мы встречали среди них стариков по восемьдесят-девяносто лет, когда вокруг — в близлежащих селах средняя продолжительность жизни никогда не превышала тридцати пяти лет. И что самое поразительное: у этих стариков, не говоря уже о молодых, сохранялись все зубы до одного! И не было никаких болезней. Мы видели людей здоровых, статных, внушающих зависть своим видом.

Но пойдём дальше. Любoй индейский ребенок уже лет с десяти отлично знает историю своего племени, все обряды, верования и приметы. Он знает все, что полагается знать взрослому индейцу, вплоть до мельчайших подробностей ритуала, с которым он будет погребен после смерти. Он настолько приобщен к жизни племени, настолько социально воспитан, что ему и в голову не придет нарушить какие-либо из норм, регулирующих жизнь племени или своей семьи.

А мы?.. Кто из нас уважает нашу мораль, наши обычаи, нашу выработанную нами же самими этику? Мы, «цивилизованные» люди, выполняем эти нормы только потому, что ощущаем давление власти. ВЛАСТИ! Индеец — нет. Он воспитан в таком духе, что исполнение традиций и норм, подчинение каким-то условностям стало для него не обязанностью, как для нас, а чем-то само собой разумеющимся.

Конечно, это не означает, что у них не бывает «выживших». Встречаются и среди них лодыри, бездельники, во-

ришки, хотя и реже, чем среди нас. И бывает, например, так, что вор вынужден возвратить украденное.

— Его заставляют?

— Нет. У них никто никого ни к чему не принуждает. Предположим, какой-нибудь камаюра стащил пару початков кукурузы с делянки своего соседа. Его не станут шумно судить за это! Не станут кричать, размахивая руками: «Держи вора!» Все будет сделано спокойно и просто: один из самых уважаемых старцев, спокойно прогуливаясь вечером по деревне и ни к кому конкретно не обращаясь, прочитает для всего племени небольшую лекцию о славных традициях племени, о его высоком «моральном облике», об уважении, которым он пользуется у соседей. Он будет говорить, повторяю, абстрактно, рассуждать о великих предках, о героическом пути отцов. И где-то мимоходом вставит фразу о том, что, к сожалению, вопреки этим славным традициям сегодня утром с плантации такого-то пропали два початка кукурузы. И все! Он ни в коем случае не назовет имени провинившегося. Это было бы неприлично. Он не станет даже приводить никаких «компрометирующих материалов», которые могут оскорбить своего соплеменника. И очень часто бывает так, что после этого призыва вор-ишка возвращает несчастные початки. Незаметно кладет их на место, чтобы хозяин на другой день обнаружил их.

— А если не обнаружит?

— А если и не обнаружит, то все равно не станет поднимать скандал. Но, впрочем, такие случаи очень редки. Потому что, как я уже сказал, индейцы обычно имеют ровно столько, сколько им нужно. И не стремятся к накоплению.

Правда, и здесь бывают исключения. Некоторые семьи иногда создают накопления сверх личного потребления для того, чтобы затем использовать их для каких-

то определенных целей. Например, они могут предложить излишки своей маниоки соседям с просьбой устроить им нечто вроде «концерта»: станцевать, спеть. Иногда семья убитого индейца в обмен на несколько початков, например, кукурузы «нанимает» «мстителя», который должен будет в соответствии с правилами «кровной мести» разыскать преступника и свести с ним счеты.

— А существуют ли у них какие-то религиозные представления?

— У индейцев нет единого божества, вершащего судьбами мира. Вместо этого у каждого племени имеется культ «героев»: выдающихся предков, прославившихся в какой-то области их жизни или деятельности. Например, в войне. Кроме того, в их воображении живут многочисленные покровители. Покровители огня и охоты, рыбной ловли или хижин. Есть специальный покровитель, к которому они взывают, когда кто-то из них заболевает. Связь с этими покровителями осуществляется через «паже».

— Что это такое?

— «Паже» — это характернейшая фигура любого индейского племени. Нечто вроде колдуна, медика, заклинателя, руководителя и организатора различных церемоний и обрядов. «Паже» обычно делит власть с вождем племени. Чтобы стать «паже», индеец должен доказать, что он получил эту миссию с благословения великих предков своего племени. В каждой деревне есть несколько «паже», и каждый из них должен быть, если можно так выразиться, симпатичен: обладать красивой, видной внешностью, гордой осанкой, он обязан уметь выполнять все обряды и ритуалы. Возраст здесь роли не играет. Бывают авторитетнейшие двадцатилетние «паже». А встречаются среди них не слишком уважаемые, растерявшие свой авторитет старики.

Иногда какой-нибудь «паже» превращается в колдуна. Так случается, когда он плохо лечит, когда в нем разочаровываются, перестают его вызывать к больным. Тогда он и объявляет себя колдуном. Это обеспечивает ему более или менее сносный заработок: колдуна все боятся. Он может обходить деревню, держа что-то в кулаке, и его будут наделять подарками, задабривать, чтобы он не напустил на них какую-то болезнь, проклятие или несчастье. Рано или поздно, однако, карьера колдуна обрывается: кто-то из умирающих возлагает на него вину, утверждая, что колдун напустил на него «проклятие». И тогда колдуна убивают. Обычно он знает об этом заранее и спокойно готовится встретить смерть: расширяет себя соответствующим образом и ждет.

— Чего?

— Смерти. Удара «бордуны», который неминуемо последует в какой-то вечер.

— Ну, а «паже», как они лечат больных?

— Колдовством, внушением: «паже» появляется у постели больного разряженный и размалеванный, танцует, кричит, стремясь испугать «злых духов», делает всевозможные движения руками над телом больного. Хватает рукой заболевший орган и начинает кричать, делая вид, что удаляет болячку или хворь. Иногда, если болен кто-нибудь из более состоятельных индейцев или вождь, «паже» собирает «консилиум» — зовет своих коллег, которые получают, кстати сказать, «гонорар». Иногда продукты, иногда даже такую дорогую вещь, как ожерелье из ракушек.

— Часто приходится читать, что у индейцев существует нечто вроде «культа Солнца» или «культа Луны». Это правда?

— Ничего подобного: в отличие от католических святых «герои» индейцев всегда конкретны, всегда наделены какими-то определенными «функциями». Обычно они

«помогают» в строительстве хижин, в ловле рыбы, лечении больных.

Я упоминал, что у каждого племени имеются свои «герои». Однако существует один «герой» «универсальный»: ему поклоняются все племена Шингу. Это Майвутцинин — прародитель индейцев. Считается, что он жил на «священной земле»: в том месте, где Шингу берет свое начало от слияния Ронуро и Кулуэне, находится очень красивый пляж «Морена». Именно там, как утверждают легенды племен Шингу, Майвутцинин положил начало миру. Создал Солнце, Луну и людей. Хороших и плохих.

— А существует ли у них собственность?

— Да. Во-первых, племенная. Я бы назвал ее «зоной влияния». Например, камаюра живут на берегу озера. Оно считается их собственностью, и другие племена не имеют права там показываться. Правда, такие «зоны влияния» далеко не всегда устанавливаются поблизости от деревень. Ваура, например, живут на берегу реки Ронуро, но не имеют права ловить в ней рыбу, потому что эта река тоже «принадлежит» камаюра, находящимся в нескольких километрах от нее. Те же камаюра, обитая по соседству с рекой Кулизео, никогда не ловят в ней рыбу, потому что она является «собственностью» куйкура. Иолапити имеют три небольших озера на правом берегу Туатуари, и никто, кроме них, не смеет совать туда нос.

А вот территория нашего поста считается «интернациональной» — она принадлежит всем племенам Шингу. Есть и еще одна «экстерриториальная» точка: тот самый пляж «Морена», о котором я только что сказал.

— А помимо племенной, существуют другие виды собственности?

— Только личная. Правда, у них нет, как у нас, собственности на землю. Если в этом году какая-то семья

засеяла делянку, то она принадлежит ей. Но если на следующий год эта семья не засеет ее, то любой другой имеет право занять эту плантацию и будет считаться ее хозяином. Поэтому индеец является собственником не земли, а того, что он взрастил на ней.

В отношении же предметов личного обихода разграничение собственности очень строгое: женщина никогда не станет даже прикасаться к вещам мужа и наоборот. Если, например, муж отсутствует, жена не имеет права дать соседу его лук взаймы. Муж, в свою очередь, никогда не сделает этого с ее мисками.

Во время «мойтара» — торгового обмена между деревнями — индейцы обмениваются только предметами личной собственности. Мужчины предлагают луки и стрелы, ножи или дубинки. Этот процесс, кстати, происходит чинно и спокойно, тогда как женщины со своими мисками и кастрюлями суетятся, шумят, спорят и даже опускаются до того, чего себе никогда не позволит мужчина: они могут иногда ругать и охаивать предложенные к обмену вещи и предметы своих «конкурентов».

— Так бывает не только у индейцев.

— Да, женщина — она везде женщина, — ухмыляется Орландо. — В соответствии с такими же принципами распределяются и семейные обязанности: жена делает свои дела, муж свои. То, что положено делать женщине, мужчина никогда делать не станет. И наоборот. Никогда ты не увидишь индейца, несущего сосуд с водой: это обязанность женщины. Мужчина колет дрова, а несет их в хижину женщина. Мужчина сажает маниоку, выкапывает ее, но перетаскивает урожай в хижину и возится с этой маниокой только женщина. Мужчина ловит рыбу, а варит ее женщина. Именно варит. Потому что если возникает необходимость зажарить рыбу, то это уже мужская обязанность. Ибо это занятие связано с вытесыванием вертела, что тоже дело мужское. Короче го-

воря, все у них расписано до мелочей: весь быт, вся их жизнь.

Поэтому даже брак для них — это не только союз двух любящих существ, а в известной мере экономическая необходимость. Ведь удел одинокого индейца очень тяжел: он не может варить рыбу, не имеет права готовить себе пищу и выполнять целый ряд других работ. Кто же это будет для него делать? Ну пока он молод — мать. Если он овдовел в старости, его будут содержать взрослые дети. А когда лишается жены взрослый бездетный мужчина, то ему волей-неволей приходится подыскивать себе новую подругу. И наоборот: как может прожить одинокая женщина, если она не имеет права ловить рыбу или охотиться? Кто ей наколет дров для костра? Кто принесет рыбу? Она ведь не может ее где-то «купить».

Но это я пока рассказал тебе о взаимоотношениях между мужем и женой. Еще более интересно наблюдать за отношениями между более отдаленными родственниками. Приведу такой пример: скажи, ты как живешь со своей тещей?

— Хорошо. Даже отлично.

— Ну, допустим, я тебе поверил. А сколько у нас зятьев не уживается с тещами? Сколько сложено на эту тему анекдотов? А вот у индейцев ничего подобного быть не может: муж испытывает поистине священный трепет перед родителями жены. Он, например, даже не имеет права обращаться к отцу своей жены, если тот его не позовет. И никогда не называет его по имени.

— Почему?

— Потому что это неприлично и оскорбительно. Это свидетельствовало бы о неуважении! В разговоре индеец может сказать только так: «Отец моей жены поймал столько-то рыб». И все! Больше того: он никогда даже не смотрит ему или теще в глаза, чтобы не оскорбить

непочтением! Смотрит в землю. Стоит перед тещей с опущенной головой.

— Существует ли какое-то объяснение этому?

— Конечно. У индейцев всему имеется объяснение. В данном случае дело в том, что, выдавая дочь замуж, родители сохраняют на нее право собственности. В любой момент, почувствовав, что зять плохо обращается с его дочерью, отец может забрать ее обратно. И муж не имеет права протестовать, даже если они с женой прожили много лет и у них уже имеются дети.

— Представляю себе, какие результаты дало бы внедрение этого обычая в нашу жизнь!

— Думаю, что это защитило бы права женщины лучше, чем иные кодексы и своды законов о семье и браке.

Но это еще не все. Мы могли бы позавидовать и другому их обычаю: если отцу жены зять понравится, то он может отдать ему вторую дочь или даже третью. И зять не имеет права отказаться от этого «подарка».

— Значит, браки всегда планируются родителями?

— Далеко не всегда. Бывает, конечно, что родители договариваются поженить своих детей. Иногда это происходит, когда возраст «невесты» — два-три года, а «жениха» — лет семь-восемь. Они в этом случае, разумеется, дожидаются совершеннолетия. Но обычно эти вопросы решаются, так сказать, непосредственно заинтересованными сторонами. Понравились друг другу, «поухаживали», «подружились» — называй это как хочешь — и поженились.

— У них, стало быть, тоже существует это «ухаживание»?

— Да, но без свойственных нашей молодежи «эксцессов».

— Ну а существует ли у них какой-то обряд или церемония, которую можно сравнить со «свадьбой»?

— Пожалуй, нет. Иногда, если брак заключается

между членами двух близких, дружащих между собой семей, родители могут устроить что-то вроде праздника. С танцами, пением. Но в большинстве случаев обряд «бракосочетания» сводится к тому, что девушка переносит свой гамак в хижину жениха. И все. Я подчеркиваю, что речь идет о племенах Шингу, потому что в других районах индейские обычаи иногда отличаются от здешних. Кое-где, например, муж идет в хижину к жене.

— А родителям жены нужно выплачивать какой-то выкуп?

— Да. Молодой муж, во-первых, обязан подарить своему тестю «урапей» — бусы из ракушек. Это очень дорогой подарок. Чтобы сделать такие бусы, юноша затрачивает несколько месяцев: подбирает самые тонкие и чистые ракушки, полирует их, аккуратно нанизывает на ниточку, тщательно подгоняя друг к другу.

Затем около полугода он обязан помогать своему тестю на плантации. Кошет теще дрова. Да и впоследствии периодически приносит родителям жены разные подарки. Наловив рыбу, например, он притаскивает самую жирную рыбину в хижину тещи. При этом, напоминая, он с ней не имеет права разговаривать, не глядит на нее, а молча кладет подарок близ ее гамака и тихо удаляется, не дожидаясь благодарностей и восторгов. Много ли у нас, в нашем «цивилизованном» мире, таких зятьев?

— Ну а возвращаясь к «подарку», который может ему сделать тесть: он свидетельствует о том, что у индейцев развито многоженство?

— Нет, я бы не сказал, что оно «развито». Так случается, но очень редко. Хотя браки заключаются по любви, но в общем-то индеец рассматривает жену как завоевание «экономическое», жена выполняет те работы, которые он сам делать не может. Поэтому, хотя многоженство и не развито, индеец в принципе может иметь

две-три жены. И это зависит не столько от доброй воли свекра, сколько от способностей самого индейца. Я, конечно, имею в виду его способность экономически содержать двух или нескольких жен: добыть для них пищу, наловить рыбу в достаточном количестве и так далее.

— Знакомы ли здесь ситуации, которые мы привыкли именовать «супружеская неверность»?

— Бывает, хотя и не так часто, как у нас. Когда такой грех случается с мужем, жена бьет его и таскает за волосы. При этом он не должен сопротивляться и обязан громко хохотать, демонстрируя свою силу воли. Если же с поличным попадает жена, то и ей перепадает достаточно. Иногда случается, что сам отец ее является с просьбой к зятю «поучить» заблудшую дочь. Мужчина при этом не опускается до зверств «цивилизованного» человека: он не убьет жену, не пристрелит ее, не изуродует, а отлупит луком по спине и... по общеизвестному месту. Но не очень сильно, чтобы не осталось следов. В отличие от мужа жена при этом должна громко рыдать, крича так, словно ее убивают. Обычно сразу же после такого «урока» в семью возвращается мир, и на следующий день супруги как ни в чем не бывало занимаются решением своих повседневных проблем.

— А существует ли у них развод?

— Существует, к беспредельной зависти остальных бразильцев, которые, как ты знаешь, не располагают этим правом вторично попытаться счастья.

Обычно разводятся тогда, когда после двух-трех лет супружества не рождаются дети. Расходятся они мирно и обзаводятся новыми супругами. Но бывает и так, что семейная жизнь не клеится из-за «несходства» характеров. Бывает, супруги повздорят, тогда жена забирает свой гамак и отправляется в хижину родителей. При этом муж не должен бежать за ней

следом, угрожая или вымаливая прощения. Это неприлично.

Иногда, если жена уж очень рассержена на своего супруга, она может даже поджечь его гамак. И однажды случилось, что какая-то разгневанная красавица из племени ауэти совершила этот обряд, не желая обратить внимания на мирно храпящего в гамаке супруга. Бедняга проснулся достаточно быстро, чтобы не сгореть живьем, но достаточно поздно, чтобы утратить бодрое расположение духа. И что он сделал, как ты думаешь? Он не бросился вдогонку, не накинулся на супруга с кулаками, а вышел в центр деревни и обратился с взволнованной речью к соплеменникам, которые корчились от смеха в своих хижинах. Он сказал примерно следующее: «Как вам это понравится? Нет, я вас спрашиваю: как вам это понравится? Эта женщина, которая даже не умеет испечь съедобного «бжу», которая способна ревновать своего мужа чуть ли не к макакам, скачущим по деревьям, но совершенно не способна удовлетворить его нормальные мужские запросы, эта женщина сошла с ума! Я больше не живу с ней!»

— Таким образом, семейные отношения у индейцев характеризуются полной свободой?

— Да.

— А взаимоотношения внутри племени? Кто руководит жизнью деревни, кто организует выполнение коллективных работ, таких, как посев, например, или строительство малок? Иными словами, если условно считать племя отдельным государством, то как управляется это государство? Кем управляется? Какие аналогии и ассоциации с известными нам формами управления напрашиваются у иолапити или чикао? Можно ли уподобить их «монархии» или «республике»?

— Спрашивая это, ты совершаешь традиционную ошибку всех, кто впервые сталкивается с миром индей-

цев и пытается распространять на них наши взгляды и представления. Мы, белые, не ~~можем~~ обойтись без президентов, премьер-министров, **без** полицейских или судей. И искренне верим, что индейцы тоже не могут обходиться без этого! Мы наделяем их вождей властью, которой они не располагают и которая существует лишь в нашем собственном представлении. А они спокойно обходятся без королей и полицейских, без всего того, к чему мы привыкли, без чего мы, «цивилизованные», обойтись не можем.

Нет, индейское племя нельзя рассматривать как государство. Я бы даже сказал, что у них не существует «коллектива» в нашем понимании этого слова. Потому что все работы, выполняемые одновременно несколькими членами племени или всем населением деревни, только кажутся коллективными. На самом же деле хозяйство индейцев сугубо личное, индивидуальное, замкнутое в рамках семьи. И, мне кажется, именно поэтому индейцы лучше нас знают, что такое настоящая свобода личности. Почему? Да потому, что у них отсутствуют какие бы то ни было проявления власти одного человека над остальными, нет никаких «командиров», «начальников», никого, кто стал бы руководить, управлять, распоряжаться. Никого! Индеец делает только то, что он хочет. Отправляется на рыбную ловлю, на охоту или плантацию тогда, когда считает нужным. Никто не заставляет его делать какую-то работу, не приказывает ему и не запрещает что-либо.

Единственная область их жизни, где существуют общественные церемонии и сознательное повиновение установившимся традициям, — это их религия. Выполняя обряды, ритуалы, исполняя танцы, они, естественно, прислушиваются к голосу «паже» и руководителей этих церемоний. Но и тут они рассматривают «паже» отнюдь не как «начальника», не как «командира», а как истол-

кователя воли предков, традиций и обычаев. Не более того.

— Ну а вожди племен? Разве нельзя их сравнить с монархами?

— Ни в коем случае! Никакой вождь в Шингу не обладает той властью, которую имеет король или, допустим, президент. Если предположить, что вождь иолапити Канато вдруг выйдет на середину деревни и станет повелевать, требовать, попытается, например, приказать племени идти на рыбную ловлю, индейцы даже не рассердятся на него. Они этого не поймут, они начнут смеяться, расценив это как шутку.

— Но, Орландо, существуют же десятки видов работ, которые могут выполняться только коллективными усилиями при чьем-то руководстве! Строительство хижины, например, или расчистка и выжигание сельвы под плантацию! Кто-то должен ими руководить? Ведь даже для того, чтобы повалить дерево, нужно, кому-нибудь кричать нечто вроде «раз, два, взяли!».

— Совершенно верно. Но делается это не так, как у нас. Возьмем, например, переезд деревни на новое место. Если вождь попробует единолично скомандовать, чтобы племя собирало свое имущество и отправлялось куда-то прочь, индейцы, как я сказал, засмеются. Потому что они знают: вождь единолично такие вопросы не решает. Для этого в каждом селении существует нечто вроде совета старейшин. Старики собираются вместе с вождем, обсуждают, взвешивают все «за» и «против»: «стало мало рыбы в реке», «маниока на плантации становится все более хилой». И если принято решение переезжать на новое место, вождь на следующее утро от имени старейшин обращается к деревне с речью.

— Значит, он все-таки «оглашает приказ»?

— Нет, это не «оглашение приказа» и не объявление решения. Он просто сообщает мнение старейших и муд-

рейших соплеменников. И делает это учтиво и деликатно. Он говорит, что в последнее время жить на старом месте стало труднее. Что несчастья преследуют «наше славное племя». Что много достойных сынов умерли в этой деревне, на этом месте, а следовательно, какое-то проклятие, какое-то зло витает между малоками. И что обычно в таких ситуациях принято переезжать на новое место во избежание еще больших бед. И ежели многоуважаемые сограждане сочтут возможным согласиться с мнением старцев, то старцы имеют на примете в качестве одной из возможных альтернатив уютную полянку, находящуюся в трехдневных переходах вниз по течению реки.

— А дальше, что: голосование? Плебисцит? Или обсуждение?

— Нет, — засмеялся Орlando. — В том-то и заключается один из непонятных нам парадоксов их жизни: весь этот обряд является сугубо формальным. Никто — причем и вождь, и старцы знают об этом заранее! — никто из соплеменников не станет возражать, спорить, не станет даже вносить контрпредложения или поправки, никто не попытается оттянуть переезд «до будущей Луны».

— Но почему?

— Потому что пожелания «паже» и стариков рассматриваются как «голоса свыше», точнее говоря, как завет предков, как выражение воли «героев» и «покровителей» племени. А «паже» являются в глазах индейцев только выразителями, «передатчиками» или «проводниками» этих сверхъестественных сил, этой воли «героев» и предков. И никто никогда не осмелится противиться этим силам.

— Таким образом, «демократия по форме» обращается в «диктатуру по существу»?

— Можешь называть это так, если хочешь, но не за-

бывай, что индеец повинуется не личностям, а догмам. Не вождам, а своим собственным представлениям о сверхъестественных силах, о традициях, о заветах предков. «Паже» для него, повторяю, не начальники, а толкователи сверхъестественных сил, знатоки традиций, которые играют колоссальную роль в жизни индейца. Не только праздники и церемонии, но и вся обыденная повседневная жизнь деревни повинуется традициям, устанавливавшимся и шлифовавшимся веками. В индейской деревне не происходит и не может произойти ничего, что не было бы предусмотрено этими традициями. Если не считать, разумеется, стихийных бедствий или нападений соседних племен.

— Понятно: «паже» «истолковывают традиции», олицетворяют волю предков и решают, что нужно переезжать на новое место. Но вот племя двинулось в путь, прибыло на новую поляну и приступает к строительству хижин. Разве здесь не нужны руководители? Разве соорудишь малоку в одиночку, без помощи родственников или соседей? Значит, кто-то должен расставить людей, распределить между ними обязанности, организовать трудовой процесс, не правда ли? Кто же это делает?

— Для этого у них есть «шефы церемоний», назовем их условно так. Это не вожди и не «паже». Это специалисты по выполнению конкретных работ, определенных операций или церемоний. К примеру, после окончания дождей они проводят праздник «куаруп». «Паже» от имени предков решают, когда и где его провести. А организация самой этой церемонии — расстановка людей, объяснение, кто и как танцует, кто делает те или иные эволюции, кто играет на флейтах, кто одевает те или иные маски — все это осуществляют «шефы церемониала», «специалисты» по «куарупу». В каждой деревне есть такой специалист. Он расставляет своих людей и говорит им: «Начнем, когда солнце окажется над

тем деревом. Когда я выйду на середину круга, ты, такой-то, должен начать танец, а ты, такой-то, должен пойти от этой хижины к лесу...»

Еще раз повторяю: этот «специалист» по «куарупу» отнюдь не толкователь «религиозных догм». Он не выбирает предка или героя, которого будут чествовать завтра вечером: это делает «паже». Он, этот «специалист», лишь организует ритуал от начала до конца.

— Такие же «организаторы» и «дирижеры» существуют и для других процессов и работ?

— Совершенно верно! В этом отношении индейское общество поражает своей организованностью: в каждой деревне, в каждом племени имеются десятки таких «специалистов» узкого профиля, десятки мастеров высшей квалификации, в совершенстве знающих свое дело, какое-то ремесло или церемонию. Поэтому я утверждаю, что индейская деревня организована куда лучше, чем деревня наших «цивилизованных» крестьян-«кабокло», живущих в аналогичных условиях. Возьми любой наш провинциальный муниципалитет: какие он имеет элементы государственности и социальной иерархии? Во-первых, префекта. Во-вторых, полицейского. В-третьих, священника. Кого еще? Кое-где — в крупных муниципалитетах — может оказаться судья. И это, пожалуй, все. А у индейцев? Кроме вождя и «паже», у них в каждой деревне имеются эти «специалисты», эти «шефы церемоний», поддерживающие своими знаниями, своим мастерством высокий уровень материальной и духовной культуры племени и обеспечивающие ее преемственность от поколения к поколению.

Вот ты, например, упомянул о строительстве малоки. Правильно, в каждом племени есть «главный конструктор» — «специалист» по строительству малок. Это консультант. Именно консультант, а не «начальник строительства». Формально ему никто не повинуется, никто

не обязан слушать его советов. Но все слушают. Почему? Потому что все знают: лучше его в строительных проблемах никто не разбирается. Когда семья начинает строить малоку, его немедленно приглашают в качестве советчика. Если он говорит, что эта палка не годится, что она тонка и сломается под тяжестью кровли, разговор окончен. Палку выбрасывают.

Есть у них, например, специалисты по рыбной ловле. Вон посмотри: видал мальчишку? Тот, что пошлепал сейчас на речку, пользуясь тем, что дождь окончился? — Орlando машет рукой в окно. Там, под косогором, обрывавшимся к Туатуари, скрывалась в эту минуту голова мальчонки, которого я и вправду ежедневно видел сплывшим от речки к деревне иолапити.

— Видел его? Это лучший рыбак иолапити.

— Но ведь ему не больше тринадцати лет? — изумляюсь я.

— Да, и тем не менее никто лучше его не знает, где, когда и какая рыба водится и ловится в Туатуари! И он не делает ничего иного, как только ловит и ловит рыбу. Ты же видишь, он каждый день раза по четыре ходит мимо нас. Только проснусь утром, а он уже шлепает обратно с миской, полной рыбы. Отнесет и возвращается. И так целый день.

Орlando закурил, топнул ногой на собаку, которая кралась, поджав хвост, на кухню, где медсестра Марина уже чистила рыбу к обеду, и продолжил:

— Есть у них специалисты по изготовлению луков и стрел, по вытесыванию флейты «жакуи», по многим другим операциям. Но это еще не все... А вот можешь ли ты себе представить, что у них имеются лингвисты.

— Что?!

— Да, да, лингвисты! Специально выделенные члены племени, которые обязаны бороться за чистоту своего языка. И поэтому в разговоре они стремятся постоян-

но употреблять те слова, которые начинают исчезать из обихода, забываться. Во всех беседах с остальными соплеменниками «лингвист» тщательно выговаривает такие слова, напоминая о том, что забывать их нельзя.

Есть у них еще и «историки»: они хранят и передают из поколения в поколение предания о «героях», о выдающихся предках, рассказывают о жизни племени в прошлом, о его войнах и переселениях. Имеются среди них «переводчики», знающие по несколько языков других племен. Есть у них специалисты по борьбе.

— Кстати, борьба в их жизни играет такую же роль, как и в нашей? Это спорт или что-то еще?

— Спорт. Борьба у них, как и у нас, спортивное состязание. Но более СПОРТИВНОЕ, чем у нас, — улыбнулся Орlando.

— То есть?

— У этих «примитивных», «диких», «недоразвитых» индейцев куда больше, чем у нас, развито чувство уважения к противнику. Ни один из них никогда не позволит себе как-то продемонстрировать свое превосходство, унизить или оскорбить побежденного соперника. Не станет бурно ликовать, кричать, радоваться: этим он проявил бы неуважение к проигравшему. Когда кончается схватка, победитель, как бы он ни был силен, как бы легко ни досталась ему победа, всегда поможет поверженному сопернику подняться и никогда не унижит его каким-то оскорбительным или неуважительным отзывом или жестом. Наоборот, победитель очень часто произносит по окончании схватки нечто вроде утешающего заявления, обращаясь к поверженному с такими примерно словами: «Сегодня я тебя победил, потому что мне повезло, потому что мне улыбнулось счастье: ты случайно поскользнулся и упал. Но вообще-то ты гораздо сильнее меня».

Точно так бывает и перед началом «товарищеского

матча» двух деревень: вожди или «представители команд» обмениваются приветственными речами, где каждый старается всячески восхвалять соперников и принизить достоинства своего собственного племени: «Раньше мы были сильны и велики, но сейчас мы совсем ослабели, и вы должны легко победить нас. И когда вы победите, это будет заслуженная победа!» Иногда они входят в азарт и начинают расхваливать не только бойцовские качества соперников, но и рассыпают комплименты в адрес их деревни или их племени вообще: «Ваша замечательная деревня расположена на самом красивом берегу самой лучшей реки Шингу. Ваши малоки — самые прочные, самые красивые, самые чистые».

— Они, значит, умеют ораторствовать?

— Ораторствовать?! Да в этом отношении они обогнули нас на несколько столетий! Будь уверен, никто из наших лучших ораторов не может идти с ними ни в какое сравнение! Никто. Потому что умению говорить они придают очень большое значение. Любая беседа вызывает у них уважение. Прервать беседу неприлично. Участвовать в ней почетно. Бесчисленное множество способнейших в иных сферах жизни индейцев теряли надежды стать вождями потому, что не умели ораторствовать. Ведь вождь племени — это прежде всего оратор, трибун! Он должен уметь сохранять достоинство, осанку, должен быть величавым, степенным, говорить не торопясь, не глотая слов. Он не может хохотать и суетиться.

— И они могут произносить длинные речи?

— Длинные?! Да, любой вождь способен в любую минуту произнести речь на два-три часа. Экспромтом и без шаргалок, как ты понимаешь. Ты даже не представляешь себе, какие великие ораторы имеются среди них! Лет пятнадцать назад прибыла сюда к нам солид-

ная делегация: депутаты конгресса. Прилетели на двух самолетах прямо из столицы. Дело было вечером, мы их сразу разместили на отдых, а утром я велел сыграть подъем в шесть утра. Заметь: в шесть утра! И сразу же после кофе началась у них встреча с иолапити. И депутаты — люди, которых не удивишь длинными речами, — чуть не попадали в обморок: с шести утра до девяти вечера продолжался устроенный в их честь «митинг». С приветствием выступили два индейца. Сначала выступил один, потом брал слово, чтобы дополнить его, другой, потом снова начинал говорить первый и так дадалее. Эти два иолапити уморили депутатов.

— Но о чем же можно говорить столько времени?

— Как это «о чем»? Да о чем угодно! Эти двое, например, рассказывали депутатам об истории своего племени, о его славных деяниях, о великих войнах. Потом они перешли, так сказать, к анализу различных аспектов влияния белой цивилизации на жизнь иолапити, изложили депутатам свою точку зрения, свое мнение относительно всех плюсов и минусов «карайба», что у «карайба» хорошо, а что плохо, что иолапити нравится, а что не очень.

...Пока я перезаряжаю магнитофон, он подходит к окну и кричит зычным голосом:

— Эй! Кто там? Принесите воды!

Спустя полминуты слышится дробный топот босых ног: три мальчугана несутся во весь опор. В руке у каждого громадная кружка с водой.

— Черт возьми, — ухмыляется Орlando. — Видать, я крикнул слишком громко.

Забеги проходят с переменным успехом, но к финишу все трое приходят одновременно: они протискиваются в дверь, ожесточенно толкая друг друга локтями, и протягивают свои кружки. Орlando берет воду у одного из них, пьет, поглядывая краем глаза на двух других сор-

ванцов. Те понурились. Уж очень каждому хотелось, чтобы Орlando взял воду именно у него.

Орlando допивает, отдувается, протягивает руку, берет другую кружку и пьет из нее. Потом тяжело вздыхает, гладит себя по громадному животу, вздыхает еще раз и берет третью кружку. С трудом осушает и ее, снова отдувается, как бегемот, выставивший морду на поверхность пруда в зоопарке. Потом шлепает ближайшего мальчугана по попке и командует:

— А теперь марш отсюда!

Детишки с радостным визгом скачут прочь.

— Можно продолжать? — спрашиваю я.

— Ну что с тобой делать, — вздыхает он. — Давай терзай меня дальше. После этих трех кружек меня уже ничем не испугаешь.

Я снова включаю магнитофон.

— А можем ли мы чему-либо у них научиться? Может ли наша культура, наша цивилизация что-то у них позаимствовать?

— Ну, мы уже столько позаимствовали, что навечно остались их должниками. Мы взяли у них их землю. Они дали нам свою кровь: ведь индейцы стали одним из главных этнических элементов в формировании бразильской нации.

А их вклад в нашу духовную жизнь? В литературу! Искусство! Лучшие произведения бразильской литературы построены на индейском фольклоре, на их эпосе. А язык! Сколько индейских слов впитал в себя португальский язык, сколько названий на карте осталось от старых имен, например, тупи!

Но оставим в стороне эти абстракции. Возьмем, скажем, сельское хозяйство. Сколько тебе известно типов ореха «амендоима»? Лучшие агрономы в штате Сан-Пауло знают шесть типов. А индейцы высевают шестнадцать! Возьми картофель: на этой же земле, где какой-

нибудь батрак в Шавантине собирает этикие шарики для пинг-понга, у индейцев картофеля иногда получается размером с футбольный мяч. Их маниока ни в какие сравнения не идет с нашей: она вкуснее, питательнее и лучше.

Пойдем дальше. Необычно поучительна их медицина! Я говорю не о колдовстве, а об их изумительных травах, об их умении определять свойства растений, их полезность в хозяйстве и в той же медицине. До сих пор врачи бьются и не могут разгадать загадку их противозачаточных средств: когда женщина решает воздержаться от деторождения, она выпивает какую-то настойку из травы и перестает рожать. Может пройти несколько лет, и, если она вновь захочет ребенка, она отыскивает другую траву, которая снимает эффект первой.

А их искусство? А их ремесло? Эти потрясающие бусы и маски, украшения и утварь. Кто из нас способен украсить резьбой ручку лопаты с такой же любовью, с какой индеец украшает орнаментом свой лук? А их украшения из перьев? А легенды, которые они рассказывают, тысячелетиями передавая их из поколения в поколение. Разве мы, «цивилизованные люди», смогли бы без помощи письменности, литературы, библиотек и архивов сохранить столь же бережно, как они, наше духовное наследие, нашу историю? А ведь у них нет никакого способа сохранить или развить свою духовную культуру, кроме устной передачи друг другу.

— Одним словом, я вижу, что их мир куда более сложен и интересен, чем это представляется всем нам?

— Разумеется!

— Но как же все-таки трудно перекинуть мост между этими двумя мирами: нашим и их!

— Трудно? — Орlando задумался. — Нет, я бы сказал, невозможно!

— Не слишком ли пессимистично это утверждение? Позволю себе напомнить, что в нашей стране сходные проблемы — например, с малыми народностями Севера — решились весьма успешно.

— Когда я говорю «невозможно», я имею в виду наши условия. Ваш, советский, опыт действительно интересен и, как мне кажется, является пока единственным в истории примером успешного приобщения малых народностей к «белой цивилизации». Но здесь, в НАШИХ условиях, в рамках капитализма, разговоры об «интеграции» индейцев, о включении их в **нашу** жизнь и «приобщении» к **нашей** культуре — это чушь! Если такая «интеграция» и может быть достигнута, то только на протяжении очень долгого времени. Может быть, целых веков. Мы не понимаем, что индеец может выжить, может сохраниться как сын своего народа только в рамках своей культуры. Своей собственной! Если бы мы научились уважать его культуру, перестали бы смотреть на него свысока... — Орlando раздраженно махнул рукой. — Если бы смогли понять, что эта культура, на которую мы так безжалостно посягаем, которую мы насильственно подавляем нашей «цивилизацией», не принадлежит нам, не является нашей собственностью, что она достояние всего человечества!

— Ну а где же, по-вашему, выход?

— Выход? — Орlando нервно хрустнул пальцами. — Никто не знает, где выход. Я его не вижу. Индейца нужно было бы оставить в покое. Оградить от контактов с нами, создать как можно больше Парков вроде нашего, где с индейцами будут общаться только специально подготовленные люди. Сейчас, сегодня нужно принимать срочные меры, чтобы сохранить то немногое, что еще уцелело. А потом сесть и подумать, что делать дальше.

А ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

«...Сохранить то немногое, что еще уцелело». Горечь и пессимизм этих слов Орlando потрясли меня. Трудно было поверить, что человек пытается смириться с неизбежным провалом дела, которому он себя посвятил, и признает, что цель, к которой он всю жизнь стремился, не только никогда не сможет быть достигнута, а, наоборот, с каждым годом отодвигается все дальше и дальше.

Но постойте! А не преувеличивают ли Орlando и Клаудио? Может быть, эта жестокая повседневная война, которую они ведут: отсутствие денег, нехватка инвентаря, имущества, равнодушие начальства — сделали их пессимистами?

Я решил не торопиться с ответами на вопросы, родившиеся там, в Шингу, в беседах с Орlando и Клаудио. Я решил по возвращении в Рио-де-Жанейро поинтересоваться мнением других специалистов и ученых. Людей, которые могут рассматривать вопрос без какой бы то ни было предвзятости.

Первой жертвой моей любознательности оказался один из крупнейших специалистов бразильской индеелистики, перечень должностей и ученых званий которого отменяет всякие сомнения в компетентности и эрудиции этого человека: доктор антропологии, заведующий секцией антропологии Национального музея, преподаватель кафедры антропологии Федерального университета Рио-де-Жанейро министерства просвещения и культуры, профессор Роберто Кардозо де Оливейра.

Профессор, надо отдать ему должное, довольно долго и весьма изобретательно сопротивлялся наскокам странного русского журналиста, откладывая и перенося с одного срока на другой запрошенное по телефону интервью. Его можно было понять. Во-первых, он был обре-

менен массой забот, связанных с выполнением множества своих служебных и научных обязанностей. Во-вторых, беседа с подозрительно любознательным журналистом не могла вызвать у него энтузиазма, потому что говорить об индейцах было тогда не так-то просто: в европейской и американской печати начали появляться статьи и интервью, посвященные тяжкому положению бразильских индейцев, расправам, стычкам, побоищам, погромам, и это вызвало серьезное беспокойство Национального фонда индейцев (ФУНАИ), который принял решение ликвидировать этот журналистский ажиотаж, наносящий ущерб национальному престижу. Первым шагом в этой кампании явилось категорическое запрещение чиновникам системы Национального фонда индейцев давать какие бы то ни было интервью журналистам. Тем более иностранным. Единственным источником тщательно профильтрованной официальной информации о жизни и положении бразильских индейцев становилась отныне канцелярия президента Национального фонда индейцев.

Профессор Кардозо, правда, не являлся сотрудником ФУНАИ, однако, учитывая сложившуюся ситуацию, беседа с иностранным журналистом вряд ли могла радовать его. И тем не менее — за это я должен выразить профессору глубочайшую признательность — он в конце концов согласился принять меня в своем кабинете на первом этаже Национального музея Рио-де-Жанейро. Музей этот размещается в роскошном дворце, принадлежавшем полтора века назад первому императору Бразилии.

Для начала я прошу профессора ответить на такой вопрос:

— Анализируя бесчисленное множество конкретных контактов и соприкосновений двух цивилизаций — индейской и белой, от специально организованных науч-

ных экспедиций до случайных стычек с индейцами солдат окраинных гарнизонов, геологов или сборщиков каучука, можно ли уловить какие-то закономерности в зарождении и развитии этих контактов? Можно ли, например, определить, как в большинстве случаев реагируют индейцы, впервые встречающие белого человека, — дружелюбно или враждебно? Наблюдаются ли какие-то различия и нюансы в отношении к нам у индейских племен в зависимости от уровня их развития? Можно ли, иными словами, определить, кто к нам относится «дружелюбнее»: более отсталые или более развитые племена?

— Мне кажется, — говорит профессор, — что характер и закономерности контактов и взаимоотношений нашей и индейской культур определяются не особенностями индейских племен, не большей или меньшей степенью их развития. Главное, что определяет отношение индейца к белому, — это историческая специфичность контактов и, в частности, первого контакта между ними. Что это такое?

Во-первых, характер этого контакта: мирный или конфликтный. Обычно индеец, если он никогда ранее не был атакован белыми, тяготеет к мирной форме контакта с нами. Конечно, он почти в любом случае остается недоверчивым, подозрительным. Это неизбежно. Он стремится избегать нас, поскольку инстинктивно опасается подвоха, угрозы, опасности. Но все равно и при этой подозрительности, нервности, недоверчивости он более расположен к мирному контакту. Именно так произошла, например, первая встреча Штейнена с индейцами Шингу: они его побаивались, избегали поначалу, потом все окончилось миром. И это потому, что до Штейнена там никто не был и, следовательно, никто с ними не конфликтовал, не вызывал их раздражения.

Увы, так бывает далеко не всегда. В большинстве

случаев встреча двух культур, первый контакт индейца и белого протекает в обстановке агрессивности, конфликта, столкновения. И, главным образом, не по вине индейцев! Я вообще не склонен считать, что было бы справедливо классифицировать индейские племена по их отношению к нам на более или менее воинственные. Наоборот, нужно говорить о большей или меньшей агрессивности белых по отношению к индейцам.

История взаимоотношений наших культур показывает, что с момента установления первых контактов аборигенов и белых установилось несколько определенных фронтов нашего наступления на индейцев. Из них можно выделить три главных: «экстрактивный», скотоводческий и земледельческий. Все они агрессивны по отношению к индейцу, хотя и в разной степени. Возьмем, например, первый — «экстрактивный» фронт. Он представляет собой громадную массу сборщиков каучука, плодов, орехов, охотников, рыбаков, уходящих все дальше в сельву, рабочих всевозможных предприятий и фирм, занимающихся добычей природных богатств: рубкой леса, разведкой полезных ископаемых, охотой, рыбной ловлей. Этот фронт в какой-то мере заинтересован в использовании индейцев в роли сборщиков плодов, например, или лесорубов и не заинтересован в их физическом уничтожении. Поэтому я считаю его несколько менее агрессивным * по отношению к ним, чем два остальных: скотоводческий и земледельческий. Самым агрессивным из трех фронтов является, по-моему, скотоводческий: индейцы кажутся представителям этого фронта помехой на пути его расширения. Они могут уничтожать скот, рассматривая его как свою законную добычу, когда он забредает на их территории. Да и эти

---

* Это мнение профессора не разделяется большинством остальных этнографов Бразилии, которые не считают «экстрактивный» фронт более «гуманным» по отношению к индейцам (И. Ф.).

«законные» индейские территории, земли, на которых индейцы живут, разводят свои плантации и охотятся, являются помехой для расширения пастбищ. Поэтому-то скотоводческий фронт весьма воинственно настроен по отношению к индейцам: для любого владельца скотоводческой фермы индейцы являются заклятыми врагами, которых он стремится устранять со своего пути любыми методами, вплоть до физического уничтожения.

Ну а третий — земледельческий фронт — тоже рассматривает индейцев как помеху: он заинтересован в использовании индейских земель под посевы и плантации сельскохозяйственных культур.

Одним словом, — заключает профессор, — я отнюдь не склонен подразделять индейские племена на более или менее «агрессивные» по отношению к нам. Повторяю: гораздо более логичным является противоположный подход, при котором рассматривается большая или меньшая агрессивность различных фронтов нашей цивилизации по отношению к индейскому обществу.

Ну а к чему привело совокупное воздействие всех фронтов нашей цивилизации на индейское общество, лучше всего свидетельствует исследование, проведенное крупнейшим специалистом по вопросу взаимоотношений нашего общества с индейцами, — с этими словами профессор достает с книжной полки пухлый том под названием «Индейцы и цивилизация», на титульном листе которого значатся имя и фамилия автора: Дарси Рибейро. — С этим человеком я советовал бы вам побеседовать, — говорит профессор, — если, конечно, вы найдете какой-то способ сделать это...

К сожалению, мне не удалось познакомиться и побеседовать с профессором Дарси Рибейро: после свержения в 1964 году правительства Гуларта, в котором Дарси Рибейро занимал один из видных постов, он вы-

нужден был уехать в эмиграцию и с тех пор живет за границей. Однако, следуя совету Кардозо де Оливейра, я постарался внимательно изучить его основные труды, и это помогло мне привести в относительный порядок впечатления и мысли, накопившиеся во время пребывания в Шингу.

Книга «Индийцы и цивилизация» является итогом многолетней кропотливой исследовательской работы и обобщает выводы и наблюдения, к которым пришел Дарси Рибейро в результате нескольких десятилетий своей научной деятельности. Кардозо де Оливейра обратил мое внимание на ту главу книги, где профессор Дарси Рибейро анализирует изменения, происшедшие с индейским обществом на протяжении первой половины нашего века. Переработав громадное количество источников, профессору удалось вычислить (с известной долей приближения, разумеется) количество индейских племен и племенных групп по состоянию на 1900 год, а затем проследить динамику развития индейского общества до 1957 года. Вывод профессора и дает нам ответ о результате «дружного» совокупного воздействия на индейцев всех фронтов нашей цивилизации: за минувшие полвека количество индейских племен и племенных групп в Бразилии сократилось с 230 до 143. Иными словами, только на протяжении первой половины текущего столетия в Бразилии исчезли 87 индейских племен и племенных групп!

Работа профессора читается с громадным интересом с первой до последней страницы, и я не могу не процитировать еще несколько любопытных наблюдений и выводов этой книги.

Профессор классифицировал все индейские племена по степени их контактов с нашей цивилизацией на четыре группы: племена «изолированные» (то есть не имеющие никаких контактов с цивилизацией); племена,

случайно и непериодически контактирующие с белыми; племена, поддерживающие постоянные контакты; и четвертая группа — племена «интегрированные», то есть «поглощенные» новым обществом и нашедшие в нем какое-то свое место, какую-то конкретную форму выживания и сотрудничества с нашей культурой. «Победное наступление цивилизации» в последние полвека характеризуется у профессора Рибейро следующими цифрами: количество изолированных племен сократилось за эти 50 с лишним лет почти в три раза: в 1900 году насчитывалось 105 таких этнических групп, в 1957-м — всего 33. Если в 1900 году изолированные племена и группы составляли почти половину (45,6 процента) от всех племен, то в 1957 году их «удельный вес» в индейском мире снизился до 23 процентов.

Сами по себе эти цифры не должны вызывать особого беспокойства: они отражают объективную и логичную тенденцию, вызванную оправданным стремлением бразильской нации развивать внутренние районы своей страны. Чем дальше в глубь сельвы, образно говоря, уходит белый человек, тем чаще становятся контакты с новыми племенами, тем чаще «изолированные» этнические группы переходят в категорию племен, поддерживающих сначала случайные, а затем постоянные контакты с белыми. Повторяю: эти цифры могли бы и не вызывать беспокойства, если бы не данные еще одной графы в таблицах профессора Дарси Рибейро: помимо четырех вышеназванных категорий, он вводит и еще одну — «исчезнувшие племена».

Как уже было сказано, по его подсчетам, на протяжении первой половины XX века исчезли, вымерли, прекратили свое существование 87 индейских племен. Проведя сопоставление статистических данных 1900 и 1957 годов, Дарси Рибейро приходит к выводу, что около половины всех племен, которые в начале века впер-

вые встретились с нашей цивилизацией, к концу этого периода, то есть к 1957 году, исчезло... Некоторые не исчезли целиком, но претерпели поистине катастрофическое сокращение своей численности: племя умотина уменьшилось с 1 тысячи человек до 200, племя хокленд — с 800 до 189, в племени кайнганг (штат Сан-Пауло) из 1200 человек осталось... 87.

Стремясь избежать ошибок и неточностей в оценке численности индейских племен, Дарси Рибейро при подсчете индейского населения страны на 1957 год дает по каждому племени, по каждой этнической группе два показателя: минимальную и максимальную оценку. Затем он суммирует сначала минимальные показатели, затем максимальные и получает две величины: минимальное и максимальное количество индейцев, обитавших в Бразилии в 1957 году. Минимальная, самая пессимистическая оценка — 68 100. Оптимистическая оценка: 99 700. Таким образом, профессор Рибейро считает, что по состоянию на 1957 год все индейское население Бразилии, по самым радужным, самым смелым оценкам, не превышало 100 тысяч человек, то есть составляло около 0,1 процента общего населения Бразилии. Иными словами, всех бразильских индейцев можно было бы разместить на нашем Центральном стадионе имени Ленина.

Эта грустная статистика достаточно красноречиво свидетельствует о характере взаимоотношений двух цивилизаций. Особенно если вспомнить, что, по мнению многих исследователей, к моменту высадки на эту землю Кабрала численность «туземцев» измерялась миллионами! *

---

* Ученый Абреу-э-Лима называет, по состоянию на 1500 год, цифру 100 миллионов индейцев, которую большинство специалистов считает преувеличенной. Историк Варньяжен, наоборот, впадает в другую крайность, определяя численность индейского населения

Разумеется, гибель племени отнюдь не является обязательным следствием каждого контакта индейцев и белых. Более того, в случае, если индейская этническая группа благополучно пережила первый «шок» встречи, если она не была физически уничтожена, не вымерла в результате занесенной белыми эпидемии, то, постепенно адаптируясь, приспособливаясь, она может довольно долго сосуществовать с нашим обществом. И так происходит довольно часто: если за минувшие полвека количество «изолированных» групп сократилось, как уже было сказано, со 105 до 33, то, наоборот, количество племен, поддерживающих постоянные контакты с белыми, увеличилось с 39 до 45. А количество «интегрированных» племен возросло с 29 до 33. Иными словами, после первого столкновения начинается период более или менее «мирного» сосуществования. Преодолев первые негативные эффекты встречи с белыми (эпидемии, «технологический шок», вызванный знакомством с новыми орудиями труда), индейское племя может обрести известную стабильность, устойчивость и даже несколько

в начале XVI века всего 1 миллион человек. Антонио Баэна и некоторые другие исследователи говорят о 10 миллионах.

Эти разногласия вполне понятны, если учесть, что все вычисления базируются на весьма недостоверных и приближенных оценках случайных путешественников и конкистадоров и на гипотетических проекциях в прошлое. Первые серьезные попытки антропологического обследования страны были сделаны лишь в XX веке. В 1900 году антрополог Луис Буэно Орта определил численность индейского населения на этот год в 1250 тысяч человек. По данным «Справочника индейцев Южной Америки», изданного в Вашингтоне, к 1922 году в стране насчитывалось 1100 тысяч индейцев, к 1940 году — 500 тысяч и к 1953-му — всего лишь 150 тысяч человек. Учтем также, что Бразильский институт географии и статистики оценивает размеры индейского населения страны еще более пессимистично: 60 тысяч — в 1940 году и около 40 тысяч — к началу 60-х годов. Напомню также, что Орландо и Клаудио Вилас-Боас определяют приближенную численность индейцев в стране в 150 тысяч человек.

увеличить свою численность. Внешне эта ситуация может выглядеть вполне благополучно: стычки и конфликты сменились таким подобием «мирного» сосуществования, начался более или менее организованный «торговый» обмен (луки, стрелы, украшения — на инструменты, оружие, одежду, продукты). Индейцы начинают посещать белых, белые завязывают постоянные контакты с индейцами.

И здесь начинается второй этап взаимодействия двух культур: постепенное необратимое и в большинстве случаев неизбежное растворение и поглощение индейской культуры, постепенная потеря индейцами своей этнической самостоятельности. Происходит «культурная ассимиляция» индейцев белыми, которая в конечном счете ведет к этническому исчезновению племени. Физически эти люди продолжают существовать. Но наступает момент, когда они, их дети или их внуки перестают себя считать индейцами и окончательно сливаются с окружающей их массой белых.

Процессы «культурной ассимиляции» изучает Кардозо де Оливейра. О том, как они происходят, он рассказал мне, базируясь на опыте своих наблюдений над небольшой народностью терена, обитающей на юге штата Мату-Гроссу. Хотя спорадические контакты терена с белыми происходили еще в XVII веке, активная колонизация этого района началась в конце XVIII столетия, когда туда докатилась самая зловещая волна «цивилизации»: «скотоводческий фронт». Из множества обитавших на юге Мату-Гроссу племен уцелели лишь некоторые. И терена остались одной из уникальных индейских групп, сумевших сохранить свою этническую самостоятельность, несмотря на почти двухвековой контакт с белыми. Они продолжают группироваться в нескольких деревнях, приспособив свою социально-экономическую структуру к условиям и требованиям окружающего их

мира. Это «равновесие», однако, никак нельзя назвать устойчивым. На деревушки терена продолжают оказывать воздействие «конвергентные» (как их называет профессор Кардозо) факторы, способствующие дальнейшей «культурной ассимиляции» этой маленькой народности. Поскольку пример терена является весьма характерным и учитывая, что на подавляющее большинство «интегрированных» или постоянно контактирующих с белыми индейских племен оказывают воздействие эти же факторы, я позволю себе изложить подробнее точку зрения профессора Кардозо.

Профессор считает, что главными факторами культурной ассимиляции являются: притягательная сила города, воинская повинность (которая начинает охватывать индейцев, оседающих в городах и поселках), смешанные браки индейцев и белых, а также деятельность религиозных миссий. Возьмем, например, первый из названных факторов.

Притягательная сила города... Привыкнув к соседству и обществу белых, индеец начинает очень быстро понимать (иногда по собственному опыту, иногда по рассказам друзей или родственников, уже выбравшихся «в люди»), что город является местом, где можно найти более или менее гарантированный заработок, новые и весьма заманчивые удовольствия и развлечения, а также лучшие условия для воспитания своих детей. Разумеется, все эти представления весьма отличны от представлений белых. Пределом мечтаний о заработке могут являться несколько монет за мойку машин или подметание улиц. «Развлечения» сводятся зачастую к рюмке кашасы, которую в городе достать неизмеримо легче, чем в своем селе, или к убогой провинциальной «синеме», где вертят голливудские боевики тридцатилетней давности.

Каждый визит индейца в поселок или город (наибо-

лее распространенной причиной таких визитов является стремление обменять изделия своего ремесла на орудия труда, ткани, продукты и украшения) становится после его возвращения в родное село предметом оживленных обсуждений, споров, разговоров и... зависти. Выменный нож или миска, бусы или штаны вызывают восхищение и неудержимое желание занять такую же чудесную штуку. Интерес к загадочной и соблазнительной жизни города растет, и с течением времени начинается постепенно увеличиваться количество вылазок и визитов. Кто-то оседает там навсегда, кто-то вообще исчезает из поля зрения соплеменников, давая почву для фантастических предположений насчет «удачи», найденного «счастья» и т. п. Проходит несколько лет, и город входит в жизнь индейской деревушки как гигантский магнит, растаскивающий ее по частям.

И это происходит вопреки тому, что индеец чувствует свое принижено-подчиненное положение, свою роль парии в недоступном для него обществе белых, которое в подавляющем большинстве случаев не желает принимать его в свою среду.

Слушая рассказ Кардозо де Оливейра, я вспомнил любопытный эпизод, рассказанный Ноэлом Нутелсом. Однажды он выступал на одной из телестанций Рио-де-Жанейро в программе, посвященной индейским проблемам. Ведущий программу телекомментатор ввязался в спор с Ноэлом, пытаясь защищать «интеграцию» индейцев и доказать, что она приносит им «блага цивилизации». Ноэл, который никогда не лазил за словом в карман, возразил.

— «Интегрированный» индеец, — сказал он, — это человек, которого мы насильственно вытащили из общества, где он занимал первое место, и поставили в нашем обществе на последнее место. Возьмем, например, вашу телестанцию, — обратился Нутелс к своему оппонен-

ту. — Имеется ли среди сотрудников этой станции хотя бы один индеец? Если таковой имеется, то я заранее готов поклясться, что он занимает самое скромное положение среди вас.

За кулисами забегали, зашептались, засуетились помощники режиссера, ведущего программу, и девушки-секретарши. Выяснилось, что действительно на телестанции работает какой-то индеец. Его привели и поставили рядом с Ноэлом. Тот посмотрел на растерянного скуластого парнишку, улыбнулся и спросил:

— Чем ты здесь занимаешься, сын мой?

— Мою полы, — ответил ничего не понимающий индеец.

Одним из самых эффективных и быстродействующих факторов ассимиляции Кардозо де Оливейра считает деятельность религиозных миссий, энергично и последовательно разрушающих не только культуру, но и всю социально-экономическую структуру индейского общества. Например, те же терена в XIX веке стали объектом обработки со стороны нескольких католических миссий. Вскоре дело дошло до того, что индейцы стали отождествлять понятие «цивилизованный» с «христианином». Святые отцы довольно быстро внушили им мысль, что для приобщения к цивилизации достаточно стать католиком, признав высшим божеством и вершителем судеб загадочного «героя» белых — Христа. Однако в XX веке деревни терена подверглись массовой атаке новых вероучителей: протестантов. Те были куда более агрессивны. Дело дошло до использования громкоговорителей для пропаганды евангельских догм с музыкой и истерическими заклинаниями. В результате каждая из четырех деревушек терена раскололась на две группировки; «католиков» и «протестантов». При этом принадлежность к той или иной группе, как легко понять, определялась отнюдь не приверженностью к тем

или иным религиозным догмам (они продолжали оставаться для терена загадкой), а самыми разнообразными факторами, в том числе личным соперничеством, симпатиями или антипатиями, взаимоотношениями со священниками. Дело доходило до курьезов: поскольку протестантские падре категорически запрещали своей «пастве» употребление спиртных напитков (неизбежный спутник «белой цивилизации»), а святые отцы-католики ограничивались лишь мягкими отеческими внушениями и абстрактными рассуждениями о грехе и добродетели, некоторые индейцы, успевшие вкушать сладость кашасы, испытывая желание напиться, объявляли о своем переходе из «протестантов» в «католики». А погуляв на славу, возвращались, удовлетворенные, в лоно протестантской церкви.

Еще одним важным фактором, способствующим ассимиляции индейцев, является использование их в качестве рабочей силы, в особенности для осуществления тех работ, которые они умеют делать лучше белых: сбора плодов, рубки леса, например. Неграмотный индеец представляет особый интерес для предпринимателя, поскольку он неприхотлив и легко довольствуется заработком, который не предложишь самому убогому кабокло. Кроме того, индейца легче поддерживать в состоянии вечной кабалы, искусственно создавая «задолженность», из цепей которой он никогда не сможет вырваться. Вот что написано в «Докладе комиссии телеграфных линий штата Мату-Гроссу о работах, выполненных в 1900—1906 годах под руководством инженер-майора Кандидо Мариана да Силва Рондон»: «Обычно терена безжалостно эксплуатируются фазендейро. Трудно найти какого-нибудь терена, который не был бы по уши в долгах у своего хозяина. Однажды мне рассказывали про богатого фазендейро, который имел обычай в начале каждого года собирать работавших у него терена и объявлять им о сведе-

нии взаимных счетов. Предоставив им списки долгов, он завершал собрание демонстрацией «щедрости»: объявлял каждому из них о скидке с суммы долга, чтобы якобы индеец не был ему слишком много должен... Несчастные индейцы, искренне верившие в то, что их патрон является воплощением доброты, расходились, удовлетворенные, и организовывали на радостях пьянку, которая открывала счет их новой задолженности: ведь даже на выпивку им приходилось просить у хозяина взаймы.

На самом же деле никто из них не был должником патрона. Во-первых, потому, что он платил не по истинной стоимости выполняемой ими работы, а по расценкам, которые он сам устанавливал. И, во-вторых, потому, что продажа товаров индейцам со стороны хозяина выполнялась в том же грабительском духе, вследствие чего индейцы никогда не могли добиться «равновесия» во взаимоотношениях со своим хозяином. Так возникла новая форма рабства. Ни один из них не мог уйти от хозяина до тех пор, пока новый патрон этого индейца не согласится уплатить его долг. Если же индеец пытается убежать, то он подвергается издевательствам, побоям, а часто его просто убивает «полиция», которую специально для этого держит латифундист».

Эти строки были написаны более полувека назад. Нет никаких оснований считать, что с тех пор положение в разбросанных по «медвежьим углам» Бразилии латифундиях, пользующихся трудом «интегрированных» индейцев, изменилось. Если не считать самого главного: как доказал Дарси Рибейро, самих индейцев осталось гораздо меньше, чем в начале века.

Конечно, далеко не все «интегрированные» индейцы вынуждены наниматься на работу к белым. Многие племена сохраняют и на этом этапе известную автономию. С одним из таких «интегрированных» племен я познакомился, посетив в конце 1970 года вместе с двумя запад-

ногерманскими журналистами деревушку индейцев апи-наже, находящуюся километрах в двадцати от городка Токантинополис на севере штата Гойас. Мы путешествовали по трассе будущей Трансамазонской магистрали, которая начинала прокладываться от этих мест в западном направлении — на Марабу, Алтамиру, Итайтубу. Поскольку неподалеку от Токантинополиса находилась деревенька апинаже, наши гостеприимные хозяева — инженеры департамента путей сообщения — пригласили нас заехать в гости к индейцам.

Судьбу апинаже можно назвать благополучной. Они, правда, уменьшились в численности, вынуждены были оставить несколько деревень и собраться в одно довольно большое (по индейским масштабам) селение. Живут они мирно, почти не конфликтуют с окружающими их белыми. Им — этим благополучным апинаже — могли бы позавидовать соседние индейские племена: влачащие жалкое существование нищие шерёнте или преследуемые строителями дорог и земледельцами, захватывающими их земли, гавибес. Апинаже стараются вести себя тихо, мирно. Их имена никогда не попадают на страницы печати, смакующей скандалы и конфликты между индейцами и белыми. Их периодически навещает приезжающий из Токантинополиса врач. Одним словом, судьба апинаже — это едва ли не самая удачливая судьба индейского племени, в течение долгого времени живущего в постоянном контакте с белыми. И все же их культура погибает. Точнее говоря, уже погибла. Никто не исполняет традиционных обрядов, забыты предания, не поются старинные песни.

Когда мы спросили вождя племени, мирно ли живут апинаже со своими белыми соседями, он почесал озабоченно затылок и сказал, что вообще-то живут они мирно, но иногда белые засевают свою кукурузу на землях апинаже. И год назад земли совсем стало мало, потому что

один из богатых белых протянул проволоку, которой он отмечает свои земли, почти до самой деревни.

Один из сопровождавших нас бразильских инженеров пояснил, что захват индейских земель под пастбища или плантации — дело обычное. Ведь индейцы не заботятся о разметке своих владений. Даже сам епископ Токантинополиса купил недавно у некоего гражданина по имени Эпаминондас большой земельный участок, который, как выяснилось, был собственностью апинаже.

Другим племенам, сказал инженер, приходится еще тяжелее. У находящихся неподалеку отсюда гавиоес, например, при прокладке автомобильной дороги, соединившей городок Мароба с автострадой Белем — Бразилиа, отобрали самые лучшие земли. Многие деревни этого племени были просто-напросто изгнаны со своих мест.

Белые крестьяне в окрестных деревушках живут точно так же, как апинаже. Их быт, жилища, орудия труда ничем не отличаются от того, что можно увидеть у индейцев. И тем не менее любой белый относится к индейцу свысока. Даже если этот белый — неграмотный, страдающий от нищеты и голода кабокло.

Может возникнуть вопрос: зачем я так подробно рассказываю обо всех этих терена или апинаже? Какое они, собственно говоря, имеют отношение к нашему путешествию в Шингу?

Самое непосредственное: то, что мы видим у апинаже или терена сегодня, через несколько лет можно будет увидеть и в Шингу: камаюра, иолапити, чикао и их соседи рано или поздно будут подавлены «белой цивилизацией» точно так же, как это уже произошло с апинаже, шеренте, терена.

Но действительно ли это так уж неизбежно, как утверждают братья Вилас-Боас и другие ученые-индеанисты? Неужели невозможно предохранить индейскую культуру от поглощения надвигающейся со всех сторон

культурой «караибов»? И вообще: возможно ли как-то решить эту пресловутую «индейскую проблему»?

Разные люди давно пытались ответить на этот вопрос. Загадочная «индейская проблема» волновала уже первого премьер-министра свободной Бразилии, возникшей полтора века назад после отделения этой страны от португальского королевства — знаменитого «отца независимости» Жозе Бонифасио. Он пытался собственноручно сформулировать основы своей политики по отношению к индейскому населению, выдвинув в качестве основных «путей для последовательного приобщения индейцев к цивилизации»:

«1. Справедливость. Не подвергать индейцев насилию и не пытаться отобрать еще остающиеся у них земли, законными хозяевами коих они являются;

2. Мягкость, постоянство и смирение с нашей стороны, которые характеризуют нас как христиан;

3. Открытие торговли с варварами, даже если она нам будет в убыток;

4. С помощью подарков и терпеливых воспитательных мер мы должны стремиться к миру с враждебными индейцами;

5. Мы должны способствовать всеми возможными средствами бракам между индейцами, белыми и мулатами».

За истекшие с того времени, как были написаны эти слова, полтора столетия не было недостатка в государственных деятелях и чиновниках всех рангов, в теоретиках и практиках «индеологии», которые пытались развивать и совершенствовать эти принципы, столь же гуманные, сколь и идеалистические. Писались труды, произносились речи, закладывались памятники индейским вождям. Обладатели фешенебельных особняков Рио и Сан-Пауло, кокетливо бравируя своим квасным патрио-

тизмом, нарекали наследников индейскими именами и украшали залы идиллическими гравюрами и пастелями на темы индейских мифов. Поэты писали свои поэмы, юристы сочиняли трактаты, а индейцев становилось все меньше и меньше... Этому не смогла помешать даже специальная Служба защиты индейцев, созданная великим бразильцем — генералом Мариано Рондоном, который в своих легендарных экспедициях по индейским землям неукоснительно следовал гуманистическому лозунгу: «Умереть, если понадобится. Убивать — никогда!..»

В ответ на мой вопрос о том, что должно быть сделано для предохранения индейской культуры от «железной поступи прогресса», профессор Кардозо де Оливейра разводит руками:

— Конечно же, нужно уважать их культуру, их традиции, жизненный уклад, их независимость и право распоряжаться своей судьбой. Это никогда не делалось не только у нас, в Бразилии, но и во всех остальных странах, сталкивающихся с этими проблемами. Индейцы, как и любой другой народ, стремятся сохранить за собой право на суверенитет. Право жить своей жизнью. Но так как у них нет объективных условий и возможностей для этого, так как они не могут заставить белых прислушаться к их голосу, то в конце концов всегда торжествует право сильного.

Карлос Морейра Нето изучает историю законодательства, регулирующего статус индейцев в бразильском обществе с самого зарождения этой страны. Он считает главной бедой то, что индейцы всегда рассматривались окружающим их обществом как препятствие на пути прогресса и цивилизации, препятствие, которое должно быть устранено, преодолено или нейтрализовано.

А Эдуардо Галвао — один из старейших антропологов Бразилии, заведующий сейчас секцией антропологии в знаменитом музее имени Гёлди в Белеме, обратил мое

внимание на едва ли не самую главную сложность проблемы.

— Решение этого вопроса, — сказал он, — необычайно трудно без разрешения проблем бразильской провинции вообще. Невозможно оказать действенную и эффективную помощь индейскому населению, не обратив внимания на положение остального сельского населения страны. Разве можно, например, послать медика или создать медицинский пункт в какой-то индейской деревушке, если на сотни километров вокруг в убогих деревнях бразильских бедняков дети будут продолжать умирать от отсутствия лекарств и элементарной помощи? Разве можно пытаться улучшить условия жизни индейцев, не оказывая одновременно помощи миллионам крестьян, многие из которых бедствуют и впадают в еще труднее существование, чем индейцы? Нельзя наладить сельскохозяйственное производство в какой-то индейской общине, не подымая одновременно культуру производства на плантациях белых соседей этой общины.

Иными словами, — заключил свою мысль профессор Галвао, — решение индейской проблемы должно было бы стать составной частью коренных структурных преобразований в социально-экономической жизни бразильской провинции.

Вопрос заключается в том, кто и когда способен решиться на реформы такого масштаба. И смогут ли индейцы дожидаться этих реформ.

ТОЛЬКО ОРЛАНДО И КЛАУДИО...

Вторые сутки мы ждем самолета. Он должен сесть на две-три минуты и принять нас на борт, не выключая моторов. Поэтому все вещи давно уложены, никто не отлучается с Поста, и через каждые полчаса каждый из

нас по очереди издает ликующий возглас: «Самолет!», принимая за шум моторов пение гигантского шмеля или рокот «джипа», возвращающегося с плантации. Торопливо делаются последние фотографии: красавец Мейрован с женой и дочкой, худощавый Пиуни со своим тихим семейством. Орlando по моей просьбе подсаживается на скамью к Пиуни, и детишки радостно ползут на руки деду. Он улыбается, шлепает их по смуглым попкам и — он не может потратить впустую даже эти три минуты, пока я щелкаю затвором «Кэнона»! — деловито осведомляется у Пиуни, не забыл ли он починить дверь на складе.

— Не забудь смазать маслом петли. Эту проклятую дверь скоро нельзя будет открыть, даже ежели соберем сюда всех до одного чикао.

Потом мы слоняемся без дела, Орlando озабоченно глядит на небо, солнечное, ослепительно голубое, и, показывая на север, на приютившуюся у самого горизонта чуть различимую серую полосу облаков, сокрушенно качает головой:

— Сидит небось ваш самолет где-нибудь в Кашимбо или Жакареаканге: похоже, там льет как из ведра.

Галон в который уже раз перекладывает из одной пачки в другую рисунки, которые он везет на выставку индийского искусства и ремесла в Сан-Пауло. Нельсон забавляется с Педро: тычет острым ногтем мизинца в пушистый бок попугая и радостно смеется, когда птица, потеряв терпение, взмахивает крыльями и недовольно вскрикивает.

Неожиданно вваливается в «контору» шумная толпа: к Орlando заявила почти вся женская половина чикао. Они галдят, размахивают руками, суетятся. Орlando вздымает руки к небу и требует разыскать «переводчика» Куйаме. Куйаме нет, он либо уехал с отцом на «росу», либо ловит попугаев в лесу. Тогда Орлан-

до выгоняет этот цыганский табор из «конторы», крича, что у него больше нет терпения, что пропади оно все пропадом: и чикао, и самолет, который не приходит, и радио, которое не работает, и очки, которые снова пропали... «Кстати, где Кокоти? Кокоти! А ну марш за очками!» И клянется, что, если его не оставят в покое, он пошлет все к черту и уйдет отсюда куда глаза глядят.

Симаира, Якупе, Явайту, Тибуку и еще несколько женщин подходят ко мне. «Караиба имбора? Караиба имбора?» — спрашивают они, показывая на лежащие под скамьей сумки и рюкзак. Да, имбора, отвечаю, показывая на небо: «Авион, караиба имбора...»

Они садятся рядом и обнаруживают, что кожа моя на лице, на спине и на плечах начинает шелушиться, не выдержав убийственного солнца. Это приводит их в недоумение. Симаира трогает лоскуток, отрывает его, изумленно смотрит на меня: не больно? Я улыбаюсь: нет, не больно.

На нашу скамью подсаживается Клаудио. Он поправляет очки, достает из кармана смятых до невероятности брюк пачку все тех же вонючих сигарет и закуривает, прищурив слезящиеся от дыма глаза. Мы молча глядим на ребятишек, гоняющих мяч под пекизейрой, на Сабино, несущего со склада на кухню мешок с рисом, на Бенедито, обмеряющего рулеткой заднюю стену конторы. Потом Клаудио спрашивает:

— Ну как? С какими мыслями уезжаете от нас?

— С грустными, — отвечаю я.

— Почему?

— Хотите, чтобы я был откровенен?

— Да, конечно.

— Ответьте мне на один вопрос, Клаудио: ведь и вам, и Орландо уже далеко за пятьдесят, не так ли?

— Да.

— Ведь вы с ним рано или поздно должны будете...

— Умереть? Конечно, все мы смертны.

— Нет, дело не только в этом: ни вы, ни Орlando не выкованы из железа. А жизнь здесь... впрочем, мне ли об этом вам говорить? Ну еще пять лет, десять, пусть двадцать. А потом вы вынуждены будете вернуться. Туда, в Сан-Пауло... Не так ли? А что останется здесь после вас?

Он молчаливо дымит сигареткой, разглядывая свои стоптанные башмаки. Шумный табор чикао, к удовольствию Орlando, снялся наконец с якорей и, оглашая окрестности Туатуари истеричным галдежом, отправился обратно в свою деревню.

— Скажите, Клаудио, только честно: разве можно столь великое дело ограничивать рамками семьи? Почему вы не готовите себе замену? Разве вам безразлично, что будет здесь после вас? Ведь вы же лучше, чем кто бы то ни было, понимаете, что стоит вам с Орlando уйти отсюда, как все здесь полетит вверх тормашками: мирный покой Шингу взорвется.

Клаудио продолжает молчать, потягивая сигаретку.

— Ведь вы же не будете отрицать, что вся эта система держится только на вашем авторитете, на плечах двух людей — Орlando и Клаудио? Что за исключением Пиуни, Мейрована и еще полудюжины ваших помощников все остальные, оказавшись без вас, способны из-за первого же недоразумения взяться за «бордуны». Да и за полученные от вас ножи!

Орlando, прислушивавшийся через окно к нашей беседе, точнее говоря, к моему монологу, выходит из «конторы» и присаживается рядом с нами, обмахиваясь своей академической шапочкой.

— Хочешь всю правду до конца, Игорь? — говорит он. — Ладно, слушай. Скажу. Индеец обречен! Обречен... Ничто его не сможет спасти! Поздно... Наша цивили-

лизация поглотит его. Наша культура раздавит индейскую культуру. А мы?.. Мы только стремимся сделать эту неизбежную смерть менее болезненной. Вот и все.

Клаудио молчит, а потом покачивает головой:

— Да, Орландо прав. В условиях нашего режима в нашем обществе для индейца нет места. Может быть, какая-нибудь другая социальная система... возможно, ваш социализм смог бы разрешить эту проблему. А при нынешнем устройстве общества это невозможно.

— Кстати, о проблеме, — вмешивается Орландо. — Сколько об этом сейчас говорится и пишется: «индейская проблема»! Нужно решить «проблему индейцев»! «Индийская проблема» близка к решению! Тьфу! — Он плюет под ноги и смачно ругается... — Кто мне скажет, черт возьми, что это такое за штука — «индейская проблема»? Ее выдумали мы сами. Мы, белые. У индейцев до того, как на этой земле появились мы, не было никаких проблем. Они жили спокойно. И прожили бы еще тысячу и десять тысяч лет! Так нет: появились белые и принесли вместе с собой эту «индейскую проблему».

«Авио-о-он!» — раздается пронзительный вопль Кокоти. Он, чертенок, все-таки первым услышал тонкое пение мотора.

Все мы срываемся со своих мест: Мейрован бежит заводить «джип», Галон судорожно завязывает папку с рисунками. На тропке, уходящей к малокам чикао, показываются семенящие женщины: заслышав пение мотора, они, не дойдя до деревни, помчались обратно. Тяжелый «дуглас» уже заходит на посадку, вздымая пыль. К «конторе» подкатывает «джип», и мы бросаем в него свои чемоданы и рюкзаки. Марина бежит в медпункт за Унираньей. А пунктуальный Нельсон уже сидит рядом с Мейрованом на переднем сиденье «джипа», аккуратно поставив на колени свой изящный чемоданчик.

Еще через три минуты, когда самолет грузно подру-

ливаает к безжизненно болтающейся дырявой «колбасе», мы уже стоим на полосе, готовые к погрузке. Откидывается дверь, из самолета выползает лесенка. Офицер ФАБ приветливо машет Орlando: «Грузитесь скорее, за Шавантиной ожидается грозовой фронт!»

— Ну что, — спрашивает Орlando, — будем прощаться?

И начинаются объятия, нежные похлопывания по спине и плечам. Чуть поодаль, сощурившись от пыли, стоят Симаира, Якупе, Явайту. Мейрован и Пиуни деловито швыряют наши сумки, чемоданы и свертки сержанту, командующему погрузкой. Бенедито и Гарсия тащат на носилках Униранью. Девочка ничего не понимает. На ее исхудавшем лице застыло выражение ужаса. Сержант, приняв носилки, ставит крест в бортовом листе и кричит нам:

— Поживее поворачивайтесь!

И мы идем один за другим в это жаркое чрево самолета: Галон, Нельсон и я. Каждый оборачивается, чтобы махнуть на прощанье рукой, и каждого в этот самый момент нетерпеливый сержант строго окликает: «Фамилия?» — и делает отметку в своем бортовом листе.

Там, в самолете, заваленном ящиками, мешками, коробками, на двух длинных жестких скамьях сидят несколько офицеров ФАБ, летящих с далеких баз в отпуск в Рио, две чинные монашки, заточенные в свои длинные одеяния, какое-то семейство, переселяющееся, как выяснилось впоследствии, в Сан-Пауло из Манауса. На полу, на носилках, лежит Униранья, глядя на три наших — единственно ей знакомые! — лица с мольбой и надеждой.

Я выглядываю в окно. Клаудио и Орlando стоят рядом. Один в бесформенных штанах и рубаше, которая, казалось, никогда не знала утюга. Другой в серых шортах и вылинявшей шапочке. Сколько самолетов они

уже встретили и проводили? Сколько еще им предстоит встречать и провожать?..

Эти два смертельно усталых человека еще не знали в тот момент, что в столичных канцеляриях уже был утвержден проект новой дороги Бразилиа — Манаус, которая должна будет рассечь Национальный парк Шингу. Они еще не знали, сколько сил им придется потратить, настаивая на небольшом изменении трассы. Чтобы она пошла в обход Парка... Они не знали тогда, что все их усилия потерпят неудачу, и в начале 1971 года севернее Диауарума состоится открытие новой дороги, которая станет «окном» в Шингу, означающим конец изоляции и покоя, который они более четверти века тщетно пытались здесь создать.

Чуть позади, готовый подбежать по первому зову Орландо, стоит Кокоти, давно уже привыкший к суматохе, ко всем этим самолетам, посадкам, взлетам, опозданиям, шуму, суете. Я нащупываю в кармане перочинный ножик, подбегаю к двери, высовываюсь и кричу, размахивая рукой:

— Кокоти! Кокоти, иди сюда!

Он подходит. Я наклоняюсь и, крикнув: «Держи!», бросаю ему этот ножик: три восхитительно острых лезвия, отвертка, шило, столь необходимое здесь, и штопор, столь бесполезный для Кокоти. Он ловит нож и вопросительно оглядывается, ища глазами Орландо. Тот улыбается и одобрительно кивает головой. Кокоти улыбается радостно и машет рукой: «Спасибо!»

— Я пришлю фотографии! — кричу я. Кокоти кивает головой. Он смотрит на меня дружелюбно, но — как бы это сказать? — без горячей любви. Он знает, что я «карамба». А из всех «карамба» только Орландо и Клауди достойны доверия и дружбы. Только Орландо и Клаудио...

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. По ту сторону Реки Смертей

Там, где кончается асфальт	3
Что такое «Шингу»	10
Первый день, первый дождь, первые вопросы	20
«Нет ли у вас батареек?»	32
«Вас вызывает Диауарум»	46
Последний из трумаи	62

ЧАСТЬ II. Гибель падре Кальери 83

ЧАСТЬ III. Трудные будни поста Леонардо

Когда в воздухе свистят стрелы	113
Маленькая дискуссия о врачах и туристах	123
Самая трудная экспедиция	135
Некогда грозные чикао	145
Если выходишь в дождь, не бойся промокнуть	154

ЧАСТЬ IV. Индейцы и «караиба»

Рассказ Орландо о том, что за люди индейцы	170
А что же дальше?	197
Только Орландо и Клаудио...	216

Фесуненко И. С.

Ф44 Пост Леонардо. М., «Молодая гвардия», 1975.
224 с. с ил. (Бригантина.)

В книге рассказывается о жизни бразильских индейцев, о знаменитых братьях Вильяс-Боас, посвятивших свою жизнь трудному делу защиты прав индейцев.

Автор в течение пяти лет работал в Бразилии корреспондентом советского радио и телевидения, некоторое время жил в Шингу — районе, который в силу своей недоступности позволил индейским племенам сохранить в неприкосновенности древние обычаи. Личные впечатления автора легли в основу книги.

91(И7)

70302—064
Ф 078(02)—75 — **БЗ—48—021—74**

Игорь Сергеевич Фесуненко

ПОСТ ЛЕОНАРДО

Редактор С. Митрохина

Художник А. Гангалюна

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор В. Савельева

Корректоры Т. Пескова, В. Назарова

Подписано к печати с матриц 5/III 1975 г. А08069. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 7 (усл. 9,8) + 8 вкл. Уч.-изд. л. 10,7. Тираж 100 000 экз. Цена 37 коп. В. З. № 48 п. 021, 1974 г. Заказ 487.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сушчевская, 21.

37 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ